

А.В. Гребенюк

***Православная церковь
и государственное объединение
Северо-Восточной Руси
в конце XIV – начале XVI столетий:
проблемы отечественной историографии***

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

**«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-
СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

А.В. Гребенюк

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В КОНЦЕ
XIV – НАЧАЛЕ XVI СТОЛЕТИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Монография

Нижний Новгород

2014

УДК 91:93/99
ББК 63.2:86.2
Г 79

Рецензенты:

Н.И. Солнцев – д-р ист. наук, проф. кафедры истории религии и культуры Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

Н.А. Багровников – д-р филос. наук, проф. кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

А.В. Гребенюк. Православная церковь и государственное объединение Северо-Восточной Руси в конце XIV – начале XVI столетий: проблемы отечественной историографии: Монография. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2014. – 174 с.

ISBN

В монографии прослеживается полуторавековой процесс изучения отечественной исторической мыслью одной из сложнейших тем древнерусской истории. Выделяются этапы исследования, факторы, влиявшие на историографию проблемы, показывающиеся изменения ее теоретико-методологической и источниковой базы, раскрываются тенденции в развитии проблематики.

Предназначено для специалистов в области отечественной истории и историографии, студентов исторических факультетов и интересующихся историей России.

ISBN

© Гребенюк А.В., 2014
© ННГАСУ, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Русская православная церковь и процесс образования Великокорусского государства в отечественной исторической мысли середины XIX – начала XX века	
<i>1.1. Православное духовенство и процесс государственного объединения в конце XIV – начала XVI столетий в работах гражданских историков середины XIX – начала XX века</i>	21
<i>1.2. Проблема церковно-государственных отношений и представления о корпусе источников по древней истории РПЦ в церковно-исторической науке второй половины XIX века</i>	40
<i>1.3. Взгляды крупнейших представителей церковно-исторической науки второй половины XIX века на церковно-государственные отношения эпохи объединения русских земель</i>	47
<i>1.4. Историки права второй половины XIX – начала XX вв. об участии РПЦ в формировании единого Русского государства</i>	52
ГЛАВА 2. Русская православная церковь и государственное объединение Северо-Восточной Руси в советской историографии	
<i>2.1. Письменные «церковные» источники конца XIV – начала XVI веков в советских источниковедческих классификациях</i>	66
<i>2.2. Значение русской церкви для формирования Московского государства в представлениях советских историков в 20 – 40-е гг. XX вв.</i>	72
<i>2.3. Развитие взглядов на проблему участия РПЦ в процессе государственного объединения русских земель XIV–XV столетий в советской историографии 1950-х – начала 1980-х гг.</i>	78
<i>2.4. Вопросы церковно-государственных взаимоотношений XIV–XVI столетий в трудах Анатолия Михайловича Сахарова</i>	84
<i>2.5. Проблема влияния РПЦ на объединение русских земель XIV–XV столетий в поздней советской историографии (середина 1980-х – начало 1990-х гг.)</i>	92
ГЛАВА 3. Политические идеи русской православной церкви и государственное строительство в конце XIV – начале XVI столетий	
<i>3.1. Жития святых князей и княжеские договорные грамоты XIV – начала XVI вв.: образы светской власти (опыт сравнительно-источниковедческого анализа)</i>	102
<i>3.2. Идея «христианского государя» в политической практике московских князей эпохи объединения</i>	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	161

ВВЕДЕНИЕ

В свое время в докторской диссертации, посвященной историографии образования Российского государства, А.М. Сахаров отмечал, что «без изучения пути развития данной проблемы в исторической науке... невозможно ее исследовательское решение»¹. Слова эти до сих пор не утратили своей актуальности, особенно для отдельных сторон изучавшейся им темы. В число этих аспектов необходимо включить и вопросы участия РПЦ в объединительном процессе Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. В отечественной историографии этой теме не повезло. Ход ее изучения явно определялся непростым характером церковно-государственных отношений XIX–XX столетий. А специальные обращения к ней исследователей не многочисленны и отличаются большими временными промежутками. Внимание историков к этой теме, как правило, носило опосредованный характер. Все это усложняет рецепцию научного опыта по ее освоению в современной отечественной исторической мысли, скорее «повторяющей зады», «кружащей» вокруг выводов, давно сформулированных теми, кто когда-то проявлял исследовательский интерес к названному вопросу, в лучшем случае детализируя их оценки, в худшем – предлагая их неумелую эклектику.

Необходимость действительно систематического представления научного опыта в освоении темы участия РПЦ в государственном строительстве XIV – начала XVI века несет в себе и определенный общественный «заряд». Обращение к этой проблеме дает возможность детальнее исследовать происхождение и специфику норм общественно-политического взаимодействия в российском обществе, глубже понять развитие церковно-государственных отношений сегодня, когда представители власти разных уровней всячески демонст-

¹ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (Из истории русской исторической науки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1972. 29 с.

рируют, хотя бы внешне, приверженность к православной культурной традиции.

Специального системного исследования историографии проблемы участия РПЦ в процессе государственного объединения Северо-Восточной Руси в XIV–XV веках до настоящего времени в отечественной исторической науке не проводилось. Весь же имеющийся историографический материал можно систематизировать в соответствии со степенью отражения в нем указанного вопроса.

В первую группу работ можно отнести исследования, посвященные историографии проблемы образования единого русского государства.

Впервые этому вопросу была посвящена отдельная глава в докторской диссертации А.Е. Преснякова «Образование Великорусского государства», защищенной в 1918 г. В его «Историографических заметках» акцент сделан на характеристике развития наиболее общих теоретико-методологических оснований исследования проблемы государственного объединения в дореволюционной исторической литературе². Вопросы религиозно-политических отношений эпохи государственного строительства исследователь не выделял в самостоятельный тематический блок проблематики.

Следующей по времени возникновения работой, носившей характер систематического исследования историографии различных сторон объединения русских земель, стал большой экскурс, предварявший монографию Л.В. Черепнина «Образование русского централизованного государства. Очерки социально-экономической и политической истории Руси» (1960)³. В историографическом исследовании, носившем обзорный характер, отслеживался ход изучения проблемы, начиная с феодального периода до конца 1950-х гг. и использовалось традиционное для советской науки деление историографии

² Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998. С. 13–36.

³ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 15–145.

на дворянскую, буржуазную и радикально-демократическую. Выделялся советский период в изучении темы. Л.В. Черепнин характеризовал процесс исследования темы как поступательный. Его прогрессивный характер для исследователя проявлялся в победе марксистской исторической методологии, в дальнейшем накоплении знаний по теме, в выделении новых аспектов, в усложнении структуры проблематики. Однако такой вопрос, как участие церкви в объединительном процессе лишь мимоходом среди прочих затрагивался историком. Не назывался он и среди дискуссионных по теме⁴. Видимо, для Черепнина его решение лежало не в конкретно-исторической, а теоретико-методологической плоскости.

Первое диссертационное исследование, целиком посвященное дореволюционной историографии проблемы образования Российского государства, было проведено А.М. Сахаровым⁵. Исследователь поставил задачу показать движение темы в соответствии «с общим ходом развития исторической науки»⁶. Сам автор признавал, что «в целом подход к материалу определен в большей степени задачами изучения истории исторической науки, нежели задачей сведения возможно более подробного материала об изучении в прошлом данной проблемы и ее отдельных сторон»⁷. Понимая процесс государственного объединения как многофакторный⁸, а характер его изучения как многоаспектный, в то же время Сахаров отмечал, что «не все грани и аспекты этого процесса входили в поле зрения историков на разных этапах развития исторической мысли»⁹. Целевые установки, положенные в основу докторского исследования А.М. Сахарова, отодвигали на дальний план интересующий нас вопрос, наличие которого в диссертации лишь констатировалось.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (Из истории русской исторической науки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1972. 29 с.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Там же. С. 5.

Советский период историографии проблемы был коротко освещен А.М. Сахаровым в нескольких статьях в концептуальном поле своего диссертационного исследования¹⁰.

Ко второй группе относятся исторические труды, посвященные участию РПЦ в политической жизни Северо-Восточной Руси в период объединения, содержащие историографические обзоры проблемы.

В одной из первых монографических работ по тематике – магистерском исследовании представителя Киевской школы права, ученика М.Ф. Владимирского-Буданова – А.Я. Шпакова¹¹ еще нет специального интереса к историографии этой темы. Однако его труд содержит в себе элементы историографического анализа. Автор считает проблему взаимоотношений государства и церкви «Земского» и «Московского» периодов предметом истории «государственного права». Поэтому предлагая, пожалуй, первую классификацию историографии проблемы и деля ее на три части («историки-юристы, историки, канонисты и историки церкви»), он все же чаще обращается к работам своих коллег. И в основном тексте, и в примечаниях постоянно встречаются ссылки на мнения маститых правоведов по тому или иному аспекту вопроса. Эти обращения носят аннотирующий характер и выдают несамостоятельность многих оценок и суждений автора по теме.

Краткая характеристика изучения вопроса содержится во введении к работе Н.С. Борисова «Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков»¹². Проблему участия РПЦ «в политической борьбе XIV–XV вв.» он относит, как и А.Я. Шпаков за 80 лет до этого, «к

¹⁰ Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. №9. С. 70–88; Он же. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР. 1976. № 6. С. 72–92.

¹¹ Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества: княжение Василия Васильевича Темного. Киев Тип. Импер. Ун-та Св. Владимира, 1904. Ч. 1. 263 с.

¹² Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 6–34; Он же Московские князья и русские митрополиты XIV в. // Вопросы истории. 1986. № 8.

числу наименее изученных»¹³. Историографическая часть исследования темы у него имеет характер сжатого библиографического описания. В большинстве своих суждений, определений и оценок Борисов следует за Черепниным, объясняя те или иные теоретико-методологические установки в решении вопроса прежде всего общественно-политическими позициями того или иного исследователя. Хотя, в отличие от Л.В. Черепнина, он включает в историографию труды историков церкви и новейшие исследования 1960–1980-х гг., однако аналитическая сторона историографического экскурса Борисова выглядит беднее. Признаки систематизации историографического материала по теме носят скорее формальный характер, а сам автор в основном придерживается персонально-биографического принципа, предполагающего явную опасность неполноты изложения.

Проблематику, разрабатываемую Н.С. Борисовым, в настоящее время продолжил А.Е. Тарасов¹⁴, исследовавший «роль церковно-политических и религиозных мотивов в деятельности московских князей во второй половине XV – первой трети XVI вв.»¹⁵. Историографический отдел его кандидатской диссертации был посвящен характеристике работ, так или иначе отразивших проблему «взаимоотношений государства и церкви» «в эпоху правления Ивана III и Василия III». Беглый библиографический взгляд не позволил новому исследователю уяснить ключевые процессы и закономерности в историографическом опыте освоения темы. Впрочем, такая задача, видимо, и не ставилась автором диссертации.

В кандидатском сочинении современного историка А.А. Медведева, предметом изучения которого является «процесс эволюции церковно-государственных отношений в период формирования Москов-

¹³ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе ... С. 6

¹⁴ Тарасов А.Е. Религиозные аспекты политики Московских князей во второй половине XV – первой трети XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 26 с.

¹⁵ Там же. С. 4.

ского княжества»¹⁶, историографии вопроса посвящена первая глава. В этой работе персонально-библиографический подход к истории освоения темы не только не отличался полнотой и системностью в анализе материалов (из поля зрения исследователя выпали многие знаковые работы, были упущены из виду ключевые научные тенденции и процессы, влиявшие на ход изучения проблемы), но и привел автора к «парадоксальному» выводу о том, что его исследование, по сути, первая попытка объединения традиций «церковного» и «гражданского» изучения проблематики и даже чуть ли ни первый исторический труд в области церковно-политических изысканий¹⁷.

Таким образом, на сегодняшний день нельзя говорить о наличии в научной литературе удачной попытки выстроить историографические факты по проблеме участия русской церкви в объединительном процессе в сколько-нибудь стройную систему. Применяемый для решения этого вопроса библиографический подход не может дать их верной и верифицированной трактовки, так как рассматривает историографические источники, по сути, вне конкретной историографической ситуации.

Настоящая работа имеет двойные хронологические рамки: историографические и исторические. Нижней временной границей историографии вопроса является середина XIX столетия. Именно в это время в процессе создания «органической» концепции истории России, отразившем полемику славянофилов и «новой исторической школы» С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина, проблема образования Московского государства и, прежде всего, факторов государственного строительства приобретает характер самостоятельного сюжета русской исторической мысли. Развитие темы шло по пути конкретизации входящих в нее вопросов и выделения новых аспектов, одним из которых и стало участие православного духовенства в событиях эпохи государственного объединения. Поэтому начало самостоятельного

¹⁶ Медведев А.А. Русская православная церковь в процессе формирования московского княжества (1283-1453 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 2.

анализа проблемы создания единого русского государства необходимо считать «точкой отсчета» и в изучении ее отдельных элементов, в том числе и названного аспекта. Выход за нижние временные пределы историографии был обусловлен задачей определения истоков и предпосылок приобретения проблемой образования Московской государственности самостоятельного значения в отечественной исторической науке.

Верхней временной границей историографии вопроса является конец 80-х – начала 90-х гг. XX вв. Это время заканчивает советский этап в изучении проблемы и характеризуется кардинальным пересмотром основных теоретико-методологических установок, а также сделанных на их основе оценок и выводов по большинству аспектов темы образования русского единого централизованного государства. Предлагаемая хронология позволяет посмотреть на изучение проблемы участия РПЦ в государственном объединении XIV – начала XVI века как на завершённый процесс, имеющий свою логику и закономерные итоги.

Нижней хронологической границей конкретно-исторических аспектов исследования является конец XIV века, а именно последнее десятилетие правления Дмитрия Донского и начало княжения Василия Дмитриевича. Такое разграничение обусловлено происходящими в это время крупными процессами и изменениями в политической, социальной и культурной сферах. Эти изменения во многом определили характер идейного влияния русской церкви на основные общественно-политические события изучаемого периода, составили тот культурно-исторический фон или контекст, вне которого теряется и искажается подлинный смысл духовного воздействия православного клира на процесс государственного объединения и централизации. В качестве основных политических, социальных и культурных явлений, получивших начало и развитие в это время, выделяются следующие: активизация процесса централизации власти московских князей; изменение особенностей взаимодействия Москвы с ханами Золотой Орды, ведущее к постепенному подрыву их значения как верховной

санкции в отношении русских князей; церковный кризис и кризис отношений великого князя с византийским императором и патриархом; формирование этнической картины мира русского народа, импульс которому, по мнению ряда исследователей, был дан победой русского оружия на Куликовом поле в 1380 году; появление нового, обладающего более активной политической позицией, типа церковного деятеля, что стало возможным благодаря монастырской реформе второй половины XIV века.

Верхний временной предел исследования – начало XVI века, а именно завершение правления Ивана III, обусловлен тем, что именно этим временем традиционно определяется завершение основного этапа политического объединения и централизации; окончание процесса складывания великорусской народности и создания национального Русского государства; завершение административного подчинения православной иерархии светской власти московских князей.

Тематика данной работы строго вписывается в область проблемной историографии, что, безусловно, накладывает отпечаток на характер отбора историографических фактов, а следовательно, определяет структуру и содержание ее источникового комплекса. Под историографическим фактом в исследовании понимается «научное знание», информация, характеризующая ту или иную сторону исторической проблемы, полученная конкретным исследователем в результате ряда исследовательских действий¹⁸. Основной задачей проблемно-историографических работ является отслеживание и определение характера и направления развития научного знания по той или иной проблеме, как правило, на макроуровне, в рамках больших временных промежутков, состоящих из смены ряда историографических ситуаций. Поэтому акцент в таких исследованиях делается, прежде всего, на те историографические материалы, которые отражают движение проблемы в историографическом пространстве. Такие изменения раскрываются на основе научных фактов высокой степени организации,

¹⁸ Зевелев А.И., Наумов В.П. Историографический факт. Критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 19–20.

представленных на уровне концепций и наиболее полно характеризующих теоретические и методологические установки исследователя, их взаимосвязь с предшествующим опытом в изучении темы. Эти факты содержатся в печатных авторских трудах монографического типа, так как именно в них видение исторической проблемы имеет системный характер, что позволяет не только выяснить, какие выводы и оценки «получились в результате исследования, ... но и прежде всего каким путем эти выводы и оценки достигнуты, на основе какого подхода к материалу, какого мировоззрения, какого понимания истории в целом»¹⁹.

Не меньшее значение для решения данных задач имеют материалы дискуссий, открытых научных обсуждений проблематики, отражающие узловые переходные моменты в развитии научного знания по теме.

Также важным историографическим источником являются научные статьи, заметки и тезисы. Написанные в разное время, они раскрывают динамику видения проблемы конкретным исследователем, позволяют более точно определить свойственные ему черты научного направления или школы в процессе изучения исторической проблематики.

Немаловажную роль в проблемной историографии играют тематические историографические экскурсы и рецензии на опубликованные научные труды, так как «они позволяют выяснить «прохождение» концепции в научную и общественную среду»²⁰.

Определенное источниковедческое значение имеют лекционные курсы, учебники и учебные пособия, в той или иной степени посвященные исторической проблеме образования единого Великорусского государства, созданные исследователями, проявившими специальный научный интерес к данной теме. Эти издания наиболее рельефно раскрывают теоретические установки и компактно представляют науч-

¹⁹ Сахаров А.М. О некоторых вопросах историографических исследований // Вестник Московского ун-та. 1973. № 6. С. 29.

²⁰ Там же. С. 22.

ную концепцию по проблеме, позволяют выяснить особенности рецепции научных взглядов на уровне учебного процесса.

Нельзя не согласиться с тем, что «объективная оценка историографического факта связана и с анализом его источниковой базы»²¹. Поэтому в исследовании для историографических и исторических реконструкций привлекаются все основные группы исторических источников, выделенных и использованных историками, изучавшими проблему участия РПЦ в процессе государственного строительства XIV–XV столетий в дореволюционный и советский периоды отечественной исторической мысли. Однако в процессе их характеристики предлагается свое соотношение источниковых материалов в соответствии с авторским пониманием их значимости для изучения вопроса влияния православной церкви на государственное объединение Русских земель в конце XIV – начале XVI вв.

Во всем объеме привлеченных в работе источников периода образования единого Русского государства допустимо выделить церковно-религиозный материал. Его отличительными чертами можно назвать, во-первых, возникновение в церковной культурной среде (в монашестве, среди представителей высшего слоя духовенства); во-вторых, церковно-религиозную проблематику (то есть произведения, рассматривающие вопросы «внешней» и «внутренней» жизни церкви, церковно-гражданские отношения, вопросы канонического права, особенности православной этической системы).

Такая трактовка предполагает привлечение широкого круга источников, принадлежащих к разным жанрам литературы: актов, материал, агиографические тексты, литературные, публицистические произведения. Именно такой подход позволяет воссоздать в наиболее полном и целостном виде представления духовенства об идеальной власти, а также их изменения в течение XV века.

Как правило, все эти источники носят дидактический, поучительный характер, хотя и различаются по литературному стилю и назначению. Одни из них адресованы к конкретным лицам (пастырские по-

²¹ Зевелев А.И., Наумов В.П. Историографический факт... С. 30.

слания, поучения), другие – рассчитаны на широкий круг читателей или слушателей (слова, летописные повести, окружные послания, жития святых князей).

Публикации исторических материалов, касающихся жизни церкви, предпринимались еще в XIX столетии. Однако они носили во многом разрозненный, фрагментарный, бессистемный характер²². Документы русской митрополии конца XIV – начала XVI веков были произвольно сформированы в комплексы и изданы в т. I ААЭ (1836), т. I АИ (1841), ДАИ (1846), книгах митрополита Макария (Булгакова), в т. VI РИБ (1880), в публикациях К. И. Невоструева, А. С. Павлова, Н. К. Никольского и др., журналах Духовных Академий («Православный собеседник», «Христианское Чтение» и др.).

Значительная их часть была опубликована в последнее время в фундаментальном издании «Русского феодального архива». Это акты Синодального сборника № 562 документов русской митрополии, который представляет собой формулярник начала XVI века, т.е. сборник образцов митрополичьих грамот, которыми следовало руководствоваться церковным властям. Однако по оценкам современных исследователей до сих пор не изданы десятки документов, касающихся истории русской церкви XIV–XV веков²³.

Из перечисленных источников наиболее точной датировке поддаются официальные материалы Московской митрополии. Современными историками установлено, что они сохранялись в «канцелярии главы русской церкви и рассылались оттуда в противнях по всем владычным кафедрам. Архиепископы и епископы, в свою очередь, хранили документацию и отправляли противни митрополичьих и собственных грамот по монастырям и церквям своей епархии»²⁴.

Большой раздел церковно-религиозных источников носит литургический характер. По оценке современного исследователя этой группы материалов И.В. Поздеевой, семьдесят пять процентов всех

²² Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI веков. (Сборник) / Под ред. В.И. Буганова. В 5 т. Т. 1. М., 1986–1988. С. 551.

²³ Там же. С. 551.

²⁴ РФА. Т. 1 С. 6.

имеющихся в распоряжении историков подлинных текстов, относящихся к XI–XV векам, являются литургическими памятниками²⁵. Особенностью этих источников является их повседневный характер, касающийся жизни каждого человека. Литургические тексты сопровождали любого члена русской православной церкви в течение всей его жизни.

Уже в XIX веке многие из них были подвергнуты серьезному исследованию В.О. Ключевским, который использовал в своей работе 660–670 списков житий 166 подвижников²⁶.

Специальное исследование княжеских житий было осуществлено в опубликованной в 1915 году докторской диссертации Н.И. Серебрянского «Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и текста»²⁷. В ней автор выделял в особый тип житийной литературы жития князей. По сравнению с «преподобническими» житиями они передавали более близкое к реальным событиям жизни святого изложение жития. Именно в этом типе источников наиболее полно представлены стереотипные воззрения «священства» на идеал княжеской власти. В качестве литературных образцов этого жанра исследователями выделяются «особая редакция» «Жития Александра Невского», «Житие Михаила Черниговского», созданное Пахомием Сербом, «Житие Федора Смоленского и Ярославского».

В советский период развития исторической науки жития святых как исторический источник практически не использовались в исторических исследованиях. В них усматривали недостоверность фактов, несоответствие ценностно-этических установок монахов «конкретным условиям русской жизни». Однако большие успехи в это время были достигнуты в области филологического и лингвистического

²⁵ Поздеева И.В. Источниковедческое значение русских богослужебных текстов. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 390.

²⁶ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. С.10.

²⁷ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакции и тексты. М.: Типография императорского Общества истории и древностей российских, 1915.

анализа древнерусской агиографии, в том числе княжеской, осуществившегося специалистами по истории русской литературы.

Если акты русских митрополичьей и епископских кафедр датируются более или менее точно, то агиографические произведения имеют лишь приблизительную датировку. Как правило, их создание связано с открытием мощей того или иного «благодарного» князя. Такое событие очень часто имело и политическое значение, преследовало в том числе цель повышения престижа того или иного княжества.

В нашем исследовании используются жития князей, опубликованные в 1915 году в работе Н.И. Серебрянского. Это пергаментные списки, принадлежавшие Типографской библиотеке в Москве «Жития благодарного князя Михаила Черниговского и боярина его Федора», «Жития – сказания о благодарном псковском князе Довмонте», которые датируются Серебрянским XIII–XIV веками («Житие Михаила Черниговского») и XIV–XV веками («Житие псковского князя Довмонта») соответственно. «Житие благодарного князя Федора Смоленского и Ярославского» представлено в исследовании по рукописи Румянцевского музея, датируемой Серебрянским XV веком²⁸.

Важность для исследования проложных княжеских житий состоит также в их значении как «литургического текста», читаемого во время богослужения. Как отмечают современные исследователи, влияние литургического текста на историческую психологию и характер национального менталитета русского народа определяется «его уникальной временной и социальной всеобщностью, наивысшим на уровне с Писанием авторитетом, личным участием в богослужении (в идеале каждого)»²⁹.

Пролог, содержащий княжеские жития, входил в круг необходимых для совершения уставного, общественного богослужения книг³⁰. Его прототипом были греческие «Минологии и Синаксари – сборники кратких житийных повествований, расположенные по па-

²⁸ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития... С. 30, 50, 90.

²⁹ Поздеева, И. В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 14.

³⁰ Там же. С. 113.

мятам святых и празднуемых церковных событий»³¹. Основное назначение Пролога – «церковное учительство с церковной кафедры и в домашнем чтении»³². Число списков его славянского перевода довольно велико, что говорит о его распространенности в обществе того времени³³. Кроме того, этот тип жития являлся первоначальным по отношению к пространному и господствовал в северно-русской житийной литературе до конца XIV века³⁴.

Изучавший жития «благоверных» русских князей Н.И. Серебрянский не видел большой принципиальной разницы в историко-биографическом плане между летописными известиями о них и церковными биографиями этих князей³⁵. Он отмечал, что княжескими житиями пользовались и составители отдельных сказаний. Так, например, исследователь говорил о влиянии «Жития Александра Невского» на «Сказание о Мамаевом побоище»³⁶. На такие произведения, как «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго», «Летописный рассказ о Куликовской битве», «Повесть о Московском взятии от царя Тохтамышша», по мнению некоторых филологов и лингвистов, повлияли «Житие Александра Невского», паремийное «Чтение о Борисе и Глебе», «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов»³⁷. Названные особенности данных литературных произведений позволяют предполагать, что политические представления духовенства могут содержаться в летописных повестях и рассказах этого времени.

³¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2. СПб., 1896. С. VII.

³² Там же. С. XIV.

³³ Там же. С. XI.

³⁴ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник... С. 362.

³⁵ Серебрянский Н. И. Указ. соч. С. 293.

³⁶ Там же. С. 294.

³⁷ Салмина М. А. Комментарии к «Слову о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго», летописному рассказу о Куликовской битве, «Повести о Московском взятии от царя Тохтамышша» // Памятники литературы Древней Руси XIV – середина XV вв. М., 1981. С. 549, 559, 560.

Многие из них возникли именно в церковной среде. В таких произведениях, как «Задонщина» и «Слово похвальное смиренного инок Фомы благоверному тверскому князю Борису Александровичу» есть прямые указания на духовный чин автора³⁸. Вполне вероятно церковное происхождение летописной «Повести о Куликовской битве», «Слова о житии и преставлении великого князи Дмитрия Ивановича, царя Русского», «Сказания об Едигее, князе Ордынском», «Повести о нашествии Тохтамыша на Московскую землю», «Сказания о мамеевом побоище»³⁹. Исследователи отмечают хронологическую сложность этой группы источников⁴⁰. Поэтому их использование в исследовании касается лишь «общих мест» в воссоздании церковного образа «православного государя».

Еще одной группой используемых источников являются духовные и договорные грамоты великих и удельных князей изучаемого периода. Они, как и большинство летописей, давно введены в научный оборот и активно используются учеными, изучающими те или иные стороны процесса государственного объединения и централизации. Значение их для исследования заключается в том, что они содержат информацию о реальных сферах суверенитета светских правителей, в которых реализовывались их политические интересы, осуществлялась политическая деятельность. Эти источники дают нам также представление о тенденциях, динамике, направленности изменений в тех или иных областях княжеского суверенитета в связи с процессом политического объединения и централизации власти. Как и актовый материал русской митрополии, духовные и договорные

³⁸ Списки «Задонщины», датируемые XVI–XVII веками называют автора иереем, а Кирилло-Белозерский список XV века – старцем, т.е. монахом (см. Источниковедение истории СССР. Учебник. / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1981. С. 138).

³⁹ Исследователи этих произведений отмечают как характерные особенности, частые обращения их авторов к Священному Писанию, цитирование Псалтыри, литературно-художественные элементы церковно-религиозного характера, церковно-литературные источники этих произведений (см. ПЛДР. XIV – середина XV вв. М.: Худ. лит., 1981. С. 560, 549, 559, 553, 255; Источниковедение истории СССР. Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 139).

⁴⁰ Там же. С. 139.

грамоты были хорошо известны еще дореволюционным исследователям. Всего до нас дошло около ста княжеских духовных и договорных грамот. Их публикации предпринимались еще в XIX столетии: в «Собрании государственных грамот и договоров» (1813); в сборнике «Духовных и договорных грамот князей великих и удельных» (1909); в сборнике «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI веков» (1950); в сборнике «Памятников русского права» (1955). Им был посвящен ряд исследований дореволюционных и советских историков: В.Н. Чичерина (1858); А.В. Экземплярского (1889–1893); В.Н. Дебольского (1901–1902); Л.В. Черепнина (1948–1951).

Другой важной для исследования группой источников являются летописи периода образования единого русского государства, авторами которых были современники социально-экономических, политических и культурных процессов, отмечаемых в XIV–XVI веках.

Крупный специалист в этой области Я.С. Лурье считал, что летописи первой половины XV века ведут свое происхождение от митрополичьего престола, а начало общерусского официального великокняжеского летописания датировал только серединой XV века, предполагая, что оно могло быть представлено сводом 1450–1460-х гг., дошедшим до нас во фрагментарном виде (Музейный летописец и Летопись Лавровского)⁴¹.

Летописи служат не только источником исторической информации, но являются и памятниками исторической, общественной мысли эпохи.

В литературе не единожды отмечалось, что «для летописей характерны нравственные оценки, обыденный, практический смысл изложения событий...»⁴². Это замечание, а также мысль о том, что «ценностное отношение к прошлому и настоящему является критерием

⁴¹ Лурье Я.С. Две истории Руси XV в.: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 157.

⁴² Мирзоев В.Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М., 1978. С. 202.; Пронштейн А.П. Источниковедение в России: эпоха феодализма. Ростов-на-Дону, 1989. С. 31.

суждений летописца...»⁴³, на наш взгляд можно справедливо отнести и к летописям периода образования единого Русского централизованного государства. Интересующие нас ценностные, в т. ч. и политические ориентации авторов летописей «...выражались в соответствующем подборе источников, при котором одни факты замалчивались, а другие, напротив, выдвигались на первый план», проявлялись в позициях летописцев, с которых они оценивали причины и значения современных им событий.

Таким образом, в основу группировки исторического материала по теме положены принципы их происхождения и содержания, что наиболее точно соответствует специфике изучаемых вопросов.

Характер последних определяется имеющимся в исторической литературе багажом историографических знаний и представлений о ходе научного освоения проблемы участия РПЦ в объединительном процессе Северо-Восточной Руси. Специфика этих представлений позволяет определить в качестве цели монографического исследования целостную реконструкцию процесса развития указанной проблемы в отечественной исторической мысли дореволюционного и советского периодов.

Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

- выделение этапов в изучении темы, характеризующихся определенной исследовательской ситуацией, выявление «узловых» моментов в развитии проблемы;
- определение теоретико-методологических подходов и установок, применявшихся исследователями указанной исторической проблематики;
- характеристика структуры источникового комплекса основных работ по теме;
- обнаружение причинно-следственных связей в представлениях и оценках историков по проблеме, выявление тенденций в ее развитии за интересующее время.

⁴³ Там же. С. 202.

Глава 1. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

1.1. ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО И ПРОЦЕСС ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В КОНЦЕ XIV – НАЧАЛЕ XVI СТОЛЕТИЙ В РАБОТАХ ГРАЖДАНСКИХ ИСТОРИКОВ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Тема участия РПЦ в государственном объединительном процессе – один из сложнейших предметов отечественной историографии. Специальных работ, ей посвященных, очень не много. Часто попадая в поле зрения различных исследователей, она крайне редко рассматривалась в самостоятельном ключе, так как воспринималась как один из частных вопросов больших тем – образования единого Русского государства и древней истории РПЦ. Подчиненный характер носит она и в немногочисленных историографических работах, в большинстве своем лишь попутно касавшихся вопросов церковного участия в политике государственного строительства XIV–XV вв. «Логикой» такого восприятия данного историографического сюжета наиболее рельефно и точно вскрыл А.М. Сахаров. Выделяя в своей докторской диссертации этапы концептуального осмысления проблемы образования единого Русского централизованного государства дореволюционными историками, он обозначал вектор ее развития от общего к конкретному, от теоретических подходов и обобщающих характеристик к частно-историческим аспектам, постепенно составлявшим структуру интересовавшей его проблематики¹.

Верной нужно считать и мысль советского историка о том, что историческое изучение отдельных вопросов государственного объе-

¹ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе... С. 5, 13.

динения необходимо проводить с учетом развития исследовательской ситуации по проблеме в целом². Поэтому, несмотря на то что первые специальные монографические исследования участия православного духовенства в процессе образования единого русского государства появились только на рубеже XIX – начала XX века, ход изучения этого вопроса следует начинать отслеживать с более раннего времени – с момента постановки и начала самостоятельного рассмотрения проблемы образования Русского государства в отечественной исторической литературе.

Имеющиеся историографические работы по этой теме чаще всего начинаются с трудов историков XVIII столетия и даже более ранних³. При этом исследователи исходят, во-первых, из представления о XVIII веке как о времени начала русской исторической науки, точке отсчета в формировании историко-критического метода в освоении отечественных исторических сюжетов. Во-вторых, из того что именно в работах этих историков, отразивших вышеуказанную тенденцию, впервые (как правило, косвенным образом) упоминается роль православного духовенства в политических событиях XIV–XV вв.

Тем не менее обращение к этим трудам, как правило, носит характер вступления, «прелюдии» к характеристике изучения проблемы в XIX веке. При этом пристальное внимание обращается на освоение темы с середины XIX столетия, так как концептуальное осмысление вопросов формирования Русского государства и, прежде всего, определявших его факторов, историографы связывают с посткарамзинской наукой и, в частности, с появлением «новой исторической школы» С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина⁴.

Самостоятельность и определенная системность в исследовании процесса формирования русского государства открывается ими в тео-

² Там же. С. 1.

³ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе...; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв...

⁴ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе... С. 13; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв... С. 39.

ретику-методологических поисках отечественных историков 30–60-х гг. XIX века⁵. Это время некоторые советские и современные исследователи определили как отдельный этап истории исторической мысли России, характеризующийся особой историографической ситуацией⁶.

Относительно данного периода в русской исторической науке ими обнаруживается осязаемое влияние «романтического историзма» и связанного с ним поиска «начал» в русской истории⁷. В этих исканиях историографы видят мотивы гегельянства, формировавшие отношение к прошлому как «к внутренне закономерному процессу развития общества»⁸.

В свою очередь, попытки на данном этапе создать единую, с учетом внутренних и внешних закономерностей, концепцию исторического процесса России естественно определяли видение и отдельных крупных исторических проблем⁹, которые должны были составить целостность течения русской истории и также объясняться из его общих условий.

Одним из таких вопросов у историков 30–60-х гг. XIX столетия становится формирование Московского государства как периода в развертывании определенных исторических начал¹⁰. При этом сам институт государства обнаруживается ими лишь на этапе Московской Руси, а единодержавие, связанное с Москвой, с их точки зрения становится главным условием наличия «государственного быта»¹¹.

⁵ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 39; Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 16–19.

⁶ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 39; Боярченков В.В. Историческая наука в России 1830–1870-х гг.: поиск новой концепции русской истории: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009. С. 20.

⁷ Боярченков В.В. Указ. соч. С. 20.

⁸ Сахаров А. М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе... С. 13.

⁹ Боярченков В.В. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 20, 24–25.

¹¹ Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М.: Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858; Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847 // dugward.ru/lidrary/solovyev_s_m/solovyev_s_m_istoria_otnosheniya.html; Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 20, 23; Черепнин Указ. соч. С. 48.

Романтическая историография, формировавшаяся в полемике вокруг карамзинской «Истории государства Российского», под «началами» древней русской истории понимала, с одной стороны, «народность», «народный дух», с другой – государство, представляемое княжеской властью. Соотношение этих начал стало одной из ключевых теоретико-методологических проблем данного историографического периода.

По сути, первой попыткой ее решения, отразившей стремление выйти за рамки политической истории, воссоздать историю русского народа, а не ее правителей, стал известный труд Н.А. Полевого. В своем исследовании «Истории русского народа» Полевой поставил новые для науки вопросы о народе как субъекте истории и о соотношении народного и государственного начал¹². Появление этой работы показало тенденцию, ставшую затем стержневой в полемике ранних государственников с представителями славянофильства.

Трактовки понятия «народность» также были неоднозначны. Если славянофилы пытались обнаружить ее начала в русской общине, то федеративная теория Н.И. Костомарова – в региональном колорите, фольклорности и этнографичности «местного быта»¹³.

Несмотря на многообразие взглядов на «местную историю»¹⁴, пик научного интереса к которой пришелся на 50–60-е гг. XIX в., их общей чертой следует назвать выход на изучение социальных негосударственных институтов русского народа, что в плотную подводило историков к проблеме общества в истории русской жизни.

С учетом вышеназванных тенденций факты участия духовенства в тех или иных исторических событиях начинали трактоваться в зависимости от представлений об отношении русской церкви к основным историческим «началам».

¹² Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1–6. М., 1829–1833; Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 103.

¹³ Боярченков В.В. Указ. соч. С. 33; Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2007. 268 с.

¹⁴ Боярченков В.В. Историки-федералисты. Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х гг. XIX века. СПб: «Дмитрий Буланин», 2005. 256 с.

Представления об обществе и государстве как о «началах» русской истории, безусловно, свидетельствовали, во-первых, о постепенном отказе от ее провиденциальных трактовок, которые обнаруживаются еще в недавних работах Н.М. Карамзина и М.П. Погодина¹⁵, во-вторых, о формировании многофакторного подхода в гражданских исторических исследованиях. Проблема факторов объединения русских земель в XIV – начале XVI века отчасти поднимается уже в 1834 г. в студенческом исследовании Н.В. Станкевича «О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Ивана III»¹⁶. Здесь среди участников процесса возвышения Москвы встречаем и церковь, выполнявшую в лице митрополитов роль содействующей силы собирательной политике московских князей. Это определение имело функциональный, а не сущностный характер и опиралось лишь на подбор исторических примеров. В данном случае автор лишь пытался ответить, что делает церковь в процессе объединения, оставляя без ответа другой вопрос – что она собой представляет? Проблема участия церкви в государственном строительстве имела для Станкевича второстепенное значение, а единственными «демиургами» Московского государства в его работе выступали московские князья.

Историографами эта работа часто определяется в качестве «отправной точки» при выявлении тенденции к выделению проблемы образования Русского государства в самостоятельный сюжет отечественной исторической мысли в XIX веке. Но в решение вопроса об участии церкви в московском государственном строительстве она не внесла по сути ничего нового. И все же ее упоминание необходимо для осуществления дальнейшего сравнительного анализа менявшихся в течение XIX столетия представлений о статусе и роли церкви в указанном политическом процессе.

¹⁵ Черепнин Л.В. Указ. соч.

¹⁶ Станкевич Н.В. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Уч. зап. Имп. Моск. ун-та. 1834. № I. Июль. С. 42; Он же. О причинах постепенного возвышения... // Уч. зап. Имп. Моск. ун-та. 1834. № II. Август. С. 249–255; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 43.

В пятом томе «Истории русского народа» Н.А. Полевого, вышедшем чуть раньше – в 1833 г., участие церкви в государственном строительстве XIV – начала XVI веков также рисуется с функциональной точки зрения. У историка вспомоществование церкви созидательной политике Москвы заключается, прежде всего, в трансляции на русский народ византийского идейно-политического наследия¹⁷. Характерно, что и в этом случае церковь не имеет собственной политической позиции, исполняя роль «проводника», привнесенных извне идей. Такое видение вопроса к моменту выхода работы можно считать традиционным, восходящим к «дворянскому», «провиденциалистскому» направлению русской историографии.

Обращение к существенным характеристикам церкви при изучении процесса государственного объединения впервые можно обнаружить во взглядах славянофилов и ранних представителей государственной школы, положивших в основу процесса формирования Московского государства изменения отношений между властью и народом¹⁸. В их исследованиях определение роли церкви в формировании государства оказывается связанным с ответом на вопрос о соотношении церкви, общества и государства в обозначенный период.

У славянофилов древнерусское общество статично и аполитично, а «гармония» в отношениях «земли» и «государства» заключается в четком разграничении сфер деятельности «земщины-общины» и княжеской (государственной) власти. Такой подход при рассмотрении участия церкви в формировании русского государства приводил их к выводам, теоретико-методологические основания которых были близки клерикально-провиденциальному направлению отечественной исторической мысли¹⁹, господствовавшему в это время в «церковно-исторической науке» и опиравшемуся на теорию «симфонии властей». Последняя определяла место церкви – неизменного божествен-

¹⁷ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 5. М., 1833. С. 13, 70, 71–72; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 41.

¹⁸ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ См., например, Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных // Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1991 С. 431.

ного установления вне системы политических отношений, а их единственной организующей силой называла княжескую власть. В итоге роль духовенства сводилась к тому, что оно, «основываясь на священном писании, внушало народу мысль о святости княжеской власти, о происхождении ее от Бога и об обязанностях подданных повиноваться беспрекословно князьям и начальникам от них поставленным»²⁰. Таким образом, теоретические установки славянофилов не позволяли рассматривать РПЦ как фактор объединения Северо-Восточной Руси в XIV–XV столетиях.

В трудах старших представителей «государственной школы»: С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, М.М. Михайлова подчеркивалось, что государство является воплощением особенностей общества. При этом его взаимодействие с государственной (княжеской) властью с их точки зрения носило однонаправленный характер: «Если князья могли влиять на изменение общественного устройства, то сам род Рюрика как род владетельный не подчинялся влиянию никакого другого начала», – писал С.М. Соловьев²¹. Поэтому формирование Московского государства – «единодержавного» и «самодержавного» – имело в своей основе подчинение общества государственной власти князей. Иначе говоря, общество в процессе государствообразования играло пассивную роль «строительного материала», полностью зависящего от воли персонифицированной государственной власти. Духовенству как его части придавалось, в общем, такое же значение. Поэтому факты активного присутствия представителей церкви в политических процессах эпохи государственного строительства интерпретировались лишь как действия одного из элементов системы московского великокняжеского управления. Этот элемент ограничивался кругом высшей церковной иерархии, представлявшим в глазах исследователей опре-

²⁰ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 48; Аксаков К.С. Об основных началах русской истории // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. I. Сочинения исторические. М., 1861. С. 4, 14–15.

²¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 4. М., 1988. С. 442, 634, 639.

деленное направление в реализации власти московских князей²². Подробной характеристики это направление у знаменитого историка не получило и представлялось им в общих чертах как содействие «возвеличиванию Москвы... и утверждению единовластия» так, что «когда московские князья начали стремиться к единовластию, то стремления их совершенно совпали со стремлениями духовенства»²³.

Оценка С.М. Соловьевым и другими представителями «государственной школы» 50–60-х гг. XIX века характера церковного участия в государственном строительстве XIV – начала XVI вв. логично вытекала из общетеоретических построений и схем исторического процесса, созданных этими историками. Своеобразной проверкой этого положения можно считать работу Н.И. Костомарова «Начало единодержавия в Древней Руси», вошедшую в состав его «Исторических монографий и исследований» (1872). Развитие общественно-политических отношений XIV–XV столетий характеризуется им в этой работе совершенно в духе «государственной школы». Формирование Московского государства начинается со времен Дмитрия Донского и представляется процессом постепенного складывания самодержавия на основе власти государя-вотчинника. «Земля», общество, столь активные в Киевский период, здесь абсолютно «подавлены ... татарским завоеванием» и предстают у Костомарова элементом «страдательным» на фоне набирающих исключительную политическую силу и вес московских князей – собирателей государства. Единственное отличие костомаровской схемы заключается в оценке роли церкви в этот период русской истории. В рамках заданной Соловьевым и Кавелиным «системы координат» исследователь попытался показать РПЦ как активный и самостоятельный фактор государственного строительства, силу, обладающую собственными политическими идеалами и способами их реализации. Для этого пришлось отделять церковь от «пассивного» общества, что неизбежно вело Костомарова, во-первых,

²² Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома...; Михайлов М.М. История русского права. СПб., 1871. С.13,40; Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века...

²³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... С. 403.

к ее клерикально-провиденциальной трактовке как «общества верующих», стоящего вне общесоциальных структур; во-вторых, к представлению о политике по собиранию земель как волевой и осознанной реализации князьями церковных идеалов, объективно совпадавших с интересами самодержавия. Однако фактов соучастия духовенства в политических акциях московских князей, разбросанных по летописному материалу и легко вписывавшихся в схему Соловьева, было явно недостаточно для подтверждения справедливости ее корректировки Костомаровым. Неслучайно вся работа, конкретные оценки и выводы исследователя по данному вопросу носили исключительно декларативный характер и основывались на логике авторских предположений и умозрительных рассуждений²⁴.

Попытка Костомарова «примирить непримиримое» оказалась не единственной. К числу подобных работ нужно отнести и докторскую диссертацию доцента по кафедре русской истории Киевского университета В.С. Иконникова «О культурном значении Византии в русской истории», защищенную в 1869 г. в Новороссийском университете. В ней он постулировал существенное «политическое значение духовенства и, в частности, монастырей, в период образования Московского государства»²⁵, направлявших «умственную и нравственную жизнь» общества, носившего преимущественно религиозный характер²⁶. Будучи сторонником идеи союза светской княжеской власти и церкви в период собирания земель вокруг Москвы и представляя формирование централизованного государства в форме самодержавной неограниченной монархии²⁷, он попытался обосновать духовное влияние церкви на государственную централизацию, считая инструментом этого влияния идею «православного царя», которую русское духовен-

²⁴ Костомаров Н.И. Начало единого самодержавия в Древней Руси // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 5. Т. 12. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. С. 5–91.

²⁵ Иконников В. О культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 92.

²⁶ Там же. С. 93, 101.

²⁷ Там же. С. 320, 329.

ство «с самого начала усвоило» и пыталось «проводить в жизнь»²⁸. С точки зрения исследователя, именно монастыри «берут на себя утверждение нравственных понятий в обществе, выработанных под влиянием византийских образцов», и именно «монастыри сделались проводниками в обществе идеи порядка и верховного значения светской власти»²⁹.

Иконников также отмечал, что, начиная с Иоанна Калиты, «духовенство принимает деятельное участие и в возвышении Московского князя и переносит на него свои понятия о светской власти»³⁰, в соответствии с которыми и действуют князья.

Однако заявленные историком идеи и высказанные оценки часто носили декларативный характер, в работе практически отсутствовал анализ церковно-государственных отношений и общественных представлений о государственной власти в этот период³¹.

В 1850–1860-е гг. вопрос об участии церкви в процессе государственного собирания русских земель решался в рамках дуалистической и даже биполярной схемы: народ–государство. Но уже в конце 1850-х гг. среди представителей «государственной школы» начинается критика подобной «связки», в том числе и за невнимание к исторической жизни народа³². При этом понятие «народ» начинает отделяться от понятия «общество». Так, если А.С. Павлов, впервые специально поставивший «вопрос об общественном сознании на Руси в период, когда она была собрана Москвой»³³, еще объединяет в начале

²⁸ Там же. С. 315.

²⁹ Там же. С. 237, 335.

³⁰ Там же. С. 320.

³¹ См. также статью доктора богословия, профессора Казанской духовной академии, специализировавшегося по проблеме церковно-государственных отношений в Византийской империи, Курганова Ф. А. Византийский идеал царя и царства // Православный собеседник. 1881. №5; статью историка-византиста, приват-доцента Московского университета Безобразова П. Византийский царь на московском престоле // Исторический Вестник. 1889. №5.; монографию приват-доцента Харьковского университета Саввы В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901.

³² Боярченков В.В. Историки-федералисты... С. 164, 165, 170, 171.

³³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI веков. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 8.

1860-х гг. термины «народ» и «общество» под славянофильским понятием «земля», «земство», то Бестужев-Рюмин считает, что эти понятия по смыслу не покрывают друг друга³⁴. Постепенное выделение общества в самостоятельный фактор истории, чему способствовало оформление позитивистской методологии, привело к тому, что уже в начале 1870-х гг. славянофильские «земля» и «государство» наполнились содержанием в соответствии с «общей теорией социологии». Вместо монолитного «народа» позитивистский многофакторный подход предлагал изучать конкретные социальные структуры, институты и политические идеалы³⁵.

Данные установки к изучению проблемы образования Московского государства были применены В.О. Ключевским, который внес новые элементы в схему Соловьева: отметил значение для централизации социально-экономических факторов (колонизации, развитие крепостничества), естественно-географических условий³⁶.

Руководимая им Московская школа, опираясь на «позитивистскую методологию», сформулировала принципы исторической социологии, предложив свое решение проблемы соотношения общества и государства³⁷. В этой концепции образованию русской государственности предшествовало формирование народа, основанное на нравственном сознании единства. Поэтому существенной силой, которая придала национальный характер объединительному процессу, выступала у Ключевского «новая национальная формация», сложившаяся к середине XV века и чувствовавшая «потребность в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке»³⁸.

Здесь, по словам Г.В. Вернадского, «Ключевский определил общий взгляд Соловьева на задачи русского историка как изучение развития политических форм и социальных отношений. Эта формула

³⁴ Боярченков В.В. Историки-федералисты... С. 222.

³⁵ Боярченков В.В. Историки-федералисты... С. 217, 235.

³⁶ Ключевский В.О. Курс Русской истории. Кн. II. М., 1988. С. 15, 19, 45.

³⁷ Медушевский А.Н. Т. Бон. Русская историческая наука с 1880 по 1905 гг. Павел Милюков и Московская школа // Вопросы истории. 2000. №. 1. С. 168.

³⁸ Ключевский В.О. Указ. Соч. С. 45.

могла быть применена и к самому Ключевскому с той разницей, что для Соловьева надо сделать ударение на первой ее части, а для Ключевского на второй»³⁹.

В то же время историк отказался от свойственной славянофилам «идеализации» народа как носителя целостной системы ценностей, идеалов и представлений, значительное внимание уделяя сословному делению этого «строительного материала»⁴⁰ который «в истории политических учреждений ... часто важнее строя»⁴¹.

В опубликованной в 1882 г. докторской диссертации среди общественных сил Древней Руси глава Московской исторической школы называл и церковь⁴², хотя и уделял основное внимание двум другим «классам» – Боярской думе и вечу. Тем не менее обращение к представлениям ученого об изменениях социально-политического и экономического содержания этих институтов в XI–XV вв. позволяет точнее раскрыть и его видение перемен в значении и роли русской церкви в социально-политических процессах Киевской, Владимирской и Московской Руси.

Дело в том, что в работе Ключевского главный объект исследования – Боярская дума рассматривалась в системе социальных, хозяйственных и политических взаимосвязей: государь и его советники, Дума и общество, Дума и вече. В дальнейшем соотношении именно этих сил между собой и княжеской властью, с точки зрения Ключевского, и определялся ход объединения русских земель вокруг Москвы. Вместе с тем в общей характеристике объединения княжеств в единое государство Ключевский, как и Соловьев, исходил из представлений о ведущей роли в нем московской великокняжеской власти. Эта оценка была сохранена Ключевским в изданном в начале XX века знаменитом «Курсе русской истории»⁴³. Однако ее объясне-

³⁹ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 141.

⁴⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории ... С. 568.

⁴¹ Цит. по: Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Мн.: Лучи Софии, 1997. С. 557.

⁴² Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1882 // dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_boyarskaya_duma.html

⁴³ Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 27, 28, 39, 40.

ние можно найти уже в докторской диссертации историка. Здесь относительно Киевского периода все указанные исследователем институты: Боярская дума, князь, вече, церковь – представляли, прежде всего, как элементы политического устройства древнерусского общества: «...Дума и вече, – писал Ключевский – представляли собою не параллельные государственные ведомства и не разные правительственные инстанции, а два общественных класса, две различные политические силы, друг с другом соперничавшие. Эти учреждения различались между собой не столько правительственными функциями, сколько социально-политическими интересами»⁴⁴. Важно, что среди этих «общественных сил, с которыми приходилось считаться каждому князю», у историка присутствует и «высшее духовенство»⁴⁵.

Но в XIII–XIV веках в условиях иного «политического быта» – удельно-вечевого строя, зародившегося в ходе хозяйственной колонизации Северо-Востока, меняется социально-политическое значение всех указанных сил, взаимосвязи которых определяются теперь поземельными отношениями региона, центром притяжения и источником которых выступала только великокняжеская власть⁴⁶. Поземельная зависимость – основная черта общественных отношений Северо-Восточной Руси превращала, с точки зрения Ключевского, некогда активные общественные силы в «пассивные элементы государства». Из факторов политического устройства и субъектов общественных отношений они превращались в звенья великокняжеской администрации, в своего рода «арендаторов» княжеских угодий, иммунитетные права которых были ни чем иным как проекцией «областного управления» от имени князя, представляли собой «правительственную власть, похожую по своему составу на ту, какой обладал он (князь – А.Г.) областного правителя»⁴⁷. Таким образом, субъектно-объектные общественно-политические связи эпохи государственного объединения у Ключевского в общих чертах повторяли схему и оценки Со-

⁴⁴ Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси...

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

ловьева. Поэтому сходны были и их представления о месте в системе этих связей Русской православной церкви.

Среди способов и форм содействия РПЦ великокняжескому собиранию земель именитый ученик Соловьева выделял монастырскую колонизацию как один из путей проникновения московских князей за пределы своей вотчины; превращение Москвы стараниями русских митрополитов в «церковную столицу Руси»; освящение политических успехов Москвы в представлениях русского «церковного общества», что «может быть, всего более помогло Московскому князю укрепить за собой национальное и нравственное значение в Северной Руси»⁴⁸. Таким образом, несколько конкретизировав сведения о действиях церкви в объединительном процессе XIV – начала XVI века, Ключевский сохранил представления С.М. Соловьева об их правительственном характере.

Выводы и теоретические установки главы Московской школы в рассмотрении вопроса участия РПЦ в формировании единого государства отразились и во взглядах на эту проблему учеников Ключевского⁴⁹.

Один из оппонентов Московской школы – А. Е. Пресняков в качестве существенной особенности последней отмечал «теоретический подход к материалу...», обративший «...данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, но не из них выведенной схемы...». Доминирующей же чертой самой Петербургской школы назывался «научный реализм, сказавшийся, прежде всего, в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту – вне зависимости от историографической традиции»⁵⁰.

⁴⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории... С. 24

⁴⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.2. Ч.1. М., 1994. С. 18, 32, 33, 34.

⁵⁰ Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105, 109; Вернадский Г.В. Русская историография... С. 282.

Подобный подход к историческому материалу отличал труды одного из основоположников этой школы – К.Н. Бестужева-Рюмина⁵¹. «Тщательный критический обзор источников»⁵² в историографии традиционно отмечается как главное достоинство его ключевого обобщающего труда – «Русской истории».

Другой особенностью этой работы современники историка считали отсутствие четкого позиционирования авторской концепции русского исторического процесса, ставшее за тем характерной чертой Петербургской исторической школы в целом⁵³. Следование за теоретическими положениями государственно-юридического направления в характеристике путей формирования единого русского государства отразилось в обобщающих оценках, данных историком объединительному процессу.

Ход объединения русских земель в единое Московского государство был представлен исследователем в первом томе «Русской истории», вышедшем в 1872 году и доведенном в своем изложении до конца XV века. Здесь государственное строительство проявлялось в «постепенном усилении власти и значения Московских князей»⁵⁴ и одновременно в «медленном уничтожении самостоятельности вечевых общин и удельных князей»⁵⁵. В основу же этих событий историк положил изменение системы «отношений князей друг к другу и народонаселения к князьям»⁵⁶.

Главной причиной успеха московских князей в борьбе за великое княжение Владимирское исследователь считал «ловкость, такт» москвичей в обращении с Ордой, обладавшей санкцией их власти⁵⁷.

⁵¹ Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе... С. 106; Вернадский Г.В. Русская историография... С. 120.

⁵² Вернадский Г.В. Русская историография... С. 121.

⁵³ Боярченков В.В. Историки-федералисты... С. 238; Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века...; Мягков Г.П. Русская историческая школа. Методология и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. С. 91, 99.

⁵⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1881. С. 437.

⁵⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 2. СПб., 1881. С. 145.

⁵⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. С. 435.

⁵⁷ Там же. С. 389, 391.

Под «сильным содействием» церкви объединительному процессу ученый понимал идеологическую поддержку духовенством политических акций московских князей⁵⁸.

При этом формирование идеологии Московского самодержавия он относил в основном к заслугам «Софьи Палеолог..., принесшей в Москву обычаи и предания Византийской империи»⁵⁹. Как и В.О. Ключевский, К.Н. Бестужев-Рюмин религиозно-политические составляющие характеристики новой власти считал привнесенными извне, по сути, не игравшими существенной роли и являвшимися ее внешними атрибутами.

Другой выдающийся представитель Петербургской школы – С.Ф. Платонов, являясь учеником Бестужева-Рюмина, воспринял многие установки и выводы последнего о процессе государственного объединения. Перед ним объединительный процесс представал как борьба принципа преемственности власти по прямой нисходящей линии, которую отстаивали московские великие князья и которая вела «к установлению единовластия, желаемого страной»⁶⁰.

Среди причин усиления Московского княжества, так же как и его учитель, историк выделял «географическое положение, дававшее ему население и средства», «личные способности первых московских князей, их политическую ловкость и хозяйственность, умение пользоваться обстоятельствами, чего не имели тверские князья, несмотря на одинаковое, выгодное положение Тверского княжества и Московского...; сочувствие духовенства, выраженное в перемене места пребывания митрополии; политическую близорукость татар, которые не смогли своевременно заметить опасное для них усиление княжества; сочувствие бояр и сочувствие населения»⁶¹.

Отмечая национальный характер новой самодержавной монархии, Платонов признавал и участие «нации» в этом государственном

⁵⁸ Там же. С. 390.

⁵⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 2. С. 156.

⁶⁰ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1996. С.174.

⁶¹ Там же. С. 162–163.

строительстве, первые признаки которого он усматривал в периоде княжения Дмитрия Донского, а завершение – при Иване III⁶².

Участие народа в формировании нового государственного порядка выражалось, с точки зрения ученого, прежде всего, в поддержке московских князей, способных, в свою очередь, «поддержать порядок и тишину...» «...во всей Владимиро-Суздальской области»⁶³, а также в том, что «народность сознала свое единство и стала смотреть на себя как на Богом избранный народ»⁶⁴, а на Московского князя как на самодержавного монарха. Именно этот взгляд выражался, по Платонову, в политике московских князей, начиная с Ивана III⁶⁵.

В государственном объединении роль церкви определялась историком как вспомогательная⁶⁶. Уже митрополит Петр, по его мнению, «решительно склонился в пользу Москвы, во всем поддерживал московского князя Ивана Калиту»⁶⁷. В соответствии с этим Платонов фактически делал тот же вывод, что и Бестужев-Рюмин: духовенство поддерживало «своим громадным нравственным авторитетом начинания московских князей»⁶⁸, в своих церковных проповедях указывая на них как на «национальных государей»⁶⁹.

Очевидная шаблонность оценок, явный трафарет в определении роли РПЦ в государственном строительстве конца XIV – начала XVI столетий, переходивший из работы в работу ряда крупнейших историков, являлся следствием приоритета теории над историческим фактом – характерной чертой государственной школы, господство теоретических установок которой было неоспоримым фактом в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.

Трансформации этих установок, безусловно, не оставались незамеченными дореволюционной исторической мыслью. Так, в рас-

⁶² Там же. С. 176, 178.

⁶³ Там же. С. 165.

⁶⁴ Там же. С. 196.

⁶⁵ Там же. С. 177.

⁶⁶ Там же. С. 164.

⁶⁷ Там же. С. 164.

⁶⁸ Там же. С. 166.

⁶⁹ Там же. С. 194.

смотрении участия иных социально-политических сил, кроме княжеской власти, в процессе государственного объединения, характерное для Ключевского, историк начала XX века – А.Е. Пресняков видел одно из изменений, которые внесла в схему Соловьева-Кавелина «московская историческая школа». Тем не менее и «школа Ключевского» была наделена Пресняковым теми же методологическими недостатками, что и ранние «государственники»: здесь на смену умозрительным схемам пришел «социологический догматизм» с его исключительным интересом к описанию структур политических институтов прошлого без учета их динамики и исторических условий⁷⁰.

Господство схемы в отечественной историографии, с точки зрения Преснякова, было главной причиной тенденциозности и односторонности в описании фактической картины государственного объединения XIV–XVI вв. Между тем сам Пресняков не избежал обвинений в схематизме⁷¹.

«Московский период» всегда был центром притяжения научных интересов этого исследователя – одного из руководителей «Петербургской школы» в начале XX века. Еще в 1892 г. он посещал курс С.Ф. Платонова по общественной истории Московской Руси⁷². В начале XX века работал над диссертацией по московским летописным сводам. Важнейшим трудом историка стала докторская диссертация – «Образование Великорусского государства», защищенная в 1918 г.

В ней в соответствии с позитивистскими установками Пресняков рассматривал государственное объединение как социально-политический процесс, в котором сложение новой системы политических отношений под названием «единодержавия» происходит под воздействием различных «общественных сил» и факторов⁷³, среди которых называется и церковь, обладающая собственными политиче-

⁷⁰ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 94; Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 29, 32.

⁷¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 94.

⁷² Цамутали А.Н., Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники 1889–1927 гг. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. С. 9.

⁷³ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 193, 274.

скими задачами⁷⁴. Однако этот вывод дальше не находит никакого развития. Не узнаем мы, в чем же заключается специфика «церковно-политических задач» во время государственного объединения и тем более, каковы способы их осуществления. Более того, далее выясняется, что этой специфике вообще не существует и церковь (а под ней историк понимал, как правило, «Митрополичий дом») – это только идеологический инструмент в руках Москвы, «...учреждение, опора великокняжеской власти и орудие широкой политики»⁷⁵. Уже с середины XIV века ее интересы целиком совпадают с целями Московского князя. Эти выводы легко обнаруживают сходство с видением вопроса более ранними представителями «государственной школы», которых Пресняков обвинял в схематизме и тенденциозности в отношении к историческому факту. Почему же тогда Пресняков возвращается к соловьевской схематической связке «церковь-государство», не развивая собственных начальных установок по этому вопросу?

Дело в том, что «схематизм» Преснякова был иного рода. Исследователь отталкивался не от схемы, а от источника и факта. Однако и фактический рисунок разбираемого историком процесса также был изначально задан устоявшейся со времен Соловьева источниковедческой «схемой», в которой господствующую роль играли летописный материал и документы княжеского архива и, прежде всего, духовные и договорные грамоты русских князей XIV–XV вв., представлявшие княжескую власть по сути единственной «силой притяжения» земли и власти. Начальные позитивистские установки по «церковному вопросу» в эту источниковедческую схему не вписывались и были отброшены исследователем.

Таким образом, гражданские историки сохранили традиционное для государственной школы видение проблемы, устойчивость которого определялась господством изначально заданного источниковедческого рисунка, структура которого не изменялась в зависимости от

⁷⁴ Там же. С. 200.

⁷⁵ Там же. С. 201, 215.

акцента на тот или иной изучавшийся фактор государственного объединения.

1.2. ПРОБЛЕМА ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОРПУСЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ РПЦ В ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В середине XIX века в российской исторической науке интенсивно шел процесс становления русской церковной истории как самостоятельной отрасли исторического знания. Одной из составляющих этого процесса было формирование источниковой базы этой дисциплины. Его следствием явилось стремление дать научную характеристику комплекса источников церковно-исторической науки, выделить его существенные отличительные черты, подвести под него научно-теоретическое обоснование, разрешить вопросы терминологии и классификации источников.

Решая данную задачу, историки русской церкви второй половины XIX века использовали такие термины, как «материалы для русской церковной истории», «исторические памятники», «памятники церковной письменности и литературы» (необходимо отметить, что в работе пойдет речь в основном о письменных источниках как типе, на который исследователи истории русской церкви данного периода обращали основное внимание), наконец, историки употребляли и термин «источник».

Период 30 – 60-х гг. XIX века в исторической науке – время «широкого внедрения» этого термина «в практику преподавания истории, в исследовательские и обобщающие труды»⁷⁶, хотя он и употреблялся (как, впрочем, и все остальные выше перечисленные категории), чаще всего чисто эмпирически «без стремления уяснить себе его границы», «его конкретное содержание»⁷⁷.

⁷⁶ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 33.

⁷⁷ Там же. С. 33.

Первыми в рамках церковно-исторической дисциплины вплотную подошедшими к решению данных теоретико-источниковедческих вопросов были исследователи, заложившие основы «церковно-исторической науки» – архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) и митрополит Московский Макарий (Булгаков), представлявшие определенный период в разработке вопросов древней церковной истории. Сегодня период этот характеризуется как время господства в церковно-научной среде богословских провиденциальных подходов, приоритета «ученого монашества», главенства «историков-клириков» в церковно-исторических исследованиях⁷⁸.

Уже «История Русской Церкви» митрополита Макария, впервые публиковавшаяся по частям в петербургском духовно-академическом журнале «Христианское чтение» в 1853–1857 годах, сразу спровоцировала «упреки в отсутствии единого видения исторического материала»⁷⁹.

Проблема эта занимала и Филарета Гумилевского, который фактически первым «из церковных историков начал классифицировать исторические источники»⁸⁰. При этом Черниговский архиепископ и доктор богословия исходил из представления о различиях предметов гражданской и церковной истории, деля весь письменный источниковый материал, прежде всего, по его содержанию⁸¹.

С 1856 года в периодических изданиях, а с 1859 года – отдельно, была опубликована работа Филарета «Обзор русской духовной литературы»⁸². Хотя один из крупнейших историков Русской церкви второй половины XIX века Е.Е. Голубинский характеризовал ее, прежде всего, как произведение церковной библиографии, она содержала и

⁷⁸ Солнцев Н.И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX вв. Н. Новгород, 2005. С. 5, 20; Смолич И.К. История Русской церкви. 1700–1917 гг. 1964. /<http://www.krotov.info/history/11/smolich>

⁷⁹ Солнцев Н.И. Указ. соч. С. 60.

⁸⁰ Там же. С. 51.

⁸¹ Филарет (Гумилевский) Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. С. 277.

⁸² Солнцев Н.И. Указ соч. С. 54.

ряд источниковедческих оценок. В предисловии к своему труду архиепископ Филарет попытался обосновать использование им термина «духовная литература», определить критерий отбора произведений в эту категорию. В качестве такового он сразу отвергал «происхождение», «авторство» и «среду возникновения» того или иного произведения⁸³ и обращался к «предмету» повествования и его «настрою»⁸⁴. Понимая под «духовной литературой», прежде всего, произведения, касающиеся вопросов веры и жизни церкви, он исключал из нее целый ряд источников, возникших в церковной среде: жалованные, купчие, меновые и другие грамоты⁸⁵. Такая трактовка круга древней церковной литературы еще ранее сказалась в работе Филарета «История Русской Церкви», в которой фактически «отсутствует внимание к быту духовенства, церковному имуществу»⁸⁶. Кроме того, такой подход к отбору источников практически нивелировал возможность исследования различных вопросов, относящихся к «внешней стороне» жизни древней русской церкви, в том числе таких, как роль духовенства в тех или иных политических событиях и процессах, что, впрочем, соответствовало теоретическим установкам церковно-исторической науки.

В то же время подход Филарета к характеристике источников, при котором главное – не упустить из виду ни одного произведения, ни одного факта, лежал в рамках господствовавшего в первой половине – середине XIX века представления о задачах церковно-исторического изучения материала, когда, по выражению П.Н. Миллюкова, «полнота остается главной целью...»⁸⁷. Эту особенность периода в церковной исторической науке хорошо чувствовал и сам архиепископ Черниговский, отмечая, что «надобно наперед приготовить материалы, потом строить здания»⁸⁸.

⁸³ Филарет (Гумилевский) Указ. соч. С. 277–278.

⁸⁴ Там же. С. 1.

⁸⁵ Там же. С. 1–2, 3.

⁸⁶ Солнцев Н.И. Указ. соч. С. 112.

⁸⁷ Миллюков П.Н. Главные течения в русской исторической мысли СПб., 1913. С. 208.

⁸⁸ Филарет (Гумилевский) Указ. соч. С. 279.

Развитие мыслей Филарета Гумилевского можно обнаружить в статье Г.П. Смирнова-Платонова, выпускника и бывшего преподавателя Московской духовной академии. Работа была опубликована в 1860 г. в журнале «Православное обозрение», редактором которого он был, и называлась «Обозрение материалов для внутренней истории русской церкви». Как и церковный иерарх, протоиерей Смирнов-Платонов соотносил категорию «материалы по истории церкви» с содержанием церковной жизни, выделяя соответственно памятники внутренней и внешней церковной истории. Первостепенное значение он отдавал первой категории, фактически имея ввиду филаретовскую «духовную литературу».

Однако, если архиепископ Черниговский пытался определить общий круг церковных источников, отсекая все «лишнее», а все необходимое представляя путем простого перечисления, перебора, то Смирнов-Платонов, прежде всего, видел градации внутри церковного источникового материала, опираясь при этом на представления о различных сторонах жизни церкви.

Эта тенденция нашла свое продолжение на следующем этапе разработки проблем церковно-исторической науки. Здесь классификация источников по истории РПЦ, которая у Смирнова-Платонова только намечалась, получила импульс в рамках «сравнительного, научно-критического» подхода к источникам.

Историографы называют рубежными в эволюции церковно-исторической дисциплины 1867–1869 гг. В это время поворот к научной критике, прежде всего, в области церковного источниковедения, связывают с введением нового «Устава» духовных академий⁸⁹, с расширением в них численности «светской профессуры»⁹⁰. В 70–80-е гг. XIX века появляются и новые возможности для публикаций источниковых материалов по истории русской церкви, позволявшие ограничиться внутренней цензурой академий.

⁸⁹ Смолич И.К. Указ. соч.

⁹⁰ Там же; Солнцев Н.И. Указ. соч. С. 106.

Наиболее подробную классификацию источников по истории РПЦ отразившую новые веяния, можно обнаружить в первой части первого тома «Истории Русской Церкви» Е.Е. Голубинского – ярчайшего представителя «историко-критического направления церковно-исторических исследований» второй половины XIX века.

Источниковедческий экскурс содержится во введении и специальной главе указанного труда профессора Голубинского, защищенного им в качестве докторской диссертации в декабре 1880 г. Данные главы раскрывают теоретико-методологические основания источниковедческого анализа, проделанного автором работы. Среди них нужно выделить обращение исследователя к социологической теории, внимание к позитивистским установкам в историческом исследовании. Так, например, Голубинский отмечал, что «задача истории – исследовать человеческое общество», а «история всякого общества есть воспроизведение его жизни». В работе профессора Московской духовной академии явное позитивистское происхождение имели и выводы о том, что источники дают прямое отражение исторического факта, события⁹¹. На эту особенность взглядов церковного историка обращал внимание оппонент Голубинского на защите – профессор Н.И. Субботин. Подводя итог своей речи, он утверждал, что для докторанта достоверно лишь то, что просто и открыто, лежит на поверхности источника⁹². Сам Голубинский писал в своей работе об этом: «из обильных источников черпай полной рукой, и, имея талант историка, только создай настоящую историю. Но совсем другое дело, когда источники скудны».

Историк рассматривал церковь как часть общества, жизнь которого напрямую отражена в исторических источниках. Именно поэтому в процессе их классификации он использовал термин «отдел», ко-

⁹¹ Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976. С. 7.

⁹² Комиссаренко А. Диспут на защите Е.Е. Голубинским в 1880 г. докторской диссертации «История Русской Церкви: источниковедческие аспекты» // http://www.krotov.info/history/19/1880/1880_golu.html

личество которых соответствовало «частям» церковной истории и сторонам церковной жизни.

Логика Голубинского имела последователей в церковно-исторической науке. В это время публикуются сборники источников по древней истории церкви, подбор материалов в которых определяется отражаемым в них аспектом жизнедеятельности РПЦ. Сюда можно отнести такие публикации, как «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы» под ред. проф. Пономарева А.И. (1894–1898 гг.), «Памятники древнерусского канонического права» под ред. Павлова А.С. (в «Русской исторической библиотеке» Т. 6. 1908 г.) и др.

Влияние источниковедческих выводов Голубинского явно прослеживается и в учебниках по истории русской церкви, написанных в 70–90-е гг. XIX века. Авторы лучших из них – проф. П.В. Знаменский и ученик Е.Е. Голубинского проф. А.П. Доброклонский помещают на страницах этих учебных изданий и специальные определения комплекса источников по дисциплине. Под ними подразумеваются «церковно-исторические памятники, которые современны или близки по времени к изображаемым в них событиям»⁹³.

Среди отдельных групп источников по истории русской церкви Голубинский называл летописи и агиографические произведения. В его классификационной схеме летописи выделялись как самостоятельный, вместе с житийной литературой, «исторический отдел». Этим подчеркивалось важнейшее значение и особый «исторический» характер этих источников по сравнению с другими⁹⁴. В качестве отличительных характеристик данной группы профессор выделял ее целевую и повествовательную направленность⁹⁵, осознанное стремление к описанию прошедших исторических событий и лиц.

⁹³ Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви /http://www.krotov.info/history/11/smo/dobrok_0.htm; Знаменский П. Учебное руководство по истории русской церкви. СПб.: Синодальная типография, 1904. С. 7, 8.

⁹⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. XXII.

⁹⁵ Там же. С. VIII, 749.

Необходимо заметить, что фактически те же характеристики житийной литературе были даны в работе В.О. Ключевского «Жития святых как исторический источник», защищенной им в качестве магистерской в 1872 году⁹⁶.

В 1880 г. оппонируя на диспуте во время защиты Голубинского, Ключевский не коснулся вопроса о разделении на отделы письменных источников по истории Русской церкви. Однако в разработанном им в 1894 г. спецкурсе по источниковедению он сохранил в отношении летописей и агиографии, по сути, те же определения, что и Голубинский, относя эти источники к одной из двух больших выделяемых им категорий – категории «воспоминаний». Один из крупнейших советских специалистов по теоретическим проблемам источниковедения Л.Н. Пушкарев в свое время увидел в этом свойство немецкого источниковедения разделять источники на «остатки» и «традицию», где к «традиции» относились материалы, создававшиеся с целью «служить сохранению в памяти и передаче потомству фактов прошлой жизни»⁹⁷.

Раскрывая специфику развития источниковедения во второй половине XIX века, Л.Н. Пушкарев писал, что «русские историки вначале эмпирически выявили, описали и классифицировали исторические источники, а уже затем задумались над тем, какое общее определение им дать»⁹⁸. Сказанное им можно по праву отнести и к церковным историкам. Церковно-историческая наука как самостоятельная отрасль исторического знания во второй половине XIX века проходила те же этапы, поднималась на сходный уровень осмысления ряда ключевых теоретических проблем источниковедения применительно к своему предмету, успешно преодолевая рамки научной изоляции первой половины – середины XIX века. В этой связи классификация источников, данная Е.Е. Голубинским, носила явно синтетический характер, позволяя акцентировать внимание на проблемах, сто-

⁹⁶ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Репринт. М.: Наука, 1988. С. 50, 64, 358.

⁹⁷ Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 151.

⁹⁸ Там же. С. 41–42, 145.

явших на стыке гражданской и церковной истории. Отнесение в ее самостоятельный отдел такого многопланового источника, как летописный материал, соответствовало представлениям Голубинского о значении «внешних» сторон церковной истории, в том числе, церковно-государственных отношений как определенного аспекта жизни древней русской церкви, требующего самостоятельного анализа и оценки.

1.3. ВЗГЛЯДЫ КРУПНЕЙШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НА ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЭПОХИ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Период 30–60-х гг. XIX века – время максимальной самостоятельности церковно-исторической науки, ее отдельности от истории гражданской⁹⁹. История церкви в это время выступает как сфера самостоятельных изысканий «ученых-архиереев»¹⁰⁰, пресекавших возможность вторжения в нее со стороны светских исследователей. Ощутимые административные границы между церковной и светской наукой, явная кастовость церковно-научной среды, опиравшейся в своих научных поисках на постулаты догматического богословия, определяли здесь провиденциализм в качестве единственно возможного исследовательского принципа, целью которого было прагматическое толкование истории в духе православной догматики, признававшей единственной «движущей силой» в истории Промысел Божий¹⁰¹.

В силу указанных обстоятельств поиски «начал» русской истории, которыми были озадачены светские исследователи в обозначенный период, не были столь же актуальны для историков церковных. Тем не менее тема «начал» и вопрос о соотношении общества и госу-

⁹⁹ Солнцев Н.И. Провиденциальная историческая концепция... С. 51.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Солнцев Н.И. Указ. соч.; Он же «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. 195 с.

дарства как факторов русской истории, появившиеся в гражданской исторической мысли, нашли отклик и в церковно-исторической науке.

С середины XIX века взаимоотношения церкви, общества и государства как проблема церковно-исторических исследований принимает устойчивый характер. В это время проблематика закрепляется на уровне учебного процесса и находит отражение как в работах преподавателей, так и в выпускных кандидатских сочинениях, учащихся духовных академий, публикуемых в академической периодике¹⁰².

В середине XIX века в духовных академиях в качестве учебного руководства по курсу русской церковной истории была принята «История Русской Церкви» Филарета Гумилевского. В этом фундаментальном труде «ученого-архиерея», часто отмечаемом в поздней историографии как первое подлинно научно-критическое церковно-историческое исследование, единственной движущей силой выступал Промысел Божий, а церковь характеризовалась как «Божественное учреждение», сфера развертывания Божественного замысла, не зависящего ни от социальных, ни от политических процессов. Действуя в своей области, церковь – и не государственная и не общественная организация, воздействуя словом Божиим и на ту, и на другую область человеческой жизни, выполняла с государственной властью одну и ту же задачу – вела русский народ к познанию Бога¹⁰³. Здесь, в выводах о характере церковно-государственных отношений, епископ Черниговский следовал за своим учителем и покровителем – митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым), который вопрос о степени и глубине воздействия церкви на характер формирующегося государства связывал с проблемой его «отношения... к

¹⁰² См., например, Смирнов С.К. История московской Духовной Академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879; Невоструев К.И. Материалы для истории русской церкви Т. 1,2. Харьков: Универ. тип, 1862–1863 гг.; Бажура Е.А. Проблема становления самодержавия в курсовых сочинениях студентов Казанской духовной академии в конце XIX – начале XX в. // Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории / Отв. ред. Айзенштат М.П. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 139–155.

¹⁰³ Филарет (Гумилевский). История русской церкви (В пяти периодах). М., 2001.

царству Божию», с обусловленностью целей государства задачами духовного спасения¹⁰⁴.

Параллелизм в рассмотрении деятельности государства и церкви, характерный для «провиденциальной концепции», в церковной историографии опирался на средневековую теорию «симфонии властей» и, с одной стороны, фактически снимал вопрос об участии церкви в процессе государствообразования.

Не случайно магистр богословия, преподаватель Московской Духовной семинарии К.И. Невоструев в своей рецензии на выпускную работу И. Хрущева об Иосифе Волоцком утверждал, что у известного игумена не было и не могло быть никаких политических взглядов¹⁰⁵.

С другой стороны, такой подход несколько не противоречил концепции государственной исторической школы, отводившей церкви второстепенное подчиненное значение в процессе складывания русского государства.

Осторожное признание прямых политических взаимоотношений между церковью и государством, без которого невозможна была открытая постановка проблемы роли РПЦ в государственном строительстве XIV – начала XVI столетий, можно обнаружить в много-томном труде митрополита Макария (Булгакова). Его работа – своеобразный «переходный момент» в изучении данного вопроса в церковно-исторической науке, так как в своем понимании соотношения общества, государства и церкви он скорее следует логике С.М. Соловьева¹⁰⁶, чем догматическим богословским установкам своих коллег. Вслед за С.М. Соловьевым, для которого церковь являлась «социальным организмом», частью общества, митрополит Макарий точно также признает и зависимость церкви от государства и ее вспомогательную роль в процессе собирания русских земель московскими

¹⁰⁴Филарет (Дроздов). О государстве. Тверь, 1992. С. 20.

¹⁰⁵ Невоструев К.И. Рассмотрение книги И. Хрущева: «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого СПб., 1868». СПб, 1870. С. 4.

¹⁰⁶ Солнцев Н.И. Провиденциальная историческая концепция... С. 151, 152.

государями. Ученый-архиерей подчеркивал зависимость митрополита от великого князя, начиная со второй половины XV века, и считал, что «иерарх» «усердно служил» последнему «чем только мог в делах гражданских»¹⁰⁷, писал о церковном содействии московским князьям в их политике государственного собирания земель и власти¹⁰⁸. Методы и формы содействия заключались, с точки зрения Макария, в отлучении непокорных князей¹⁰⁹, в постоянном пребывании русских первосвятителей в Москве¹¹⁰, в «нравственном содействии» московским князьям, которое выражалось в призывах к покорности их власти¹¹¹, в освящении ее христианского характера¹¹², в наставлении самих великих князей «не только в христианских, но и в ... царских обязанностях»¹¹³.

Вместе с тем, оставаясь на позициях исторического провиденциализма, Макарий не превращает свои оценки церковно-государственных отношений в сколько-нибудь самостоятельный аспект церковной истории.

Это происходит позже в новаторской работе Е.Е. Голубинского, открывшей новый этап в развитии церковно-исторической науки¹¹⁴, когда позитивистское включение истории в область социальных наук, носившее интегративный характер, обнаружило и тенденцию к преодолению определенной дискретности сфер исторического знания, и в том числе признаки теоретико-методологического сближения гражданской и церковной истории.

Последнее происходило и на административном уровне, через сближение в ходе реформы церковного образования конца 60-х гг. XIX века принципов написания, защиты и оценки выпускных сочине-

¹⁰⁷ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 38, 46; Он же. Указ. соч. Кн. 4. Ч. 2. С. 95.

¹⁰⁸ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. 4. Ч. 1. С. 51.

¹⁰⁹ Там же. Кн. 3. С. 226.

¹¹⁰ Там же. Кн. 3. С. 227.

¹¹¹ Там же. Кн. 4. Ч. 1. С. 274.

¹¹² Там же. Кн. 4. Ч. 1. С. 26; Там же. Кн. 4. Ч. 2. С. 95.

¹¹³ Там же. Кн. 4. Ч. 2. С. 94.

¹¹⁴ Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского... С. 37, 45.

ний в духовных академиях и классических университетах, отразилось в многочисленных фактах кадрового смешения академического и университетского профессорско-преподавательского состава.

Докторская диссертация Голубинского, в определенной степени являлась следствием этих процессов, поэтому у нового исследователя соединение истории светской и церковной на уровне персоналий, отдельных сюжетов и больших тем носило принципиальный характер¹¹⁵. В своей теоретико-методологической основе работа четко опиралась на идеи философии позитивизма. Церковь в ней однозначно определялась как часть общественного организма, социальный институт¹¹⁶, в развитии которого, как и в развитии всего общества в целом, ведущую роль играло государство¹¹⁷. На такое видение церковно-государственных отношений исследователь опирался, характеризуя и участие высшей церковной иерархии в процессе государственного строительства XIV – начала XVI столетий.

Работа Е.Е. Голубинского носила рубежный характер. По сути, она являлась «последним словом» в достижениях дореволюционной церковно-исторической науки. Появившиеся после нее труды историков церкви, затрагивавших так или иначе вопросы церковного участия в формировании единого Русского государства и изданные уже в эмиграции, в характеристике проблемы следовали за логикой и выводами известного ученого¹¹⁸.

Однако и сам Голубинский, рассматривая проблему влияния церкви на процесс образования единого государства, не предложил новых оценок, отличных от тех, что уже были высказаны по теме

¹¹⁵ Там же. С. 26.

¹¹⁶ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. 1. С. 547–564; Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского... С. 46, 54, 55.

¹¹⁷ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 547–557; Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского... С. 59–61, 65.

¹¹⁸ Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993; См. также работу ученика А.В. Карташова – Шмемана А. Исторический путь православия. М., 1993.

гражданскими историками¹¹⁹. Важным является другое – в его труде история церкви становилась частью социально-политической истории России. Тем самым исследователь давал импульс к самостоятельной разработке церковно-политических сюжетов в отечественной историографии конца XIX – начала XX века и открывал возможность выполнения специальных исследований РПЦ как социально-политической структуры и фактора политической истории страны. Это начинание было подхвачено. Первыми в силу ряда обстоятельств такую возможность в дореволюционной историографии попытались реализовать историки русского права.

1.4. ИСТОРИКИ ПРАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ОБ УЧАСТИИ РПЦ В ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В данном параграфе делается попытка представить труды русских историков права второй половины XIX – начала XX вв. как самостоятельное направление в изучении вопроса об участии православной церкви в процессе формирования единого Московского государства. Возможность их выделения в отдельную исследовательскую группу обусловлена рядом причин. Во-первых, практически все специальные работы, которых по данному вопросу в дореволюционной историографии очень не много, принадлежат исследователям, чья область профессиональных интересов определялась историей русского права. Во-вторых, все эти исследования отличает от разработки проблемы в гражданских и церковно-исторических работах приверженность авторов к формально-юридическому методу, опора, в первую очередь, на юридические схемы и понятия, высокий уровень теоретизирования в изучении темы.

¹¹⁹ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. II. Вторая половина тома. Репринт. М., 1997. С. 99, 100, 106, 113, 136, 141, 141, 142, 147, 148–149, 151, 152–153, 168, 193, 194–201, 203–206, 308, 324, 410.

Что же касается работ этого времени, созданных специалистами по общей гражданской и церковной истории, то все они выделяются нарочитой декларативностью в рассмотрении данной проблемы и уделяют ей крайне недостаточное внимание¹²⁰. Объяснить причину такой ситуации попытался В.Е. Вальденберг в своем историографическом очерке к исследованию «Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века» (1916), отметив, что со времен Н.М. Карамзина в русской исторической литературе существует традиция разделять морально-нравственное и политико-правовое поле русской истории, на котором церковь не имеет реальных инструментов влияния¹²¹. Ту же особенность он находит даже у С.М. Соловьева, выводя ее из стремления историка показывать лишь событийную сторону государственной жизни, не обращая должного внимания на историю политических идей и правовых норм¹²².

Вальденберг не пояснял, как эти особенности изучения русской государственности касались темы участия РПЦ в государственном строительстве XIV–XVI вв., поскольку их дальнейшее объяснение было связано с раскрытием общеметодологического состояния исторической науки, рассматривать которое не входило в задачи исследователя. Тем не менее, пытаясь объяснить причины недостаточных с его точки зрения результатов изучения темы гражданскими историками, он коснулся, по сути, одного из магистральных процессов в гуманитарных исследованиях того времени: стремления отойти от чисто политического подхода к истории государства и начать изучение его как социально-политического явления, где общество (а с точ-

¹²⁰ Гребенюк А.В. Религиозно-политические идеи русской православной церкви и формирование централизованного государства в конце XIV – начале XVI веков (историография проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: НГПУ, 2005. 26 с.

¹²¹ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006. С. 10–11.

¹²² Там же. С. 11–12.

ки зрения Вальденберга, следовательно, и церковь), его сознание, морально-нравственное, идейное состояние (а следовательно, и церковная идеология) являются неременным и активным фактором государствообразования.

Такое видение вопроса и в исторической, и в историко-правовой науках имеет, безусловно, свою предысторию. Что касается истории русского права, создававшейся как отдельная дисциплина в пореформенное время, то в ней такой подход к проблеме формировался параллельно с процессом методологического становления самой историко-юридической науки, в котором немалую роль сыграла рецепция исследовательских принципов и приемов европейской юриспруденции, в частности, немецкой исторической школы права, взглядов французских и английских позитивистов¹²³.

Так, например, в работах В.Е. Сергеевича нашли подробное отражение проходившие в середине века в европейской юридической науке дискуссии о ее предмете и содержании¹²⁴. Исследователь отмечал в своей докторской диссертации «Задача и метода государственной науки. Очерки современной политической литературы» (1871) в качестве одного из ключевых и новых вопросов немецкой юриспруденции вопрос о соотношении общества и государства, их взаимосвязи¹²⁵. Ученый, также как и большинство русских историков-правоведов, признавал эту проблему одной из ведущих в своей области¹²⁶.

¹²³ Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М.: РГГУ, 1998. С. 6, 62; Струтинская Т.А. Генезис концепции государственного устройства в российской либеральной мысли конца XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2007. С. 22; Полухин Р.О. Проблемы соотношения общества, права и государства в правовой мысли России (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2004. С. 20.

¹²⁴ Иллерицкая Н.В. Указ соч. С. 55-56.

¹²⁵ Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. Очерки современной политической литературы. М.: Тип. Грачева и К., 1871. С. 30, 35.

¹²⁶ Иллерицкая Н.В. Указ соч. С. 63; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Вып. 1. История русского государственного права. Киев: Тип. Г.Л. Францкевича, 1886. С. VII–VIII; Сергеевич В.И. Задача и метода госу-

Однако на момент выхода работы Сергеевича этот вопрос был более чем актуален и в сфере гражданской истории, в которой со времен Н.А. Полевого, М.П. Погодина, славянофилов, историков-федералистов «поиски народа» велись очень активно¹²⁷. Кроме того, в пореформенной России особое звучание начинал приобретать и вопрос взаимоотношений общества и церкви в исторической и современной перспективах, выразившийся в пристальном внимании общественности к церковным вопросам, реформе церковного образования, в активизации церковно-исторической периодики, появлении фундаментальных исследований по истории РПЦ, постановке вопроса об участии церкви в развитии народного просвещения, в рассмотрении церкви в научной и публицистической литературе как неотъемлемой части общественного организма¹²⁸.

Все эти процессы нашли отражение в юридических приемах и схемах корифеев русской историко-правовой науки второй половины XIX столетия. Обнаружение наряду с государством и общества, констатация их взаимосвязи заставили юристов пересмотреть структуру «государственной науки». В их работах законодательство стало носить национальный характер, а правовые нормы выводились из народного общественного сознания. Теперь сам институт государства включал в себя не только власть и территорию, но и население¹²⁹. В

дарственной науки. С. 32; Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная на годовичном акте Императорского Санкт-Петербургского университета, 8 февраля 1873 года // Соч. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 31–33; Полухин Р.О. Указ. соч. С. 7, 20.

¹²⁷ См., например, Боярченков В.В. Историки-федералисты...

¹²⁸ Хлебников Н. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869. С. 110, 127; Калачов Н.И. О значении Кормчей в системе древнерусского права. М.: Универ. тип. 1850. С. 2; Горчаков М. «История русской церкви» Макария, архиепископа Литовского и Виленского // Сборник государственных знаний. Т. II. СПб., 1875. С. 24–27.

¹²⁹ Иллерицкая Н.В. Указ. Соч. С. 55; Милюков П.Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. М., 1886. Июнь. С. 91; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. II, 47, 62–63; Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. С. 149; Сергеевич В.И. Лекции и исследо-

этой связи особую значимость приобретал такой раздел государственной науки как история политических учений, задача которой виделась в изучении государственных идеалов разных времен¹³⁰. Данный подход давал возможность иначе взглянуть на участие в государственном строительстве духовенства как слоя социума, активно влиявшего на сознание общества, сопоставить его идеи и политическую практику эпохи¹³¹.

Такому видению темы способствовало и то, что в европейской, а затем и в русской истории права исследователи выходят на проблему соотношения изучаемых явлений в сфере политической теории, «положительного» права и политической практики¹³². Именно с учетом этих трех аспектов представляли структуру государственно-правовой науки немецкие юристы середины XIX столетия, и именно с этих позиций предлагал изучать любое политико-правовое явление В.И. Сергеевич¹³³.

Констатация взаимосвязи государства и общества в это время проявляется и в конкретных юридических схемах. В частности, у немцев отечественные исследователи находят понимание права как системы отношений социально-правовых субъектов. В этой связи са-

вания по древней истории русского права. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. С. 6, 38.

¹³⁰ Вальденберг В.Е. История политических учений как наука (Вступ. лекция приват-доцента В.Е. Вальденберга, прочитанная в Санкт-Петербургском университете 18 янв. 1901 г.) // Право. Еженедельная юридическая газета 1901. №9. С.464–465, 471; Градовский А.Д. Государственный строй Древней России (по поводу книги В.И. Сергеевича «Вече и князь») // Соч. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 372–373.

¹³¹ Сергеевич В.И. Опыты исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. №. 1,2; Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т II. Вып. Второй. Советники князя. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. С. 499, 605; см. также Градовский А.Д. Государственный строй Древней России. С. 368.

¹³² Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. С. 24.

¹³³ Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 62; Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. С. 4, 12–13, 43–46, 186; см. также Градовский А.Д. Государственный строй Древней России. С. 375–377; Костин Ю.В. Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли до-революционной России второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2008. С. 28, 31, 40.

мо государственное устройство большинством из них рассматривается как система взаимосвязанных друг на друга общественно-политических элементов, где государственная власть – лишь один из них¹³⁴.

Одним из первых вписал РПЦ в эту заданную систему координат в конкретном историко-правовом исследовании В.И. Сергеевич. При этом ученый исходил из представления о невозможности разделить юрисдикцию субъекта права и его политическую деятельность¹³⁵. Поэтому, обнаруживая правовую автономию РПЦ в удельный период, автор включал церковь в систему отношений князя с его «контрагентами»: другими князьями, дружиной, боярами, народным вече¹³⁶. То есть в этой юридической схеме церковь рассматривалась наряду с другими элементами как самостоятельный фактор политического устройства.

Здесь Сергеевич выступал сторонником многофакторного подхода и чисто позитивистского взгляда на источник как содержащий непосредственную и объективную информацию об отражаемом явлении¹³⁷. В источниках юриста интересовали, прежде всего, конкретные факты церковно-государственных отношений. В силу этого деятельность церкви рассматривалась им как сила «прямого действия», а церковное влияние разбиралось только на примерах непосредственных контактов представителей церкви и светской власти¹³⁸. Именно

¹³⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 15, 19, 21, 22, 26, 47, 129; Градовский А.Д. Государственный строй Древней России. С. 366, 368; Хлебников Н. Указ. соч. С. 7; Сергеевич В.И. Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. №1. С. 58; Сергеевич В.И. Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. №2. С. 52–53.

¹³⁵ Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 63; Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. С. 15.

¹³⁶ Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. С. 219–221; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 62–70.

¹³⁷ Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 76; Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. С. 191, 197–198, 208; Сергеевич В.И. Государство и право в истории. С. 35.

¹³⁸ Дебольский Н.Н. В. Сергеевич. Русские юридические древности. СПб., 1890–1893 // ЖМНП. СПб. 1894. Ч. ССХСIV. С. 409; Сергеевич В.И. Русские юридические древности...; Он же. Лекции и исследования...

поэтому отбираемые исследователем источники содержали в основном сведения о характере церковно-государственных взаимоотношений и их восприятии обеими сторонами¹³⁹. Что думала РПЦ о взаимодействии княжеской власти с другими агентами государственного устройства, Сергеевич не говорит ни слова. Таким образом, в его работах церковные взгляды на власть оказывались уже самой этой властью, охватывая лишь один из аспектов древнерусской политической практики. Вообще все элементы-факторы государственного устройства удельной Руси в работах ученого представляли изолировано друг от друга, на что в свое время обратил внимание еще М.Ф. Владимирский-Буданов¹⁴⁰.

Юридическая схема Сергеевича, в теории позволявшая применять системный подход к проблеме влияния церкви на институт древнерусской государственной власти и государственного устройства в целом, на конкретном историческом материале во многом оставалась схемой. Политические идеи духовенства в ней выглядели статично, впрочем, как и вся исследовательская модель. За этот «догматический» подход к материалу автор подвергался серьезной критике коллег¹⁴¹.

Однако самым существенным теоретико-методологическим препятствием в применении этой юридической конструкции при решении вопроса об участии церкви в государственном строительстве XIV–XVI вв. для Сергеевича стала приверженность, с одной стороны, к господствовавшей во второй половине XIX века нормативной теории права, согласно которой государственное право – лишь то, что

¹³⁹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования... С. 68–78.

¹⁴⁰ Сергеевич В.И. Задача и метода... С. 219; Владимирский-Буданов М.Ф. Новые исследования о Боярской Думе // Сборник государственных знаний. Т. III. СПб., 1880. С. 106.

¹⁴¹ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. С. 593–594; Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 10–11; Милуков П.Н. Указ. соч. С. 88–89; Градовский А.Д. Государственный строй Древней России. С. 342, 368, 370–371; Самоквасов Д.Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. Ч. 1. Современное состояние вопроса о государственных и общественных отношениях в удельный период древней Руси // ЖМНП. СПб., 1869. Ч. CXLVI. С. 104.

непосредственно создается государственной властью¹⁴², а с другой, – следование Б.Н. Чичерину и учению о «частно-правовом типе» политического строя Древней Руси (т.н. «личная» или «договорная» теория)¹⁴³. Вслед за Чичериным отрицая государственное право и государственную практику удельной Руси, Сергеевич и общественно-правовые отношения сводит, по сути, к произволу отдельных лиц¹⁴⁴. Поэтому русский князь выступает у него как частное лицо, степень влияния на которое со стороны духовенства определить точно не возможно и которое предстает как сумма конкретных случаев. Не случайно поэтому в источниках Сергеевич не находит и самих политических идеалов удельной эпохи, которые можно было бы сопоставить с политической практикой того времени¹⁴⁵. Обнаруживая лишь примеры прямого взаимодействия святителей и князей, он видит их основания только в личных мотивах и нравственно-этическом состоянии конкретных лиц¹⁴⁶. Поэтому, сравнивая положения князей, их действия в политической практике, в области права и в теории, Сергеевич ищет и не находит взаимосвязи. В итоге сложная теоретическая схема дала тот же вывод, что и работы историков ее не применявших: духовенство эпохи объединения – флюгер на ветру межкняжеских отношений¹⁴⁷.

Применение Сергеевичем частноправовой теории в последствие также подвергалось критике со стороны А.Д. Градовского, М.Ф. Вла-

¹⁴² Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М.: Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858. С. 234; Корнев А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2004. С. 27.

¹⁴³ Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 7, 45, 100.

¹⁴⁴ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 236, 250, 253, 258, 265, 274; Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 32; Милюков П.Н. Указ. соч. С. 91; Сергеевич В.И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т. VII. СПб., 1879. С. 83.

¹⁴⁵ Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 89; Сергеевич В.И. Русские юридические древности. С. 523; Сергеевич В.И. Лекции и исследования... С. 73; Градовский А.Д. Государственный строй Древней России. С. 368.

¹⁴⁶ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. С. 523–524, 539, 556.

¹⁴⁷ Там же. С. 591–593, 605.

димирского-Буданова, П.Н. Милюкова и других¹⁴⁸. Но наиболее чутко на эту критику и на призыв увидеть за личным произволом в политико-правовых отношениях удельной Руси общественное сознание с его политическими идеалами намного позже отреагировал В.Е. Вальденберг. Пожалуй, он же первым обратил внимание на несовпадение многоплановой схемы исследования и ограниченности выводов В.И. Сергеевича при ее применении относительно «церковной» темы.

В работе самого Вальденберга вопрос о влиянии церкви на формирование института государственной власти XIV–XVI вв. является неотъемлемой частью выяснения структуры государственного устройства эпохи в целом. Под этим устройством он в принципе понимает то же, что и его старшие коллеги: Сергеевич, Владимирский-Буданов, Градовский. Эти представители пореформенной либерально-правовой мысли рассматривали право как своего рода ограничитель¹⁴⁹. Именно на этой особенности акцентирует внимание и Вальденберг, понимая под государственным устройством систему взаимограничивающих действий субъектов права, в том числе и церкви¹⁵⁰. В этом он также следует своему учителю Н. Коркунову, который предлагал рассматривать сущность государства через призму его функций¹⁵¹. Не случайно у самого Вальденберга образ идеального князя в литературе XIV–XVI вв. – это образ его действий¹⁵².

Если Сергеевич и другие историки права предложили исследовательскую модель государственного устройства Древней Руси, вклю-

¹⁴⁸ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 87; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. V, 3–5, 82; Владимирский-Буданов М.Ф. Новые исследования о Боярской Думе. С. 120, 121.

¹⁴⁹ Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. С. 116–117; Сергеевич В.И. Лекции и исследования... С. 14; Градовский А.Д. Общество и государство (теоретические очерки) // Соч. Т. III. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 350; Сергеевич В.И. Опыт исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. №2. С. 215; Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. С. 9–10; Корнев А.В. Указ. соч. С. 24.

¹⁵⁰ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. С. 75, 129–130; Вальденберг В.Е. История политических учений как наука. С. 471.

¹⁵¹ Полухин Р.О. Указ. соч. С. 23.

¹⁵² Вальденберг В.Е. Древнерусские учения... С. 75.

чив в нее церковь, то Вальденберг заявил о необходимости применения этой модели в рамках определенной источниковедческой практики, требовавшей перекрестного допроса источников, относящихся к области политических учений, действующего права и политической практики в конкретном синхрولوجическом срезе¹⁵³. Конечной целью такого подхода должна была стать возможность установить параллели в изменениях института княжеской власти, в частности, и государственного устройства в целом во всех трех указанных аспектах и выявить роль каждого из субъектов права в этом процессе¹⁵⁴.

Будучи специалистом по истории правовых учений, Вальденберг сосредоточился, прежде всего, на этом аспекте изучения государственного устройства Древней Руси, сделав объектом своего исследования представления о княжеской власти, суть которой проявляется через взаимосвязи с другими субъектами политики этого времени. Для этого Вальденберг сознательно выделял церковно-политическую литературу из других источников, пытаясь отделить «событийную историю» от «истории идей»¹⁵⁵.

Такое изучение государственного устройства Древней Руси отдельно от исследования состояния предмета в сфере «положительно-го» права и политической практики для Вальденберга вполне допустимо, т.к. базируется на представлениях исследователя о самостоятельности и самодостаточности «идеальных» факторов в истории¹⁵⁶. Приемы работы Вальденберга с «политической литературой» очень схожи с теми, что применял ранее историк права М.А. Дьяконов в магистерской диссертации «Власть московских государей», в которой «впервые поставил задачу проследить развитие взглядов на власть московских государей в политической литературе от самого зарождения ее до конца XVI века»¹⁵⁷. Разбирая литературные произведения, церковные по своему происхождению и содержанию, он применяет

¹⁵³ Там же. С. 27–28.

¹⁵⁴ Там же. С. 27–28.

¹⁵⁵ Там же. С. 13–14, 23.

¹⁵⁶ Вальденберг В.Е. История политических учений как наука. С. 469, 471.

¹⁵⁷ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения... С. 17; Дьяконов М.А. Власть Московских государей. СПб., 1889.

текстуальный анализ, метод филологической критики и при этом рассматривает источники в независимости от исторического контекста, предлагая читателю, по сути, филиацию идей, чаще всего связанных логикой рассуждений самого исследователя. Церковные представления о княжеской-царской власти XIV–XVI вв. Вальденберг не считает целостным литературным сюжетом, сложившейся в головах современников стройной литературной концепцией. Тем не менее литературный конструкт, созданный ученым, как и у Сергеевича, не покрывает собой всех сторон государственного устройства и княжеской власти XIV–XVI столетий. Дело в том, что, так же как и последний, исследователь в качестве источников использует в основном летописные известия, церковные грамоты, адресные послания и поучения, отражающие факты непосредственного церковно-государственного взаимодействия, и в которых объем полномочий князя (в церковной интерпретации) определяется не вообще, а лишь по отношению к духовной власти. В итоге политические представления, культивируемые церковью, выглядят в исследовании юриста содержательно неполными сравнительно с самим институтом княжеской власти. Вслед за В.И. Сергеевичем, понимая влияние церкви как непосредственное, Вальденберг даже в произведениях поучительного, морально-нравственного плана ищет прямое указание на предел княжеских полномочий. Не случайно поэтому, относительно исследовательской связки: церковные наставления – политические акции князей, историк не может сказать ничего определенного. Во всех конкретных случаях такая связь ставится под сомнение и делается предположение о том, что поучение адресовано князю не как к политическому деятелю, а как «сыну Божию»¹⁵⁸.

Частные случаи влияния духовенства на носителей государственной власти, воплощенные в конкретных фактах церковно-государственного взаимодействия, на которые только и опирались исследователи, просто не могли выступать в качестве подтверждения историко-правовой исследовательской модели – схемы государствен-

¹⁵⁸ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения... С. 99, 103, 107.

ного устройства эпохи объединения и роли в его формирования РПЦ. Эта модель так и не была раскрыта на источниковом материале, привлекаемым исследователем. Работа Вальденберга четко показала, что юридическая схема государственного устройства как исследовательский инструмент по изучению вопроса о влиянии церкви на формирование княжеско-царской власти в период государственного строительства XIV–XVI вв. требовала иного информационного обеспечения. Будучи шаблоном, она нуждалась в стереотипном, типизированном материале, содержащем устойчивые элементы общественного сознания эпохи и формы социально-политической практики, требовала формалистического подхода к источнику.

Между тем возможности для расширения источниковой базы относительно изучения проблемы в таком ключе у историков права конца XIX – начала XX веков были. Книга Вальденберга вышла в 1916 г., а в 1915 г. было опубликовано докторское исследование Н.И. Серебрянского о древнерусских княжеских житиях. В своей работе этот историк церкви впервые обратил внимание исследователей на житийные образы светской власти как сложный структурный типизированный объект, содержащий специфическую информацию и поставил вопросы о способах ее использования при решении конкретных исторических задач¹⁵⁹. Исследователь несколько лояльнее, чем его предшественники, отнесся к такому качеству княжеской агиографической литературы, как клишированность и повторяемость описаний, оценив их не столько как недостаток источника, сколько как его специфику, вплотную подойдя к вопросу о структурно-формалистическом анализе княжеских житий¹⁶⁰. Еще раньше, в 70-е гг. XIX века с позиций формалистического анализа к житийной литературе подходил А.Н. Веселовский. Однако его выводы не вышли за

¹⁵⁹ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М.: ИОИДР, 1915. С. 291–292, 294.

¹⁶⁰ Там же.

рамки историко-литературных вопросов и не были развиты позднейшими исследователями¹⁶¹.

Кроме Вальденберга в начале XX века в среде русских историков права появилось еще несколько исследователей, специально занимавшихся вопросом влияния РПЦ на формирование единого великорусского государства и института княжеско-царской власти XIV–XVI вв.¹⁶² Однако ни одним из них не был в должной мере оценен информационный потенциал княжеской агиографии как источника по данной теме. Отсутствие этой группы материалов в источниковой базе подобных работ, вероятно, было обусловлено следованием авторов за господствующим тогда мнением об агиографических и гимнографических произведениях Древней Руси, сформированном такими учеными, как В.О. Ключевский и Е.Е. Голубинский. Последние отмечали в житиях в качестве их недостатков литературный шаблон, слабую достоверность и информативность¹⁶³. Их отношение к источникам с позиции прямого отражения в них явлений исторической действительности¹⁶⁴ снижало источниковедческую ценность житийной литературы. В результате сужалась источниковая база темы и возможности применения формально-юридического метода при ее изучении. Таким образом, потенциал этого подхода в исследовании вопроса в

¹⁶¹ Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб.: СПбГУ, 2005. С.128; Гжибовская О.В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2009. С. 18.

¹⁶² Сокольский В.В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI вв. (Исследование по памятникам древнерусской письменности конца XV и первой половины XVI вв.). Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1902; Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Т. 1 в 2-х ч. Киев, 1904.

¹⁶³ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви... Т. 1. Ч. 1. С. XII–XVI; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 50, 64, 358.

¹⁶⁴ Гребенюк А.В. Русская источниковедческая мысль второй половины XIX века об источниках по истории русской церкви (к вопросу об источниковедческой терминологии и классификации источников) // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка. XVI чт. памяти чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского. 15–17 апр. 2009 г. Ч. 2. Н. Новгород: НГПУ, 2009. С. 65–70.

дореволюционной историографии не был полностью реализован. Важнейшим препятствием в его применении стало состояние источниковой базы проблемы, специфика ее восприятия и оценки.

К сожалению, направление в изучении темы, заданное дореволюционными историками права, на долгое время было забыто советской исторической наукой. Лишь в 70-е – начале 80-х гг. XX века внешне схожие тенденции в ее изучении начали проявляться в работах школы Л.В. Черепнина¹⁶⁵. Однако развивались они в рамках несколько иной методологии.

¹⁶⁵ Назаров В.Д., Репина Л.П. «Чтения, посвященные памяти академиков С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина» // Вопросы истории. 1984. №2. С. 126.

Глава 2. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ СЕВЕРОВОСТОЧНОЙ РУСИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. ПИСЬМЕННЫЕ «ЦЕРКОВНЫЕ» ИСТОЧНИКИ КОНЦА XIV–НАЧАЛА XVI ВЕКОВ В СОВЕТСКИХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЯХ

Несмотря на то что в дореволюционной историографии существовало традиционное разграничение гражданской и церковной истории, вопрос о разделе источниковых комплексов в соответствии с этим делением не был решен со всей четкостью и ясностью. Говоря о «материалах по истории русской церкви», пытаюсь определить их особенности и место в системе отечественного источниковедения¹, исследователи XIX века отнюдь не в первую очередь учитывали признак их происхождения или среды возникновения, обращая внимание, прежде всего, на предмет повествования, и определяя их принадлежность к церковно-исторической дисциплине в зависимости от того, говорят они о какой-либо стороне церковной жизни или нет. Именно на этом содержательном основании в большинстве случаев строилась классификация источников по русской церковной истории. Их разделение же, с одной стороны, на специальные церковные источники и материалы общего с гражданской историей характера, с другой, едва ли было предметом особого осмысления и не расценивалось как существенный момент в их классификационной характеристике. Хотя, например, Е.Е. Голубинский действительно определял летописи в особый «исторический отдел» церковной литературы, но руководствовался при этом не столько их обоюдным значением для гражданской и церковной истории, сколько их особой целевой и повествователь-

¹Гребенюк А.В. Русская источниковедческая мысль второй половины XIX века об источниках по истории русской церкви ...

ной направленностью, заключенным в них стремлением к осознанному описанию прошедших событий и деятельности исторических лиц.

Более выраженным в дореволюционной исторической науке являлось стремление делить источники по истории церкви на «внешние» и «внутренние». Но и здесь определение «внешний» имеет ввиду не среду возникновения стороннюю по отношению к церкви, а лишь внимание к событиям церковной жизни, относящимся скорее к ее материальной стороне и взаимодействию духовенства с внешними по отношению к церкви институтами.

Кроме того, в дореволюционном источниковедении под «материалами по истории русской церкви» понимались, прежде всего, письменные источники. Не случайно поэтому в их публикации и систематизации активное участие принимали историки русской литературы, делавшие больший упор на «филологической критике» источников и акцентируя внимание опять же на их содержательном аспекте².

В советской историографии усиление внимания к вопросам классификации письменных источников происходит в 1960–1970-е гг., а сама проблема в это время получает серьезную теоретическую разработку. Здесь речь шла о таком ведущем критерии или критериях классификации указанного типа источников, как среда возникновения, содержание, внешняя форма и внутренняя структура. Однако вопрос об их соотношении не нашел тогда четкого и однозначного решения. В целом же сложилось две системы деления – по видам и по содержанию источников³.

Видовая классификация получила всесторонний анализ в трудах крупного источниковеда 1960–1970-х гг. Л.Н. Пушкарева, который в качестве главного видового отличия выделял внутреннюю структуру

² См., например, Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. СПб., 1863; Попов А. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875; Памятники древне-русской церковно-учительной литературы / Под ред. А.И. Пономарева. Вып. 1. СПб., 1894.

³ Данилов В.П., Якубовская С.И. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории. 1961. №5. С. 6, 9.

источника⁴. В его классификации письменные источники по истории русской православной церкви отдельного места, естественно, не имели, поскольку не обладали и не могли обладать самостоятельными видовыми признаками. Кроме того, такой способ группировки по большому счету вообще дистанцировался от тематической направленности источников. Здесь материалы, относящиеся к одной теме и сходные по содержанию, легко оказывались в разных видовых группах. Поэтому в конкретных исторических исследованиях, в том числе затрагивавших РПЦ, данное деление едва ли принималось в расчет⁵.

Тематическая группировка письменного источникового материала при его классификации применялась еще в довоенном источниковедении⁶. В послевоенный период ее поддерживал ряд крупных советских историков. А.А. Зимин свою точку зрения на содержание как единственно правильный принцип классификации письменных источников отразил в это время в программе курса «Русская историческая дипломатика феодальной эпохи», разработанной для Историко-архивного института⁷. Л.В. Черепнин предложил свою классификацию актовых материалов феодальной эпохи, где в качестве ключевого представил тот же критерий деления.

Оба исследователя тематический принцип разграничения источников напрямую связывали с содержанием исторического процесса в целом. В последнем история церкви не рассматривалась в качестве самостоятельного направления. Поэтому в этих классификациях жизнь и деятельность церкви включалась в социально-экономический и политический контекст⁸.

Данный подход нашел практическое воплощение в конкретных исторических исследованиях. Большинство работ, в которых затрагивалась история РПЦ, анализировало ее состояние и деятельность ис-

⁴ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.

⁵ Данилов В.П., Якубовская С.И. Источниковедение и изучение истории... С. 6,7.

⁶ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 161.

⁷ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч.2. М.: Изд-во АН СССР, 1951; Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 167.

⁸ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. С. 62.

ключительно с позиций участия церкви в социально-экономических и политических процессах и событиях. Мотивы политической деятельности духовенства в этих исследованиях не выходили за рамки общественно-политической ситуации и не имели собственных корней в церковной жизни. Рассматривая проблему участия церкви в государственном строительстве XIV–XVI вв., исследователи избегали акцента на церковном происхождении источников, называя их авторов нейтральными терминами «книжники», «летописцы», хотя атрибуция многих из них указывала на церковную среду возникновения⁹.

Последняя также рассматривалась как возможный ведущий принцип классификации. Однако сторонники этой точки зрения широкой поддержки не получили. В 1960-е гг. обоснованность такого критерия доказывали С.М. Каштанов и А.А. Курносков. Они высказались за деление письменных источников по происхождению, считая вид источника «категорией вторичной, производной от породивших его отношений». Под происхождением они понимали «сумму признаков, определяющих место источников в общественной жизни»¹⁰.

С точки зрения Л.Н. Пушкарева, недостаток такого деления заключался в возможности отнесения одного и того же источника сразу к нескольким группам, имеющим признаки различных сред возникновения, число которых С.М. Каштанов ограничил сферой социально-экономических отношений; общественно-политической борьбы, общественной мысли и культуры; а также семейно-личностной сферой¹¹. В этом разграничении обнаруживал недостаток и Л.В. Черепнин, считая, что границы «сфер отношений в обществе... не могут быть четко определены»¹².

⁹ См., например, Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980. 223 с.; Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XVI вв. М., 1986. 205 с.; Гольдберг А.Л. Историко-политические идеи русской книжности XV–XVII веков // История СССР. 1975. № 4. С. 60–78 и др.

¹⁰ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 176.

¹¹ Там же. С. 177.

¹² Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения.... С. 30.

Вместе с тем происхождение источника учитывалось Л.В. Черепниным в его кодификации актового материала периода феодализма. В своей работе «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.» историк высказывал сожаление о том, что в источниковедческой литературе касательно средневековой дипломатики, в том числе и относящейся к РПЦ, не учитывалось, по чьей инициативе она создавалась¹³.

Эта мысль нашла отражение в предлагавшейся Черепниным методике работы с источниками и их публикации (на примере актового материала – в составе оригинальных сборников и формулярников), т.е. с учетом условий их бытования и особенностей первичного фондообразователя. Относительно церкви у историка таковыми выступали митрополичья кафедра и монастыри¹⁴.

Такой дифференцирующий подход был реализован в 1960–1980-е годы как в советской практике публикации источников, в т.ч. касающихся церковной организации XIV–XVI веков¹⁵, так и в последующих конкретных исследованиях, затрагивавших историю РПЦ. Сам Л.В. Черепнин относительно Русской церкви предпочитал говорить во множественном числе, используя выражение «церковные феодальные организации». Русское монашество также разделялось им на самостоятельные «духовные феодальные корпорации».

Предложенный Черепниным способ работы с источниками позволял увидеть в сборниках документов, в том числе в монастырских и митрополичьих актовых формулярниках, целостный самостоятельный материал, а относительно церковно-исторических исследований – конкретизировать и дифференцировать роль и место отдельных элементов церковной организации в общественно-политическом развитии страны. Как следствие, в работах 1960–1980-х гг. по истории церкви и образования централизованного государства появляется но-

¹³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 3,4.

¹⁵ См., например, Акты Московских монастырей и соборов. 1509–1609 гг. Вып. 1–2. Из Архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1984 и др.

вый вывод об организационной самостоятельности РПЦ, решающей собственные идеологические и политические задачи, в качестве самостоятельных участников «политической борьбы» выделяются «отдельные отряды церковных сил» и «крупнейшие церковные корпорации», такие как «митрополичья кафедра», «монастырские старцы», «приходское духовенство»¹⁶.

Проявившийся в этих выводах особый метод группировки источников нашел выражение и в дискуссии о характере летописания XV века, отразившей ситуацию, когда были «выявлены памятники летописания..., связанные с различными церковными центрами, в результате чего в науке возникли споры о характере политических взглядов, отраженных в этих памятниках»¹⁷.

В то же время такой подход несколько нивелировал целостность церковной организации. В результате, например, проблема единства религиозно-политической идеологии как одного из ключевых каналов церковно-государственного взаимодействия не стала предметом специального рассмотрения в советской исторической науке и не была решена. При изучении этих взаимоотношений не осуществлялось комплексное привлечение таких источников, вышедших из церковной среды, как пастырские послания и поучения, агиография, акты церковно-административного управления, литургические тексты, монастырские уставы.

Таким образом, в советском подходе к определению места «церковных» источников как в общих классификационных схемах, так и при систематизации источникового материала в конкретных исследованиях, можно выделить два основных момента: во-первых, ведущим критерием здесь оставалась привязка источников к содержанию той или иной стороны исторического процесса, в котором церкви не выделялась самостоятельная ниша. Во-вторых, прикладное значение

¹⁶ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986 и др.

¹⁷ Кучкин В.А., Флоря Б.Н. О профессиональном уровне книг по истории русской церкви // Вопросы истории. 1988. №11. С. 144–156.

имело разделение источников по истории церкви и их распределение с учетом условий бытования и особенностей конкретного фондообразователя.

Первый аспект ставил во главу угла принцип классификации по содержанию и опирался на общетеоретические установки марксистской доктрины, второй – в значительной степени учитывал параметр происхождения источников и исходил из конкретного состояния и непосредственного анализа структуры источниковой базы. Однако его применение в источниковедческой практике в силу идеологической заданности имело свои пределы, что прямо отражалось на способах интерпретации источников: отсутствие конкретного сравнительно-исторического анализа светской и церковно-политической идеологий, изучение церковных и светских политических идей вне контекста церковно-государственных отношений данного периода – характерная черта советских работ 1960–1980-х годов. Решение этих проблем так и осталось за рамками советской исторической и источниковедческой мысли.

2.2. ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В 20 – 40-Е ГГ. XX ВЕКА

Процесс формирования единого русского государства был пересмотрен советскими учеными в 1920–1940-е гг. с позиций марксистской концепции исторического развития, «подчеркивающей органическую связь государственного объединения с экономическим развитием страны»¹⁸, производительными силами и производственными отношениями, т.е. «экономическим базисом», определяющим любой тип государства как «политическую надстройку» и «орудие в руках господствующего класса»¹⁹. Критике в это время был подвергнут характерный для дореволюционной историографии тезис о «самодержа-

¹⁸ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI веков... С. 16.

¹⁹ Галкин В.А. Роль народных масс в образовании русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1958. С. 30.

вии как некоей надклассовой силе, будто бы спланивающей своих подданных без различия их сословной и классовой принадлежности на основе «общенационального идеала», единства веры и извечной морали»²⁰. Однако, акцентируя внимание на одних гранях проблемы, историки-марксисты отодвигали в тень другие. В результате «началось замалчивание истории русской церкви»²¹ и, в частности, ее роли в развитии общественно-государственных отношений.

Советская историческая наука с ее монопольным марксистским направлением с самого начала отличалась лидерским характером научных школ²², делением исследований по проблемно-хронологическому принципу²³. Поэтому историки группировались вокруг наиболее влиятельных фигур, возглавлявших в определенное время то или иное направление исторических исследований²⁴. В 1920-е гг. такой личностью был М.Н. Покровский, попытавшийся уложить русский исторический процесс в сжатые рамки упрощенных обществоведческих схем, подкрепленных авторитетом марксизма.

Данный подход, отразившийся в знаковом труде М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (ч. 1–3, М., 1920–1923), соответствовал общей ситуации в исторической науке, характеризовавшейся отказом от буржуазной историографии, свертыванием традиционных исторических научно-исследовательских структур и заменой их новыми марксистскими учреждениями, среди которых «единственным центром, дававшим установки» в области древней

²⁰ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 3.

²¹ Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография: Сб. ст. / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 130.

²² Сидорова Л.А. Школы в исторической науке России // Отечественная история. 1996. № 6. С. 202.

²³ Иллерицкая Н.В. Становление советской исторической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография ... С. 170–171.

²⁴ Там же. С. 170–171.

истории, была Государственная академия истории материальной культуры²⁵.

Атомизация дореволюционного научного сообщества, потеря исследовательских направлений, уход в «безопасную» проблематику фактически «обнуляли» результаты изучения проблемы участия РПЦ в формировании единого русского государства, достигнутые дореволюционной исторической мыслью.

Политическая обстановка в СССР, сложившаяся вокруг православной церкви в 1920-е гг., отодвигала на задний план научные задачи обращения к данной проблематике, выдвигая в качестве ключевой – использование церковно-исторических знаний в антицерковной политике Советского государства. Определяемая данными обстоятельствами потеря научно-исследовательского интереса к церковно-государственной тематике отразилась в объеме исторических публикаций.

Первым монографическим исследованием в этот период, освещавшим вопросы истории средневековой русской православной церкви была работа профессора Белорусского государственного университета Н.М. Никольского – «История русской церкви», вышедшая в издательстве «Атеист» в 1930-м году. Никольский, относившийся к «старым специалистам», окончивший до революции историко-филологический факультет Московского университета, как и М.Н. Покровский еще в дореволюционный период перешел на позиции марксизма и, в целом, разделял взгляды последнего на исторический процесс. В советской историографии отмечалось, что создавая эту работу, историк выполнял, по сути, идеологический заказ «антицерковного актива» Союза воинствующих безбожников, нуждавшегося в идейном «инструменте» борьбы с православной церковью²⁶. На эту же особенность труда Никольского в свое время обратил внима-

²⁵ Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

²⁶ Гордиенко Н.С. Н.М. Никольский и его «История русской церкви» // http://scepsis.net/library/id_1717.html

ние церковный историк – эмигрант А.В. Карташов, назвав его «грубой большевистской агиткой»²⁷. Тем не менее эта монография долгое время оставалась единственным в советской историографии специальным церковно-историческим исследованием.

Общая направленность работы была выдержана в контексте теоретико-методологических установок М.Н. Покровского, сотрудничество с которым Н.М. Никольский начал в дореволюционное время. Еще тогда им были написаны шесть глав для многотомной «Русской истории с древнейших времен» (под редакцией М.Н. Покровского), вышедшей в Москве в 1909–1912 гг. Характеристик русской церкви эпохи объединения, данных ей здесь, историк придерживался и в дальнейшем.

В новом труде Никольский в русле «школы Покровского» представлял формирование Московского государства как процесс, в котором «старые самодовлеющие феодальные миры теряют свою независимость, центробежные силы слабеют, крепнут силы центростремительные». В соответствии с этим процессом и «феодальные церковные миры уступают место Московской централизованной митрополии»²⁸. В указанный период обе силы и церковь, и светская власть, с точки зрения Никольского, «шли на встречу друг другу, видели друг в друге естественных союзников»²⁹. В соответствии с этим «церковь должна была пойти на встречу стремлениям Московских князей, санкционировать самодержавие Московского князя», выросшее «на почве развития денежного хозяйства и в борьбе с удельным партикуляризмом»³⁰.

Специальных трудов, в которых бы затрагивалась древняя история РПЦ, в 1930–1940-е гг. после труда Н.М. Никольского не создавалось. Но присутствовавший в его работе общий негативный фон в характеристике церкви сохранился и в исследованиях второй половины

²⁷ Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. С. 37.

²⁸ Никольский Н.М. История русской церкви. Мн., 1990. С. 134.

²⁹ Там же. С. 161.

³⁰ Там же. С. 154.

1930–1940-х гг., посвященных проблеме образования единого Русского государства.

В это время тема «государства» стала вновь актуальной и развивалась на фоне таких общественно-политических тенденций, как укрепление сталинской социалистической государственности и возвращение «имперских» традиций³¹. В области исторического знания, как известно, это проявилось в возрождении традиционных научных и учебных структур разных уровней; в «реабилитации» в общественном и научном сознании ряда событий, процессов и деятелей прошлого; в популяризации древнерусской тематики в художественно-исторической литературе; в возвращении отдельных имен деятелей дореволюционной исторической науки в сферу советского «историографического пространства»³². Относительно темы русского политического объединения XIV–XV вв. был возрожден ряд установок и оценок «государственной школы», труды некоторых представителей которой в конце 1930-х гг. вновь стали издаваться.

Начиная со второй половины 1930-х гг., выходят первые советские монографические исследования по теме формирования Русского государства, сохранившие определенные черты дореволюционной историографии проблемы: видение государственного объединения как прогрессивного процесса³³, акцентированное внимание на деятельность московских князей, учет различных факторов объединения, приоритет теории и схематизм в реконструкции исторического явления. Отличительной чертой этих исследований являлась попытка представить социально-экономическую основу государственного объединения как раннебуржуазную. В XIV – начале XVI века исследователи искали процессы первоначального накопления торговых капиталов, тенденции роста общественного разделения труда, отделения ремесла от сельского хозяйства и развития товарно-денежных от-

³¹ Дубровский А.М. Историк и власть... С. 12, 80.

³² Там же. С. 12, 13; Гордина Е.Д. Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции отечественной истории в 1930-е – первой половине 1940-х годов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2012.

³³ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 277.

ношений³⁴, требовавших для себя с точки зрения советских историков адекватного государственного оформления в виде централизованного государства по примеру европейских национальных монархий позднего Средневековья и эпохи Возрождения³⁵.

Такой подход предлагал совершенно иное видение социальных факторов объединительного процесса, отличавшееся и от взглядов «государственной школы», и от взглядов М.Н. Покровского. Его главными «заинтересованными лицами» объявлялись теперь основные субъекты вновь зарождавшихся социально-экономических отношений эпохи объединения: купцы, городские ремесленники, дворянство. Если разделявший взгляды «школы Покровского» Никольский видел в церкви не только «инструмент», но и «союзника» Москвы и предпочитал говорить о церковной зависимости от князей в XIV–XV вв. не как о результате, а как о процессе, при этом отмечая идентичность социальной природы церкви и создающегося государства, то в работах конца 1930-х гг. церковь лишь скупно упоминалась как старая «помощница» и «прислужница» московских князей. В них духовенство – «осколок» старого феодального мира. Настоящие же «строители» русского единого государства принадлежали к иной ступени общественно-экономических отношений. Такие выводы были совершенно созвучны современному восприятию церкви в СССР. Поэтому оценки церковного участия в государственном строительстве в работах конца 1930–1940-х гг., по сути, сводились к навешиванию идеологических ярлыков в духе антицерковных пропагандистских кампаний того времени. Специфичность исследовательской ситуации, сложившейся вокруг вопроса об участии церкви в процессах государственного объединения и централизации, заключалась в том, что внешне его оценки нисколько не противоречили выводам родоначальников государственной школы, однако при этом имели другое аксиологическое наполнение и толкование.

³⁴ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Л.–М., 1939. С. 144; Базилевич К.В. Образование русского национального государства. М.: 7-я тип. Военного изд-ва им. Тимошенко, 1946. С. 5, 7.

³⁵ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 337.

Подход советских историков конца 1930–1940-х гг. к проблеме социально-экономической базы формирования единого и, как они считали, одновременно централизованного государства фактически выводил русскую православную церковь из числа сил, участвовавших в объединительном процессе, тем самым предлагая отрицательное решение этого вопроса на теоретическом уровне. Начало возвращения церковной тематики в число аспектов проблемы формирования единого централизованного государства было связано с двумя послевоенными дискуссиями по вопросам периодизации истории СССР, пересмотревшими формационные рамки многих исторических процессов, в том числе и образования Русского государства.

2.3. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ УЧАСТИЯ РПЦ В ПРОЦЕССЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XIV–XV СТОЛЕТИЙ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1950-Х – НАЧАЛА 1980-Х ГГ.

Дискуссии 1946 и 1951 гг., отодвинув начало формирования рынка и капиталистических отношений с XV–XVI столетий на более позднее время, изменили научные представления о социальной базе объединения русских земель. Новое поколение историков-медиевистов, шедшее в начале 1950-х гг. на смену С.В. Бахрушину и К.В. Базилевичу, во-первых, считало, что объединительный процесс протекал на феодальной основе, а во-вторых, что «феодальная экономика» не могла быть опорой государственного объединения³⁶. Эти новые теоретические установки переключали интерес исследователей с социально-экономических на социокультурные и идейно-мировоззренческие аспекты истории государственного строительства, повышенное внимание к которым вскрыла уже дискуссия 1960-х гг.

³⁶ Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 9; Он же. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР 1976. № 6. С. 84, 85; Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. №3; Он же. Россия на Рубеже XV–XVI вв. ... С. 22.

об идеологических движениях в период образования русского централизованного государства³⁷. Кроме того, новые взгляды возвращали феодальную церковь в лоно объединительного процесса, по сути, реанимируя оценки ее политической роли, сделанные еще Н.М. Покровским и проигнорированные довоенными историками.

На этом фоне отличительной особенностью исследований 1960–1970-х гг., посвященных вопросам русского государственного объединения и централизации, становится стремление поставить названные процессы во взаимосвязь с общественно-политической мыслью эпохи³⁸.

Изучение взаимозависимости общественных идей и различных социальных явлений периода объединения в качестве самостоятельной проблемы один из участников упомянутой дискуссии – Я.С. Лурье в 1960 г. отметил как новое веяние в отечественной историографии, заслуга разработки которого целиком и полностью принадлежит послевоенной советской исторической мысли³⁹. В этой связи раскрытие проблемы церковного участия в объединении русских земель в единое государство приобретает специфическое звучание. Ответ на этот вопрос начинает связываться с выяснением социальной специфики средневековой церкви и места церковной идеологии в идейной борьбе различных общественных сил эпохи.

Представляемая в подобном ключе проблема обнаруживала для советских историков ряд аспектов. Во-первых, возник вопрос о единстве средневековой церкви как социально-политического и идеологического института. При этом исследователи стали обращать внимание на социальные и идейные различия внутри духовного сословия (хотя

³⁷ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. М.: Наука, 1977. С. 36.

³⁸ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI веков. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 530 с.; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени М.: Мысль., 1972. 452 с.; Назаров В.Д., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии // Вопросы истории. 1976. № 4.

³⁹ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 36–37; Казакова Н.А. Проблемы русской общественной мысли конца XV – первой трети XVI в. в советской историографии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 107.

проблема соотношения классовых и внутриклассовых противоречий как факторов исторического развития поднималась еще в рамках дискуссий второй половины 1940-х – начала 1950-х гг.) и их значение в тех или иных социально-политических и экономических событиях и процессах⁴⁰.

Вторым аспектом стал вопрос о независимости духовенства как деятельного участника государственного объединения. Активное изучение материальной стороны жизни средневековой церкви и особенностей ее юрисдикции XIV–XVI вв., начавшееся с работ С.Б. Веселовского и Л.В.Черепнина, формировало в советской историографии 1960–1970-х гг. представление о ней как о самостоятельном субъекте социально-политических отношений эпохи объединения. Однако, если Сахаров считал, что ее подчинение государству в целом завершается к началу XVI века, то А.А. Зимин отмечал, что на рубеже XV–XVI столетий «...задача подчинения церкви великокняжеской власти еще не была решена»⁴¹. Вопрос о времени подчинения церкви государству был затронут в 1968–1971 гг. в рамках дискуссии о русском абсолютизме, отразившейся на страницах журнала «История СССР». Все ее участники в качестве одного из признаков абсолютизма «признали подчинение церкви государству»⁴², тем самым отодвигая это явление за верхние временные рамки объединительного процесса. В то же время рядом с этими оценками из работы в работу продолжал воспроизводиться тезис о церкви как «орудии» и «инструменте» в руках московских князей, логично вытекавший из принципа партий-

⁴⁰ Каждан А.П. Социальные группировки в составе византийского духовенства // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 195; Иванян Э.А. Социальная роль средневековой религиозной пропаганды // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 124; Муравьева Л.Л. Духовная культура Северо-Восточной Руси (XIV – первая половина XV века) // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 112.

⁴¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 239; Казакова Н.А. А.А. Зимин Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982 // Вопросы истории. 1983. № 12. С. 133.

⁴² Назаров В.Д., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Проблемы общественно-политической истории феодальной России; Сахаров А.М. Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1. С. 110–127.

ности и представлений о классовом характере формировавшегося государства.

Третьим аспектом была проблема роли и места церковной идеологии в этническом сознании эпохи. В 1960–1970-е гг. появился целый ряд работ атеистической направленности, раскрывавших этот вопрос в отрицательном ключе⁴³. В это время господствующей тенденцией было категорическое противопоставление официальной церковной культуры и народной, если употреблять термин М. М. Бахтина, «карнавальной традиции»⁴⁴, писавшего о «большой линии борьбы двух культур» и отмечавшего, что «все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны»⁴⁵.

Хотя книга М.М. Бахтина вышла через пять лет после известного труда Л.В. Черепнина о формировании централизованного Русского государства, последний совершенно в духе этой концепции решал вопрос о народном мировоззрении эпохи государственного объединения, рассматривая его как «чуждое церкви» и расцениваемое ею, в свою очередь, «как еретическое»⁴⁶. Сходных взглядов придерживался А.И. Клибанов, который при характеристике общественно-политических идеалов XV–XVI веков «ограничивался» кругом т.н. «отреченной литературы» (апокрифы и не церковная литература), «от которой господствующие верхи, прежде всего, церковные, оберегали рядового слушателя, читателя»⁴⁷.

Однако существовала и противоположная точка зрения. Один из крупнейших специалистов по истории XV в., сумевший в условиях брежневского партийного давления на историческую науку сохранить нестандартность мышления и оригинальность оценок, А.А. Зимин в

⁴³ Зоц В.А. Духовная культура и православие. М., 1974 С. 5–6; Шамаро А.А. Православие и русская культура: церковные притязания и историческая реальность. М., 1980. С. 19; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян. М., 1966. С. 40–41.

⁴⁴ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. С. 11, 483.

⁴⁵ Там же. С. 11, 483.

⁴⁶ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства... С.529.

⁴⁷ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 11, 20.

работах 1960–1970-х гг. не противопоставлял жестко церковную и народную культуры, считая религию, православное вероучение частью системы общественно-политического сознания средневековья. Особо он подчеркивал связь православной догматики и политических учений и взглядов эпохи, отмечая при этом, что «власть великого князя ограничивалась прочными традициями, коренившимися в патриархальности представлений о характере власти, которые имели к тому же религиозную санкцию»⁴⁸. Незнание этих взаимосвязей исследователь считал одной из существенных методологических проблем истории Древней Руси⁴⁹. В качестве важного шага на пути решения данного вопроса историк называл активное привлечение как исторического источника средневековой русской агиографии, отмечая отсутствие в научной среде профессионального подхода к ее анализу.

Все эти новые аспекты проблемы участия церкви в процессе формирования единого русского государства, выявленные исследователями, в 1960–1970-е гг. носили характер открытых вопросов, антиномий, по большей части лишь поставленных, но не решенных отечественной исторической мыслью. Сложное положение РПЦ в Советском Союзе в данный период, усиление партийного контроля над исторической наукой не способствовали активизации научного поиска в этих направлениях. Немногочисленные работы, посвященные объединительной идеологии, характеризовали ее через «суммарный подход», путем перечисления политических идей. При этом подчеркивался их по преимуществу светский характер⁵⁰. К тому же в большинстве подобных трудов внимание было сосредоточено на изучении «патримониально-теократических теорий», начало зарождения кото-

⁴⁸ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI вв. ... С. 242.

⁴⁹ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 434, 444; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени...

⁵⁰ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. (XI–XIV века). М.: Изд-во АН СССР, 1960; Гольдберг А.Л. Историко-политические идеи русской книжности XV–XVII веков // История СССР. 1975. № 4; Лурье Я.С. Идеологическая борьба...; Хорошкевич А.Л. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство в феодальной России: Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л.В. Черепнина М.: Наука, 1975. С. 114–124.

рых относили лишь к 70–80-м гг. XV века. Основной интерес исследователей был связан с раскрытием особенностей их развития в конце XV – первой трети XVI веков в «Изложении пасхалии...» Зосимы Бородатого, в «Послании о монаховом венце» Спиридона-Саввы, в «Повести о белом клобуке», в «Просветителе» Иосифа Волоцкого, в «Сказании о князьях Владимирских», в посланиях монаха Филофея и т.д. Историки делали акцент на атрибуции литературных памятников, их интерпретации, на отслеживании филиации содержащихся в них идей, применявшихся в идеологической борьбе конца XV – начала XVI вв. При этом изучаемые теории ими ни в коей мере не рассматривались как «церковные» и позиционировались скорее как элементы формирующейся идеологии уже объединенного государства, практически подчинившего себе церковь. Поэтому церковное происхождение и религиозное мировоззрение авторов этих концепций не являлось основанием для включения последних в состав сколько-нибудь самостоятельных политических воззрений «церковников»⁵¹. Естественно, не могли эти теории рассматриваться и как «инструменты» церковного влияния на процесс формирования Московского государства.

Нерешенность в советской науке 1960–1970-х гг. ряда теоретико-методологических вопросов, связанных с темой участия православной церкви в объединительном процессе, скоропостижная смерть А.М. Сахарова, а затем А.А. Зимина, пытавшихся выйти за рамки традиционных схем и оценок в изучении проблематики, сказались на дальнейшем освоении темы в первой половине – середине 1980-х гг., в поздней советской историографии, продолжавшей корректировать научные знания и выводы по проблеме аксиомами научного атеизма.

⁵¹ Чичуров И.С. К вопросу о формировании идеологии господствующего класса Древней Руси в конце XV–XVI вв. // Общество и государство в феодальной России... С. 125–132; Казакова Н.А. Проблемы русской общественной мысли...; Лурье Я.С. Идеологическая борьба...; Гольдберг А.Л. Историко-политические идеи...

2. 4. ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ XIV–XVI СТОЛЕТИЙ В ТРУДАХ АНАТОЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА САХАРОВА

Анатолий Михайлович Сахаров (1923–1978) – один из выдающихся ученых-историков советской эпохи оставил после себя огромное научное наследие. Более трехсот названий включает в себя библиографический список его работ⁵². Имя А.М. Сахарова упоминается в историографических обзорах многих современных докторских и кандидатских диссертаций, изучающих различные вопросы истории периода феодализма в России⁵³. Можно назвать и несколько специальных работ, посвященных его научному творчеству⁵⁴. Однако все они, как правило, носят обзорный характер и не касаются подробно отдельных направлений научной деятельности ученого. Недостаточно освещена историографами и разрабатывавшаяся А.М. Сахаровым тема взаимоотношений и взаимовлияния Русской православной церкви и государства в период объединения и централизации XIV–XVI вв. Между тем именно ему принадлежит заслуга введения этой темы в качестве самостоятельного сюжета в советскую историографию объединительного процесса. Сам по себе этот историографический факт заставляет более внимательно рассмотреть такие вопросы, как научная мотивация Сахарова как исследователя темы, теоретико-методологическая база ее решения, внутринаучные факторы, влиявшие на ее восприятие и подачу в работах ученого.

Основы теоретико-методологических взглядов А.М. Сахарова закладывались во второй половине 40-х – середине 50-х гг. XX в. В это

⁵² От редколлегии // А. М. Сахаров. Методология истории и историография (Статьи и выступления). М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 3.

⁵³ Шишкин И.Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV–XVI вв. (1917 – нач. XXI в.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 47 с.

⁵⁴ Памяти А. М. Сахарова // Вестник МГУ. Сер. «История». 1979. №1. С. 57–60; Краснобаев Б.И. Анатолий Михайлович Сахаров (1923–1978). Историографические заметки // История СССР. 1979. № 3. С. 113–129.

время он учится на историческом факультете МГУ, затем в 1953 г. защищает кандидатскую диссертацию, тема которой вписывалась в рамки крупнейшей проблемы периода феодализма – истории русского государственного объединения и централизации. В начале 1950-х гг. Сахаров начинает свою научно-преподавательскую деятельность в МГУ под руководством Л.В. Черепнина. С этого времени и до конца жизни тема государственного объединения становится центральной и даже сквозной в большинстве работ ученого, в том числе носящих, казалось бы, исключительно теоретический характер.

Огромное значение для формирования его методологических позиций имела дискуссия 1949–1951 гг. по вопросу о периодизации истории СССР, в том числе и феодального периода, впоследствии анализирувавшаяся Сахаровым как часть историографического процесса развития темы и одновременно переломный момент в этом развитии, выразившийся в смене научных концепций⁵⁵. Позднее, выясняя природу понятия «научно-исторической концепции», в ряде своих работ Сахаров придет к ее пониманию как важнейшей разновидности историографического факта и ступени в исследовательской практике по той или иной проблеме⁵⁶. Основным итогом дискуссии в его оценках, сделанных в 1950–1960-е гг., становится расширение проблематики при изучении процесса государственного объединения и централизации, переход большинства исследователей на новый этап в его понимании («концепция Л. В. Черепнина»)⁵⁷. Ключевым моментом этой концепции Сахаров считал признание за объединительным процессом сугубо феодальной природы, а следовательно, и феодального характера его ведущих сил и участников (такой характер признавался им за

⁵⁵ Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 79–80.

⁵⁶ Краснобаев Б.И. Анатолий Михайлович Сахаров... С. 117; Сахаров А.М. О некоторых вопросах историографических исследований // Вестник МГУ. Сер. «История». 1973. № 6. С. 22; Он же. О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3. С. 90–112.

⁵⁷ Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской... С. 81–82; Он же. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР. 1976. № 6. С. 86,88.

боярской аристократией и церковью). Развивая эту мысль в работах 1950–1960-х гг., ученый пришел к выводу, что главными факторами и условиями этого процесса нужно считать не кардинальные изменения социально-экономических отношений, и, прежде всего, способа производства (с точки зрения Сахарова, они остались принципиально теми же, что и в предыдущую эпоху, – феодальными), а эволюцию социально-политических связей. Это означает, что исследователь предлагал рассматривать объединение и централизацию прежде всего как политические явления⁵⁸.

Еще одним важным моментом в «концепции Черепнина» Сахаров считал вопрос о силах и участниках объединительного процесса⁵⁹. Именно этот аспект, начиная с опубликованной в 1959 г. монографии «Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.»⁶⁰, будет ведущим ориентиром во всех исследованиях Сахарова по данной большой теме.

Выше перечисленные особенности представлений о процессе создания единого государства стали, по сути, инвариантной частью подхода ученого, отразившейся на церковно-государственной проблематике⁶¹, первые специальные работы историка по которой датируются серединой 1960-х гг.

Рассматривая на базе такого методологического багажа ход изучения проблемы централизации в советской историографии, видя ее движение по пути от теоретизирования к конкретизации и расширению проблематики⁶², Сахаров пришел к выводу о недостаточной раз-

⁵⁸ Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии... С. 77, 79, 84–85; Он же. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М.: Высш. шк., 1969. С. 10–13, 23, 66, 67.

⁵⁹ Сахаров А.М. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель... С. 92.

⁶⁰ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1959. 238 с.

⁶¹ Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии...; Он же. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель... С. 88–89; Он же. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков...

⁶² Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии... С. 73; Он же. О предмете историографических ис-

работке ряда ее аспектов, в том числе и проблемы церковно-государственного взаимодействия в XIV–XVI вв.⁶³ Таким образом, включение этого сюжета в более масштабную тему в целом вписывалось в его представление об общем ходе ее развития в исторической литературе.

Признание за объединительным процессом феодального характера, выделение в качестве ведущего аспекта этой темы вопроса о его участниках целенаправленно вели ученого к выводу о решающей роли в политических событиях XIV–XVI вв. именно «феодальных институтов»: боярства и церкви. Показательно, что выход на данное положение был сделан Сахаровым на сугубо историографическом материале более широкой темы «Объединение и централизация». Историографический метод ее изучения присутствует уже в упомянутой работе 1959 г. и находит свое полное выражение в докторской диссертации, защищенной в 1972 году⁶⁴. Обоснование самостоятельности темы «Церковь и процесс государственного объединения» у Сахарова происходит чисто историографическим путем – через обращение к выводам, оценкам и другим историографическим фактам, присутствующим в работах далеких и близких (по времени и методу) предшественников, чаще всего лишь косвенно затрагивавших этот сюжет.

Не случайно раскрытие этой самостоятельной темы в работах Сахарова шло и дальше в историографическом ключе. Являясь фактически пионером в исследовании проблемы в соответствии со своими методологическими установками, он и видел себя на историографическом этапе ее освоения. Дело в том, что переход к конкретно-историческому изучению темы предполагал, с точки зрения исследователя, некоторую завершенность историографического анализа, а следовательно, выработку целостного методологического подхода к

следований. С. 108; Он же. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. ... С. 24.

⁶³ Сахаров А.М. Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс//Вопросы научного атеизма. 1976. № 20. С. 171.

⁶⁴ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (Из истории русской исторической науки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1972. 29 с.

проблеме⁶⁵. Кроме того, в одной из своих методологических работ Сахаров признавал вторичность в историографическом подходе источниковедческой практики, ставя ее в зависимость от содержательного наполнения соответствующей проблематики⁶⁶. Тем самым историк предполагал начинать изучение любой конкретной темы с историографического факта. Эта особенность и отразилась на рассмотрении им вопроса церковно-государственных отношений: в общем объеме привлекаемых для его раскрытия материалов преобладают исследования историков (монографии, статьи, рецензии и т.д.), а также те исторические источники, которые были введены ими в научный оборот⁶⁷.

Ключевыми выводами А.М. Сахарова в работах по церковно-государственной проблематике стали мысли о том, что церковь не всегда была «союзницей» княжеской власти в деле объединения и имела собственные политические интересы. С его точки зрения, участие церкви в государственном строительстве носило противоречивый характер. Эта противоречивость, названная Сахаровым диалектической, выводилась им не столько из признания «относительной независимости идеологической сферы», сколько из представления о церкви как о «крупнейшем феодале», чье политическое могущество основано на огромных земельных владениях. Другими словами, такая оценка вытекала из сахаровского положения о разноплановости имущественных (земельных) интересов церкви, желавшей, с одной стороны, усиления центральной власти, способной поддержать феодальные силы в стремлении к закрепощению крестьян, с другой – искавшей способы сохранения самостоятельности от набиравшего мощь

⁶⁵ Сахаров А.М. О предмете историографических исследований... С. 105, 112; Он же. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе... С. 1.

⁶⁶ Сахаров А.М. О предмете историографических исследований... С. 95, 109.

⁶⁷ Сахаров А.М. Церковь и образование русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 49–65; Он же. Церковь в период монголо-татарского ига и объединения русских земель в единое государство // Церковь в истории России (IX–1917 г.): критические очерки. М.: Наука, 1967. С. 61–79; Он же. Церковь и образование русского централизованного государства // Церковь в истории России (IX–1917 г.): критические очерки. М.: Наука, 1967. С. 79–92.

государственного влияния⁶⁸. Делая вывод о «сложных» союзных отношениях между церковью и государством, историк приходил к очень важному методологическому тезису: «...союз каких-либо сил предполагает их самостоятельное существование...», а феодальные участники объединительного процесса и государственная власть – это «...различные силы, равнодействующая между которыми определяет характер и ход внутренне противоречивого объединительного процесса»⁶⁹.

Рассматривая государственное объединение вслед за Л.В. Черепниным прежде всего как проявление классовой борьбы⁷⁰ и более конкретно в своем политическом выражении – как борьбы идеологической⁷¹, Сахаров обнаруживает в лице церкви самостоятельного ее участника, «равнодействующего» с другими ее «агентами». Все эти выводы можно обнаружить уже в работах историка 1960-х гг. В произведениях 1970-х гг. их содержание и формулировки почти не меняются⁷². Однако это не значит, что разработка данной проблемы была остановлена Сахаровым. Сделанные им в 1960-е гг. выводы относительно церковно-государственных отношений XIV–XVI вв. привели его к выделению нового аспекта темы: в поле зрения теперь попадают не только вопросы об основах, условиях и принципах церковно-государственного взаимодействия, но и более конкретная проблема идейного влияния церкви на объединительный процесс⁷³. Однако рас-

⁶⁸ Сахаров А.М. Некоторые вопросы истории СССР феодального периода // Преподавание истории в школе. 1963. № 3.

⁶⁹ Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии... С. 86; Он же. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. ... С. 37.

⁷⁰ Там же. С. 24; Он же. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии... С. 80; Он же. Изучение социально-экономической основы объединения... С. 86, 88.

⁷¹ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе... С. 1–2; Он же. Церковь в период монголо-татарского ига и объединения русских земель в единое государство... С. 62; Он же. Некоторые вопросы истории СССР феодального периода... С. 32.

⁷² Сахаров А.М. Изучение социально-экономической основы объединения...

⁷³ Он же. Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс...

крытие этого сюжета у исследователя не выходит за рамки общих положений и ранее сделанных выводов⁷⁴. Познавательные возможности историографического метода при освоении проблемы были на данный момент исчерпаны.

В своих методологических работах Сахаров не раз говорил о том, что формирование теоретико-методологического инструментария исследования той или иной темы в принципе предшествует ее конкретной исторической разработке⁷⁵. Семидесятые годы – время поиска ученым такого нового методологического инструментария, способного стимулировать исследование, в том числе и разбираемой проблематики. Определяющую роль в этом процессе сыграла разноплановость научных интересов историка, стремившегося охватить все аспекты большой темы объединения и централизации Российского государства. Одним из таких аспектов стала для него история средневековой культуры, ключевая роль в развитии которой также отводилась церкви⁷⁶. В итоге последняя оказалась на стыке двух крупных вопросов: политического и культурного развития эпохи централизации. Данная особенность была обнаружена еще в 1970-е гг. Б.И. Краснобаевым, отмечавшим, что Сахаров считал проблему взаимоотношений церкви и государства темой истории культуры⁷⁷. Эта занимавшая Сахарова в последние годы жизни проблема взаимопроникновения различных аспектов объединительного процесса и, прежде всего, влияния на них культурных факторов эпохи⁷⁸, нашла свое методологическое отражение в представлении об идеологической борьбе периода «государственного строительства» как форме культурной коммуникации различных самостоятельных социальных субъектов, структур и сред в рамках единого понятийно-категориального (миро-

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Краснобаев Б.И. Анатолий Михайлович Сахаров (1923–1978). Историографические заметки... С. 123.

⁷⁶ Сахаров А.М. Религия и церковь // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 2. Духовная культура. М., 1970. С. 49–77.

⁷⁷ Краснобаев Б.И. Указ. соч. С. 124.

⁷⁸ Сахаров А.М. Выступление на VI Советско-финском симпозиуме историков // Методология истории и историография. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 206.

воззренческого) пространства⁷⁹. К сожалению, в конкретном исследовании данную установку Сахаров воплотить не успел. Такая попытка была предпринята в МГУ только через восемь лет его последователем Н.С. Борисовым, принявшим многие теоретические установки и практические выводы ученого⁸⁰. И все же применить «модель «культурного диалога» при раскрытии особенностей идеологической борьбы между церковью и государством в период политического объединения автору в целом не удалось. Диалектическое единство в церковно-государственных отношениях, о котором писал Сахаров, было понято Борисовым только как логическое противоречие. В результате действия церкви и государства в процессе идеологической борьбы в работе нового исследователя были представлены как два самостоятельных монолога, в рамках которых один из «декламаторов» лишь делал вид, что воспринимает слова другого⁸¹.

Однако возможно ли было вообще применение концепции А.М. Сахарова на конкретном источниковом материале в 60–70-е гг. XX в.? И советские теоретико-методологические установки и, в частности, принципы советских классификаций письменных источников предлагали источниковедческое решение темы в ином ключе. Господствовавший метод группировки материалов по истории церкви, задававший им определенную структуру, с ярко выраженным «креном» в актовом материале, не только нивелировал целостность церковной организации, но и в целом не был рассчитан на представление вопроса церковного участия в государственном объединении XIV–XVI вв. как проблемы, лежащей в плоскости политической культуры и отражающей процессы культурно-политических коммуникаций рассматриваемой эпохи. При таком подходе не могло осуществляться комплексное привлечение источников, вышедших из церковной среды. В результате проблема единства религиозно-политической идео-

⁷⁹ Он же. О некоторых вопросах методологии истории культуры // Методология истории и историография. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 198, 200, 202.

⁸⁰ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XVI вв. ...

⁸¹ Кучкин В.А., Флоря Б.Н. О профессиональном уровне книг по истории русской церкви... С. 144–156.

логии как одного из ключевых каналов церковно-государственного взаимодействия просто выпадала из поля зрения исследователей, что и произошло в работе Н.С. Борисова⁸².

2.5. ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ РПЦ НА ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XIV–XV СТОЛЕТИЙ В ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (СЕРЕДИНА 1980-Х – НАЧАЛО 1990-Х ГГ.)

Определенный идеологический поворот в изучении проблемы отчетливо наметился в 1985–1986 гг. Санкция на него содержалась в докладе академика С.Л. Тихвинского, сделанном на годичном собрании отделения истории АН СССР 11 марта 1985 года. В этом выступлении, по сути, впервые в советской историографии на официальном уровне в качестве одного из основных направлений исторических исследований выделялся «критический анализ роли религий в прошлом»⁸³.

Уже на следующий год в развитии темы произошло несколько важных изменений. В марте 1986 г. была организована первая специальная научная конференция об исторической роли церкви: «Проблемы марксистской оценки роли православия в истории России». Ее организаторами стали Институт научного атеизма, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Отделение истории АН СССР, Институт истории АН СССР, правление Всесоюзного общества «Знание» и др. На конференции выступали как специалисты по атеистической пропаганде, так и профессиональные историки. В качестве одной из самостоятельных тем рассматривалась и «роль РПЦ в складывании Российского централизованного государства», анализу которой был посвящен доклад В.Д. Назарова⁸⁴. Снова был поднят вопрос о значе-

⁸² Гребенюк А.В. Письменные «церковные» источники конца XIV – начала XVI вв. в советских источниковедческих классификациях // Приволжский научный журнал. 2011. № 4. С. 221–225.

⁸³ Тихвинский С.Л. Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 4.

⁸⁴ Морозова Л.Е. Конференция о роли церкви в истории России // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 95.

нии агиографии как источника по общественно-политической истории XIV–XV вв.⁸⁵ Поздняя советская историография начинала придавать теме участия церкви в государственном строительстве самостоятельное звучание.

Отражением данного процесса стали специальные монографические исследования А.С. Хорошева и Н.С. Борисова⁸⁶, вышедшие в 1986 г. в издательстве МГУ. Данные работы, безусловно, стали событием в изучении вопроса. Вобрав в себя все ключевые особенности освещения проблематики в 1960–1970-гг., придав им выразительность, они одновременно отразили наметившиеся к этому времени ключевые теоретико-методологические проблемы в ее раскрытии.

Вся предшествующая советская историческая мысль исходила из представления о средневековой церкви как о социально-политическом, экономическом и идеологическом институте феодального общества. Такое понимание во многом акцентировало исследовательский интерес на определенных сторонах церковной жизни: на материально-экономическом состоянии духовенства, на особенностях феодального иммунитета различных социально-профессиональных групп в его составе и т.д.⁸⁷ Специальное изучение материальной базы церкви – «крупнейшего феодала» и особенностей церковной юрисдикции⁸⁸ в 1950–1970-е гг. поставили перед исследователями вопрос о степени экономической и политико-правовой незави-

⁸⁵ Там же. С. 96. До этого данный вопрос был затронут, например, в работе Муравьевой Л.Л. (Муравьева. Л.Л. Духовная культура Северо-Восточной Руси (XIV – первая половина XV вв.) // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 118).

⁸⁶ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986. 206 с.; Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. ...

⁸⁷ Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках. (по “житиям святых”). М.: Наука, 1966; Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М.: Наука, 1967. 392 с.

⁸⁸ См., например, Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси (Кормчие книги) в XI–XV веках: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975; Алексеев Ю.Г. Землевладение Переяславского уезда XV – начала XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИИ, 1964. С. 10–11; Зимин А.А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.

симости церкви в период государственного объединения. Вопрос этот, как правило, решался положительно. Одновременно исследователи, так или иначе занимавшиеся этой темой – Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, А.А. Зимин, А.М. Сахаров продолжали характеризовать церковь как «наиболее общую санкцию феодального строя», освящающую своей идеологией действия московских князей.

Другим вопросом, возникшим в этой связи, являлась проблема единства феодальной церковной организации XIV–XVI столетий. На теоретическом уровне он не был решен однозначно. Однако появление этого вопроса было вызвано не только направленностью исследовательского интереса, но и особенностями советского видения структуры источникового комплекса по древней истории церкви. Имевшийся тогда опыт кодификации церковных актов и их публикационная практика однозначно предполагали отказ от оценки церкви как единого экономического и социально-политического организма.

Данные тенденции в полной мере получили развитие в выше названных работах Н.С. Борисова и А.С. Хорошева⁸⁹.

В их исследованиях был сделан специальный акцент на свидетельствах независимости и социально-политической неоднородности «церковных сил» в XIV – начале XVI столетий. При этом основное внимание историков было сосредоточено на митрополичьей кафедре, которая выступала то союзником, то противником московских князей. Своеобразным барометром, показывающим позицию митрополитов, являлись для Н.С. Борисова княжеские земельные пожалования. Здесь исследователь опирался на вывод С.Б. Веселовского, сделанный им в работе «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.-Л., 1947) о взаимозависимости княжеских земельных дарений митрополичьей кафедре и степени активности церковно-политической поддержки тех или иных князей⁹⁰. Таким образом, в основу характеристики политических позиций «церковных сил» в его работе был по-

⁸⁹Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе...; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации...; Борисов Н.С. Московские князья и русские митрополиты // Вопросы истории. 1986. № 8.

⁹⁰Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 15–16.

ложен внешний признак. Само содержание политических убеждений «церковников», как правило, оставалось вне фокуса внимания исследователя.

Причину слабой изученности вопроса Борисов видел в состоянии источниковой базы⁹¹. Он, например, отмечал ее узость в известной работе А.Е. Преснякова, опиравшегося в основном на летописный и актовый материал⁹². При этом советский историк сам искал идеологию «церковников», как правило, на страницах летописей, созданных при кафедральных соборах и придворных московских монастырях, одновременно отмечая в них «стремление скрыть, затемнить» конфликты между княжеской властью и внутрицерковными группами⁹³. Явный дефицит информации о содержании церковно-политической идеологии в летописных материалах историк восполнял обращением к семантике памятников церковной архитектуры эпохи, исходя из установки о том, что «определенные религиозно-политические идеи могли выражать, прежде всего, сами архитектурные формы памятника»⁹⁴. При этом особое внимание Борисов обращал на заказчика строительства, которым, как правило, выступала великокняжеская власть. Те же в целом особенности присутствовали и в работе А.С. Хорошева.

Исследования очень скоро стали объектом историографической критики. Попытка осмыслить причины и характер теоретико-методологических «промахов» Борисова и Хорошева была сделана в совместной статье двух известных советских специалистов по истории средневековой церкви – В.А. Кучкина и Б.Н. Флори, являвшейся рецензией на указанные монографии. Статья дала начало короткой, но показательной дискуссии. Ее авторы, во-первых, выразили недоумение, почему в работах, позиционирующих церковь как самостоятельную социально-политическую силу, вся «церковно-политическая» идеология имеет характер, заранее заданный интересами пред-

⁹¹ Там же. С. 21.

⁹² Там же. С. 9.

⁹³ Там же. С. 21–23.

⁹⁴ Там же. С. 28.

ставителей светской княжеской власти⁹⁵? Во-вторых, с точки зрения рецензентов, в исследованиях так и остались не выясненными и особенностями политического «влияния специфических интересов церкви как ...института феодального общества»⁹⁶ и содержание самих этих интересов⁹⁷. Причину этих недостатков рецензенты объясняли противоречивостью теоретических установок авторов монографий: пониманием государственного объединения как процесса, развивавшегося исключительно в рамках межкняжеских отношений и определявшегося логикой их изменений в соответствии с политическими задачами княжеских домов⁹⁸. Такой подход неизбежно вел авторов монографий к противоположному начальным оценкам выводу: вся неоднородная и самостоятельная церковная идеология у историков оказывалась не более чем княжеским заказом, представляющим ответ на конкретную политическую ситуацию. Выход из этой теоретической «вилки» Кучкин и Флоря видели в пересмотре источникового рисунка работ по истории церковно-государственных отношений. С их точки зрения комплекс источников подобных исследований обязан учитывать критерий церковного и светского происхождения, входящих в него материалов. Однако этот принцип в работах указанных авторов их оппоненты и не обнаружили⁹⁹.

Вызвал возражения рецензентов и тезис Борисова о невозможности рассматривать РПЦ как единую силу в системе социально-политических отношений средневековой Руси¹⁰⁰.

Тон рецензии, ставившей под сомнение профессиональные качества авторов монографий, определил и тональность ответной реакции, сделавшей упор на «печальном состоянии нашей историографии»

⁹⁵ Кучкин В.А., Флоря Б.Н. О профессиональном уровне книг по истории русской церкви... С. 145.

⁹⁶ Там же. С. 145.

⁹⁷ Там же. С. 152.

⁹⁸ Там же. С. 145.

⁹⁹ Там же. С. 152.

¹⁰⁰ Там же. С. 155.

ческой критики»¹⁰¹. Однако за взаимными упреками скрывался реальный уровень теоретико-методологической разработки проблемы.

В свое время в докторской диссертации научный руководитель Н.С. Борисова А.М. Сахаров утверждал, что движение научной мысли – это, прежде всего, «движение понятий»¹⁰². Однако, как показала дискуссия, сам категориальный аппарат проблематики носил противоречивый характер. Такие термины, как «церковь», «духовенство», «канонизация» имели разное звучание и наполнялись разными смыслами в поздней советской историографии проблемы.

Указанные работы середины 1980-х гг., безусловно, были созданы с учетом всего предшествующего советского опыта исследования темы. Одновременно раскрыв наиболее слабые места теоретико-методологических оснований ее изучения, они, по сути, представили предельно возможные результаты в освоении проблематики в рамках советских исследовательских установок. Утверждение же Н.С. Борисова и А.С. Хорошева в ответной статье о том, что «плодотворное изучение проблемы возможно лишь при условии отказа от рассмотрения церкви XIV–XV вв. как чего-то единого, имеющего общую для всех звеньев политическую линию», все еще нуждалось в подтверждении в рамках источниковедческой практики конкретного исторического исследования. Их собственные труды показали, что раскрытие вопросов участия церкви в политических событиях эпохи объединения в подобном ключе имеет недостаточное информационное обеспечение и требует как минимум иной структуры источникового комплекса, учитывающей критерий происхождения исторических материалов. Именно на это указывали в своей рецензии В.А. Кучкин и Б.Н. Флоря¹⁰³.

Теоретические установки Борисова требовали рассмотрения источников по «фондообразователям»: монастырям, соборам, митропо-

¹⁰¹ Борисов Н.С., Хорошев А.С. По поводу одной рецензии // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 158.

¹⁰² Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе... С. 5.

¹⁰³ Кучкин В.А., Флоря Б.Н. О профессиональном уровне книг... С. 152.

личьей кафедре, епископату, так как именно эти группы он выделял в составе церковных сил. Однако этого как раз и не было сделано в его работе. Хотя данная источниковедческая установка уже использовалась при изучении материальной базы церкви советскими исследователями Веселовским, Черепниним и др. Но едва ли ее практическая реализация была возможна при изучении религиозно-политических взглядов «различных отрядов церковных сил». Тем более что значительное количество политических идей духовенства содержалось в житийных и литургических текстах, имевших значение не только общецерковного, но общехристианского достояния. Не случайно поэтому работа Н.С. Борисова отличалась явным недостатком внимания к древнерусской агиографии, содержащей очевидные церковно-политические смыслы и образы и часто менее явные свидетельства политического заказа.

Начавшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» в 1988–1989 гг. дискуссия по проблеме участия РПЦ в процессе формирования единого русского государства не нашла отклика среди других историков и не повлияла на дальнейшее развитие темы в советской историографии. После работ Н.С. Борисова и А.С. Хорошева во второй половине 1980-х гг. специальных исследований этого вопроса не проводилось.

Большинство публикаций этого времени, затрагивавших данную проблематику, останавливалось на таких ее аспектах, как степень самостоятельности церкви в указанный период, значение церковно-политической идеологии и православной системы ценностей для развития общественного осознания эпохи объединения.

Так, в работах конца 1980-х гг. часто указывалось на христианство как на одну из основ феодального государственного строительства¹⁰⁴. В работе ленинградского ученого Р.Г. Скрынникова, вышедшей в 1990 г. – «Святители и власти (XI–XVII вв.)», значение церкви определялось в том числе и тем, «что она объединила народ единой ве-

¹⁰⁴ Красников Н.П. Русское православие, государство и культура (исторический аспект). М., 1989. С. 19.

рой», а «церковные деятели приняли выдающееся участие в составлении летописных сводов, житий и сказаний, оказавших глубокое влияние на развитие духовной культуры Руси в целом», «нравственной и духовной жизни общества»¹⁰⁵.

В книге «Государь всея Руси (Об Иване III)», опубликованной в 1991 г. известный ленинградский историк, ученик И.И. Смирнова и В.В. Мавродина, специалист по социально-экономической и общественно-политической истории Русских земель XIV–XVI вв. Ю.Г. Алексеев обращал внимание на стремление великих князей найти опору в «основной массе населения» русских земель, поддержку в общественном мнении, что, с его точки зрения, являлось «одной из составляющих» централизаторской политики Московской великокняжеской власти¹⁰⁶. Он также выделял как один из важных факторов, способствовавших «вовлечению в состав государства Московского» других земель и княжеств, «православное вероисповедание их жителей»¹⁰⁷, «православное мировоззрение – ту глубинную основу, к которой апеллировала Москва»¹⁰⁸.

Однако эти выводы советских историков, сделанные в изданиях конца 1980-х – начала 1990-х гг., во-первых, уже звучали в исследованиях того же А.А. Зимина, хотя значительная часть его работ, в которых они содержались, была опубликована в СССР уже намного позже его смерти, в 1980-е и даже 1990-е гг. А во-вторых, эти установки, в случае их использования при изучении проблемы участия РПЦ в государственном строительстве XIV–XV вв. все еще требовали своего раскрытия на конкретном историческом материале.

Идея относительной независимости РПЦ в XIV–XV веках от княжеской власти высказывалась Н.Я. Шаповым, который связывал такое положение церкви с ролью Золотой Орды, обладавшей санкцией верховной власти по отношению к русским князьям: «русские иерархи получили возможность отстаивать свои интересы в Орде неза-

¹⁰⁵Скрынников Р.Г. Святители и власти (XI–XVII вв.). Л., 1990. С. 3.

¹⁰⁶Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси (Об Иване III). Новосибирск, 1991. С. 84.

¹⁰⁷Там же. С. 47.

¹⁰⁸Там же. С. 47.

висимо от княжеской власти, что сделало их активными участниками политической борьбы на Руси в XIV–XV веках», «связанной с процессом формирования нового крупного государства в Северо-Восточной Руси»¹⁰⁹.

В уже упомянутой работе Р.Г. Скрынникова также указывалось на «известную независимость» церкви «по отношению к светской власти»¹¹⁰, что, в свою очередь, было связано с церковной политикой Золотой Орды¹¹¹.

Однако подобные выводы также были высказаны советскими историками еще в 1960–1970-е гг. Их появление тогда в работах А.М. Сахарова и А.А. Зимина было следствием конкретно-исторического изучения вопросов юрисдикции и материальной базы средневековой русской церкви и выглядело новаторским и даже смелым. Повторение этих оценок в работах конца 1980-х гг. являлось скорее реакцией на известный поворот церковно-государственных отношений эпохи перестройки и не вносило новизны в рассмотрение вопроса. Не случайно, например, поэтому вышедший в 1989 г. сборник статей «Русское православие: вехи истории», вопросы церковно-государственных отношений XIV–XV вв. «закрывал» статьей исследователей 1960–1970-х гг. – А.М. Сахарова, А.А. Зимина¹¹², писавших в ней о том, что «церковь стала активным и влиятельным участником политической борьбы, развернувшейся в XIV–XV веках» и отмечавших отношения борьбы между ней и великокняжеской властью, которые в дальнейшем «продолжали углубляться»¹¹³, так что РПЦ «отнюдь не занимала позиции безоговорочной поддержки объединения русских земель»¹¹⁴.

¹⁰⁹ Щапов Я.Н. Церковь в Древней Руси // Русское православие: вехи истории: Сб. ст. М., 1989. С. 69, 70.

¹¹⁰ Скрынников Р.Г. Святители и власти... С. 28.

¹¹¹ Там же. С. 34.

¹¹² Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XV вв.) // Русское православие: вехи истории: Сб. ст. М., 1989.

¹¹³ Там же. С. 82.

¹¹⁴ Там же. С. 84.

Таким образом, работы конца 1980-х гг. не ставили себе целью специальное изучение церковно-государственных и церковно-общественных отношений XIV–XV вв. Их обращение к данной проблематике носило скорее обзорный характер и не разрешало поставленных в предыдущие десятилетия историографией проблемы спорных вопросов.

Представленные в работе зарисовки процесса освоения отечественной исторической мыслью проблемы участия церкви в русском объединительном процессе XIV–XV вв. позволили, на наш взгляд, выявить наименее разработанные и наиболее спорные аспекты данной темы. Попытке продвинуться по пути раскрытия некоторых из них посвящена следующая глава.

Глава 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КОНЦЕ XIV – НАЧАЛЕ XVI СТОЛЕТИЙ

3.1. ЖИТИЯ СВЯТЫХ КНЯЗЕЙ И КНЯЖЕСКИЕ ДОГОВОРНЫЕ ГРАМОТЫ XIV – НАЧАЛА XVI ВВ.: ОБРАЗЫ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Важнейшим элементом государственного объединения XIV–XVI вв. является процесс формирования особой структуры княжеской власти – трансформация системы ее субъектно-объектных связей в политической сфере Северо-Восточной Руси данной эпохи. Особенности этих взаимосвязей, их изменения определяли сущностные характеристики устройства нового Московского государства. Несомненно, важным фактором этих изменений было идейное влияние православного духовенства, формировавшего в это время собственный взгляд на княжескую власть. Вопрос о путях и итогах такого влияния давно разрабатывается в отечественной историографии¹. Однако его изучение далеко не носит исчерпывающий характер. Например, в научной литературе по данному вопросу едва ли можно считать разрешенной проблему взаимосвязи содержания церковных и светских политических представлений об институте княжеской власти эпохи. На наш взгляд, их сопоставление наталкивается, прежде всего, на трудности источниковедческого характера.

¹ Сокольский В.В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI вв. (Исследование по памятникам древнерусской письменности конца XV и первой половины XVI вв.). Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1902; Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Т. 1 в 2-х ч. Киев, 1904.

В наиболее полном и целостном виде институт высшей светской власти, с учетом задачи такого сопоставления, отражен, с одной стороны, в древнерусских княжеских житиях XIV–XV вв. и межкняжеских актах – договорных грамотах эпохи – с другой². Эти источники относятся к разным видам, имеют разную структуру, происхождение, назначение, содержание, лексический строй, историю изучения. Однако оба они содержат развернутый образ княжеской власти периода объединения и являются продуктом деятельности, хотя и разных, но непосредственно участвовавших в государственном строительстве политических сил. Уже эти обстоятельства требуют их сравнения, что необходимо для продвижения в изучении заявленной проблемы.

Безусловно, объект исследования во многом определяет методику своего изучения. Но возможно ли использование сходных приемов при анализе объекта в данной исследовательской ситуации, когда в качестве такового выступает институт княжеской власти определенного периода, отраженный в разных видах источников? Существует ли нечто общее в самой подаче образа княжеской власти в этих разных по ряду ключевых параметров материалах?

Здесь представлена попытка обнаружить и обосновать сходства и различия в отображении двумя разными видами источников одного и того же объекта – института княжеской власти эпохи государственного строительства XIV – начала XVI вв.

Сравнительный анализ сходных объектов предполагает выявление их структуры, сопоставление элементов, из которых они состоят. Кроме того, в контексте исторического исследования он требует выяснения особенностей исторических источников, содержащих такие объекты и влияющих на характер их раскрытия и подачи. Относительно последнего аспекта можно высказать несколько соображений.

Во-первых, расцвет и бытование обоих видов источников приходится на время государственного объединения³, а раскрываемый в

² Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. С. 7.

³ Жданова Т.В. Статус князей в русском общественно-историческом сознании IX–XV вв. (по материалам погребальной практики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 10, 22; Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Собр. соч.

них центральный объект – великокняжеская власть в той или иной степени отражает реалии данной эпохи⁴. Это, прежде всего, касается системы духовных ценностей. Если в княжеских договорах присутствует определенная этическая составляющая, то в житиях святых князей нравственно-этический аспект является ведущим. Тем не менее в обоих случаях он представлен одними и теми же этическими православными категориями: правды, любви, добра. И, безусловно, с этой точки зрения жития, как и акты, выступают в качестве источника, имеющего явно нормативное содержание⁵. Это объясняет, почему многими исследователями они характеризуются как «агиографические документы»⁶.

Во-вторых, как известно, метод изучения актов – дипломатический анализ – предполагает выделение в определенной группе документов повторяющихся элементов и создание на этой основе их типического формуляра – образцового для данной группы⁷. Такой условный акт, конечно, будет содержать образцовую же для этой группы модель отображаемой сделки, социально-экономического или политического института и т.д. Таким образом, создаваемый абстрактный формуляр – наиболее общая схема построения определенного корпуса документальных источников, состоящая из ряда структурных элементов – клаузул – и соответствующих композиционных («протокольных») частей⁸.

в 12 т. Т. 8 / Сост., прим. С.С. Бычков. М.: Мартис, 2000. С. 62; Дмитриев Л.А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. С. 209.

⁴ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 20, 21; Грихин В.А. Древнерусские княжеские жития // Русская речь. 1980. № 2. С. 110; Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. С. 155.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: «Северная звезда», 2007. С. 37.

⁶ Гжибовская О.В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 15.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 134; Каштанов С.М. Указ. соч. С. 10.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 143; Каштанов С.М. Указ. соч. С. 9, 26, 27.

Сама возможность создания типического обобщающего формуляра и анализа с его помощью конкретных источников предполагает такие качественные характеристики последних, как наличие в определенной комбинации готовых лексических формул, их повторяемость, присутствие шаблонов, клише.

Но такие черты обнаруживают и исследователи, в чье поле зрения попадает средневековая агиографическая литература. Так, клише, «общие места» в древнерусской агиографии отмечал еще автор первого специального исследования, посвященного княжеским житиям – Н.И. Серебрянский (1915)⁹. Подвергали эти особенности критике В.О. Ключевский и Е.Е. Голубинский¹⁰. Данная специфика средневековых житийных текстов в какой-то степени определила тематическую и методологическую ограниченность их использования в исторических исследованиях¹¹, во многом задавала направленность их изучения, где очевидно преобладал исследовательский интерес литератора, филологическая критика¹².

При этом нужно отметить, что в последней также особое внимание уделено заданной «этикетности» художественных средств и образов в житиях, их шаблонности¹³. Говоря об «этикетности», «формуль-

⁹ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М.: ИОИДР, 1915; Кусков В.В. Древнерусские княжеские жития. М.: Круг, 2001. С. 8.

¹⁰ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.1. Ч.1. С. XII–XVI; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 50, 64, 358; Гжибоская О.В. Указ. соч. С. 12, 22.

¹¹ Гуров С.И. Русская историография XIX – начала XX вв. о житиях святых как историческом источнике // История мысли: историография. М.: «Вузовская книга», 2002. С. 100–106, 107; Клосс Б.М. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков // Избранные труды. Т. II. М.: «Языки русской культуры», 2001. С. 9.

¹² Гжибовская О.В. Указ. соч. С. 5, 24–25.

¹³ Иванова М.В. Древнерусская агиография конца XIV–XV вв. как источник по истории русского литературного языка: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 1998. С. 10–36; Колесов В.В. Древнерусский святой // ТОДРЛ. Т. XLVIII. СПб.: Изд-во «Дмитрий Булганин», 1993. С. 96; Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. Т. XX. Л.: Наука, 1964. С. 29; Адрианова-Перетц В.П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ. Т. XX. Л.: Наука, 1964. С. 44; Кусков В.В. Указ. соч. С. 22.

ности» агиографических текстов, филологи имеют в виду повторяющиеся речевые обороты, устойчивые словосочетания, «сходные описания сходных ситуаций». В их исследованиях эта особенность определяется как «литературный этикет»¹⁴ и отмечается, что повторяемость устойчивых житийных «формул» носит системный характер и слагается в «стереотипную схему последовательного действия»¹⁵, «определенную каноническую схему, обязательную для каждого жития святого»¹⁶. Выделяемые исследователями «формальные принципы построения жития» неизбежно привели лингвистов к постановке вопроса о создании универсальной формы средневекового агиографического произведения¹⁷ и, как следствие, универсальной устойчивой обобщающей модели святого древнерусской житийной литературы¹⁸.

Таким образом, договорные княжеские грамоты XIV – начала XVI вв. точно также, как и древнерусские жития имеют сходную черту – оба вида источников предполагают возможность построения формализованного условно-типического образцового текста, а следовательно, и применения приемов моделирования к отображаемым в них объектам¹⁹. Речь идет о формализованных образах русского князя XIV–XV вв., представленных в разных видах источников.

В-третьих, для их сравнения необходимо понять, из каких базовых элементов состоят эти модели? Для ответа на этот вопрос, в свою очередь, нужно выяснить, что вообще возможно рассматривать в качестве инвариантной единицы «нарратива» в этих группах материалов? Отвечая на этот вопрос, мы будем исходить из положения, выдвинутого в свое время Д.С. Лихачевым: структура произведения

¹⁴ Рудомазина Т.Б. Летописные повествования о княжеской смерти: жанрово-стилевой анализ: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Елец, 2007. С. 7.

¹⁵ Творогов О.В. Указ. соч. С. 30.

¹⁶ Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 208, 209.

¹⁷ Творогов О.В. Указ. соч. С. 40.

¹⁸ Завальников В.П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии. (Проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Омск, 2003. С. 3, 8.

¹⁹ Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. С. 125–126; Каштанов С.М. Указ. соч. С. 13–14.

средневековой русской литературы во многом задается предметом произведения²⁰.

Необходимо также напомнить, что еще исследования 1960–1970-х гг. XX века в области структурной лингвистики показали: текст можно рассматривать как «систему разных уровней функционирования языка»²¹.

На «низовом» морфологическом уровне текстов такой группы источников, как «княжеские жития» в качестве инвариантной структурной единицы исследователи называют глаголы²², т.к. основной прием характеристики героя в них – перечисление действий последнего. Такая особенность, с точки зрения Д.С. Лихачева, была вообще присуща произведениям конца XIV–XV вв. Он писал об этом: «Язык церковной литературы должен быть языком приподнятым и, в известной степени, абстрактным...»; его отличало «...стремление найти общее, абсолютное и вечное в частном...»; «...сходство внешнего облика не интересует автора – его интересует сходство действий, смысла этих действий...»²³. Таким образом, героя жития представляют его поступки, а не черты характера, т.к. в литературе этого времени просто отсутствует такая черта, как психологизм²⁴.

Поступок героя жития – следующий базовый элемент, уже не морфологический, а семантический. Более сложный структурно, он включает в себя действующих лиц (условно говоря «агента» и «контрагента»)²⁵. Именно эту семантическую единицу житийных тек-

²⁰ Творогов О.В. Указ. соч. С. 30; Рудомазина Т.Б. Указ. соч. С. 7.

²¹ Уорнер Э.Э. Указ. соч. С. 38, 54; Рогожникова Т.П. Язык житийных текстов конца XV – середины XVI вв.: на материале Макарьевского цикла: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. СПб., 2003. С. 59–60.

²² Творогов О.В. Указ. соч.; Уварова И.Ю. Лексическая структура княжеского жития (на примере Сказания о Борисе и Глебе в Синодальной редакции) // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 279–283.

²³ Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. (Конец XIV – начало XV вв.). М.–Л., 1962. С. 60, 69.

²⁴ Грихин В.А. Указ. соч. С. 108.

²⁵ Уорнер Э.Э. Указ. соч. С. 35, 38, 59; Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема семиотического указателя мотивов и сюжетов // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Вып. 635. Тарту, 1983. С.116, 118.

стов рассматривали в качестве ключевой большинство советских и современных филологов и лингвистов, когда обращались к структурному анализу произведений древнерусской агиографии²⁶. Д.С. Лихачев называл эти повторяющиеся из жития в житие семантические инвариантные структуры «стереотипными ситуациями», О.В. Творогов – «ситуативными формулами», Л.А. Дмитриев – «сюжетными ситуациями»²⁷.

Исследователи отмечали, что в древнерусских житиях поведение главного действующего лица в отношении того или иного персонажа как бы порождало ряд «ситуаций», характеризующих, прежде всего, с той или иной стороны его самого²⁸. Тем самым создавался эффект – «герой и резонирующая среда». Шаблонность таких ситуаций формировала определенную «ситуативную» модель. В ней действующие лица были «атрибутами» основного героя и через взаимодействие с ними происходило «развертывание признаков его индивидуального статуса»²⁹. Здесь набор «контрагентов» строго задан именем основного персонажа. В «формульном» тексте «княжеского жития» XIV–XV вв. таким персонажем являлся не князь как конкретный человек (даже если называлось его имя), а князь как представитель определенной социально-политической группы³⁰. Он – именно «статус», и все его поступки носят «статусный», «церемониальный» характер, не имея под собой психологического обоснования³¹. Иными словами, главный герой древнерусского княжеского жития – это система «ситуативных формул», переходящий из текста в текст «семантический код», все элементы которого постоянны. Ими являются персонажи, с

²⁶ Пауткин А.А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI века. М., 1989. С. 232–233; Андреева Е.А. Поэтика и жанровое своеобразие древнерусских произведений о Михаиле Ярославиче Тверском: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2011. С. 12.

²⁷ Творогов О.В. Указ. соч. С. 30, 31–32; Прохазка Е.А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Т. XLII. Л.: Наука, 1989. С. 229, 239; Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 242.

²⁸ Андреева Е.А. Указ. соч. С. 12, 13; Уорнер Э.Э. Указ. соч. С. 38, 45, 54.

²⁹ Уорнер Э.Э. Указ. соч. С. 57.

³⁰ Пауткин А.А. Указ. соч. С. 243; Рудомазина Т.Б. Указ. соч. С. 7.

³¹ Рудомазина Т.Б. Указ. соч. С. 7.

которыми взаимодействует князь, выполняя по отношению к ним одни и те же «семантические роли».

Обращаясь к структуре другого источника, подлежащего сравнению – княжеским договорам, необходимо, прежде всего, отметить, что наиболее устойчивыми элементами средневековых актов формуляров, как правило, называют клаузулы, под которыми понимают статьи договора, выражающие конкретные условия сделки. Грамматически клаузула условного акта представляет собой формулу – штамп, устойчивое выражение или их совокупность. Семантически клаузула – отдельная законченная мысль, отражающая конкретный момент юридической сделки³². В своей совокупности типические клаузулы, составляющие формуляр акта, раскрывают систему отношений участников договора – правовых субъектов, по отдельности же – показывают конкретную сторону и определенное условие такого взаимодействия³³. При этом отношения участников договора предстают именно как система взаимных действий (сам термин «акт» восходит к глаголу «аго» («действую»))³⁴. Эти общие особенности актового средневекового материала, конечно, характерны и для всех княжеских договоров XIV – начала XVI вв., где князь – центральный персонаж (только он обозначен местоимением «я»), показан как совокупность действий, осуществляемых в различных направлениях и сферах политических отношений. Каждая из этих сфер имеет адресный характер и персонифицирована, т.е. представляет собой как бы «контрагента» князя (определяемого в третьем лице). Взаимодействие с каждым из них характеризует определенную сферу княжеского суверенитета, поэтому набор этих «контрагентов» относительно стабилен.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что типические образы власти эпохи государственного объединения, представленные как в межкняжеских договорах, так и в княжеских житиях

³² Каштанов С.М. Указ. соч. С. 28–29, 45; Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики... С. 134, 143.

³³ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 10, 32.

³⁴ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 8, 38, 42.

этого времени имеют сходную «природу», т.е. построены по одним и тем же принципам, с использованием одних и тех же композиционных приемов.

Являлись ли идентичными по структуре и содержанию эти модели в данных двух видах источников? Для ответа на этот вопрос необходимо выявить постоянных персонажей княжеских житий и субъектов политики, неизменно присутствующих в княжеских договорах, через взаимодействие с которыми и раскрывают названные группы материалов образ князя XIV–XV столетий.

Для решения представленной задачи в данной работе привлекаются краткие (проложные) княжеские жития XIV–XV вв., опубликованные Н.И. Серебрянским, а также ряд летописных повестей и сказаний этого времени, чья типологическая близость с житиями выявлена в работах Н.И. Серебрянского, Г.П. Федотова, В.А. Кучкина, Б.М. Клосса, В.В. Кускова и других исследователей, обнаруживавших в этих произведениях те или иные аспекты житийного канона, что давало им право рассматривать их в едином корпусе агиографических материалов³⁵.

С другой стороны, используется комплекс княжеских грамот и договоров, содержащихся в известных изданиях: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. – М.–Л., 1950; Памятники русского права / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. – Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. – М.: Госюриздат, 1955.

Политические договора XIV–XV вв. раскрывают структуру княжеского суверенитета. Как пишет В.Д. Назаров: «Понятие суверенитета той эпохи конкретно и характеризуется рядом дополняющих

³⁵ Адрианова-Перетц В.П. Указ. соч. С. 45; Артамонов Ю.А. Княжеская власть и русская агиография XI–XII вв. (история создания агиографических сочинений Киево-печерской традиции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 3; Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 287; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 131, 170 201, 220, 224; Клосс Б.М. Указ. соч. С. 333, Кусков В.В. Указ. соч. С.18, 387; Федотов Г.П. Указ. соч. С. 74.

друг друга признаков, каждый из которых фиксирует особую область в реализации прерогатив суверена»³⁶.

Конкретизируя эту мысль, необходимо отметить, что, во-первых, в договорных грамотах особое внимание обращается на право того или иного князя на самостоятельное взаимодействие с другими государствами, прежде всего, с Ордой и Литвой. Московские правители вели наступление, в первую очередь, на эту сферу суверенитета князей, т.к. превращение их в «служебных» так или иначе сопрягалось с ордынской санкцией, доступ к которой последним и нужно было ограничить. Этому способствовал начавшийся с середины 70-х гг. XIV века пересмотр отношений московских князей с Ордой, отразившийся уже в завещании Дмитрия Донского. К 30-м гг. XV века формула: «А Орда управляти и знати мне, великому князю. А тебе Орды не знати...», или «А Орда знати тебе, великому князю, а мне Орды не знати...»³⁷ постоянно фигурирует в договорах между великим князем Московским и удельными «подмосковными» князьями.

Во-вторых, документы показывают право князя вести самостоятельные военные действия или, наоборот, его обязанность участвовать в военной политике другого князя, чем, прежде всего, и характеризовались межкняжеские отношения различных уровней. Договора в рамках этой сферы предполагали, как правило, единство военных мер против общего врага. В равноправных соглашениях положение о ведении совместных военных действий имело значение добровольной взаимной помощи во время обороны. Наступательные же акции каждая из сторон должна была осуществлять самостоятельно. Иначе обстояло дело с удельными князьями, заключавшими договор, например, с Московским великим князем в 30–40-е гг. XV века. Они соглашались с тем, что если последнему нужно «будет всести на конь на своего недруга», то им необходимо будет «всести на конь» с ним вме-

³⁶ Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 178.

³⁷ Памятники русского права / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. М.: Госюриздат, 1955.

сте или послать «свои дети, своими бояры и слугами» «без ослушанья»³⁸.

В-третьих, в договорах фиксировалось право князя на получение дани с подвластного населения, право суда над ним и «установления вассально-сюзеренных связей с его элитными слоями»³⁹.

Как правило, этот аспект не оговаривался в договорах, в которых князья выступали равносильными сторонами, так как, видимо, считался чем-то само собой разумеющимся.

Некоторые из политических сторон, с которыми взаимодействует князь в актовых документах, можно обнаружить и в княжеских житиях эпохи. Так, в ряде произведений отношение князя к подвластному населению, «людям» является одним из обязательных направлений в раскрытии княжеского литературного образа.

В «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго» обязанностью «христоролюбиваго великого князя» являлось «еже о людях попечение много» иметь. Выполняя ее, князь подобно «великому Иову, словно отец был людям, око слепым, ... хромым опора, образец всем»⁴⁰.

В «Слове похвальном...» инока Фомы тверской князь Борис Александрович показан как «истинный попечитель и пастырь» населения княжества⁴¹.

Та же «ситуация» представлена в проложной редакции «Жития святого князя Владимира», который был «людям – заступник, сиро-

³⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.–Л., 1950. С. 270; ПРП. Вып. 3. С. 64, 70, 81, 104.

³⁹ Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 178; Кучкин В.А. Судебник 1497 года и договорные грамоты московских князей XIV–XV веков // Отечественная история. 2000. № 1. С. 102, 105.

⁴⁰ Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // Памятники литературы Древней Руси XIV – середины XV веков. М., 1981. С. 213.

⁴¹ Смиренного инока Фомы слово похвальное о Благоверном великом князе Борисе Александровиче... // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 303.

там – помощник, нищим и вдовам – печальник и кормитель»⁴². Те же эпитеты приводят по отношению к Михаилу Черниговскому и Федору Ярославскому авторы их проложных житий. В них князь также отличается «кротостию и милостию к убогим», предстает как «отец сиротам, кормитель вдовам», «заступник и оборонитель сиротам и вдовам»⁴³.

Таким образом, власть князя в представлениях духовенства должна была проявляться, прежде всего, в «разумной социальной политике», в обеспечении определенной социальной защиты населения, которая бы приводила к тому, что «его княжество становилось бы «всеми благими кипящу», «преисполнены были бы люди земля его веселиа и богатства»»⁴⁴.

Еще одной стороной житийного образа «православного государя» был вопрос об отношении княжеской власти к иноземному господству. Раскрытие ее становилось основным показателем православного характера светской власти⁴⁵.

Данный аспект – отношение к господству Орды освещается, прежде всего, в тех агиографических произведениях, которые были написаны в стиле «воинских повестей» и т.н. «княжеских мученических житий»⁴⁶.

В летописном «Сказании о благоверном князе Довмонте и храбрости его» отношение князя к иноземным вторжениям выражено при-

⁴² Краткая проложная редакция Жития благоверного князя Владимира // Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития... С. 16.

⁴³ Краткая проложная (ростовская) редакция Сказания о Благоверном князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре // Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 50; Краткая проложная редакция Жития Благоверного князя Федора Ярославского // Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 90, 92.

⁴⁴ Цит. по Кучкин В.А., Флоря Б.Н. Представления о княжеской власти в Северо-Восточных русских княжествах в XIV–XV веках // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «от Рима к Третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.). М., 1995. С. 193.

⁴⁵ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 263.

⁴⁶ Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 288; Федотов Г.П. Указ. соч. С. 63; Гжибовская О.В. Указ. соч. С. 15; Клосс Б.М. Указ. соч. С. 175; Кусков В.В. Указ. соч. С. 8, 15, 22.

зывом: «Постоим за святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!»⁴⁷.

В рассказе о жизни тверского князя Александра Михайловича, представленном в «Предисловии» к «Летописцу Тверского княжества», этот великий князь, погибший в Орде, выступает как «заступник христиан, противник безбожных татар»⁴⁸.

В летописной «Повести о Куликовской битве» великий князь Дмитрий Иванович идет на Мамаю, «... хотя боронити своя отчины и за святые церкви и за православную веру христианскую...»⁴⁹.

В «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича...» отношение князя к ордынскому господству выражено в словах: «Должно нам, братия, сложить головы свои за правую веру христианскую»⁵⁰.

В «Слове похвальном...» инока Фомы тверской князь Борис Александрович желает «...поборником стать за отеческую веру...», «ратовать за христианскую веру ...» против татар⁵¹.

В краткой редакции «Задонщины» великий князь Дмитрий Донской, идя на борьбу с Мамаем, сражается «за веру христианскую»⁵².

Другой чертой, характеризующей отношение светской власти к Орде, была идея принесения себя в жертву князем для того, чтобы предотвратить репрессии в отношении населения собственного княжества со стороны завоевателей.

В «Повести об убиении в Орде великого князя Михаила Ярославича Тверского» герой поступает именно таким способом⁵³.

⁴⁷ Сказание о благоверном князе Довмонте и храбрости его // ПЛДР XIV – середины XV веков. С. 53.

⁴⁸ Тверская летопись // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 466.

⁴⁹ Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Семеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б.А. Рыбакова. СПб.: ИРИ РАН, 1998. С. 9.

⁵⁰ Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // ПЛДР XIV – середины XV веков. С. 213.

⁵¹ Смирненного инока Фомы слово похвальное о Благоверном великом князе Борисе Александровиче... // ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 273.

⁵² Краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку // Памятники Куликовского цикла. С. 89.

В летописном рассказе о жизни другого тверского князя Александра Михайловича также делается акцент на черте жертвенности правителя, который соглашается на смерть ради сохранения жизни своих православных подданных. Эта мысль ярко выражена в его рассуждении: «...аще пойду, то и разлучен с животом, аще ли не пойду, то много будет пакости христианом»⁵⁴.

Чертой «нового страсготерпца» наделяется в «Слове похвальном инока Фомы...» тверской князь Борис Александрович. Желая «... положить свою голову за дом святого Спаса и за всех людей...», тверской князь стремится «... подражать мученику Христову Дмитрию...» и призывает его на помощь⁵⁵.

В «Сказании о Мамаевом побоище» Дмитрий Иванович Донской также изображен как «страдалец» за православных. Во-первых, он сам говорит митрополиту, что «вelmi пострадах за веру», во-вторых, на черту жертвенности князя во имя сохранения веры намекает эпизод с гибелью любимого боярина Дмитрия Донского, который во время битвы был одет в княжеские доспехи⁵⁶.

Аспект межкняжеских отношений в княжеской агиографии трактовался как «ситуация» солидарности, содействия или, наоборот, противодействия во взаимном выполнении «благоверными» князьями своей основной функции – обеспечения защиты церкви и своих православных подданных.

Мысль о необходимости и обязательности взаимной помощи князьям, борющимся с татарами, часто фигурирует в летописях и нарративных источниках XV века. В них оказание такой помощи чаще всего требуется великому князю Московскому.

Летописная «Повесть о московском взятии от царя Тохтамышша», описывая приход хана в 1382 году на Русь, явно отрицательно отно-

⁵³ Кучкин В.А., Флоря Б.Н. Представления о княжеской власти в Северо-Восточных русских ... С. 189–190.

⁵⁴ Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51–52.

⁵⁵ Смиренного инока Фомы слово похвальное о Благоверном великом князе Борисе Александровиче... // ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 309.

⁵⁶ Сказание о Мамаевом побоище. (Вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла. С. 174, 191.

сится к тому, что «русские князи» «...не хотяху помогати» Дмитрию Ивановичу Донскому организовывать отпор татарам⁵⁷.

В летописном рассказе о Куликовской битве идея помощи великому князю в борьбе с татарами со стороны других князей выражена в призыве Дмитрия Донского: «Пойдем противу сего окаяннаго и безбожнаго и темнаго сыроядца Мамаю за правоверную веру христианскую и за святыя церкви и вся христиане»⁵⁸.

Наоборот, замыкание в узких интересах собственного княжества, неучастие в общем деле борьбы с иноземным игом глубоко осуждается. Так, в «Повести о московском взятии от царя Тохтамышша» по поводу Олега Рязанского говорится, что он не только Мамаю «...бысть ... помощник на победу Руси, но и поспешник на пакость христианом...», «... хотяше бо добра не нам, но своему княжению помогаше»⁵⁹. В то же время эта идея сочетается с содержащейся в княжеских агиобиографиях мыслью о взаимном невмешательстве во внутренние дела соседних княжеств⁶⁰.

Особое место в житийном образе русского князя занимает такой аспект, как отношение великокняжеской власти к церкви.

В «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича...» на государя возлагается функция опеки по отношению к церкви. Здесь князь «...о церквех божиих велми печашеся а службу земли Руской мужеством своим дръжаше»⁶¹.

Другой – тверской правитель Михаил Александрович держал «ереи же и слугы церковныя во тчи, зело же любяше иноческий чин»⁶².

⁵⁷ Повесть о Московском взятии от царя Тохтамышша // Русские повести XV – XVI веков / Сост. М.О. Скрипиль. М.–Л., 1958. С. 43.

⁵⁸ Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. Список Н.М. Карамзина // Памятники Куликовского цикла. С. 32.

⁵⁹ Повесть о Московском взятии от царя Тохтамышша... С. 42, 43.

⁶⁰ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 252–253, 262, 263.

⁶¹ Никаноровская летопись – Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. М.–Л., 1962. Т. 27. С. 83; ПЛДР XIV – середины XV веков. С. 208.

⁶² Тверская летопись // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 467.

Краткое «Житие благоверного князя Михаила Черниговского» говорит, что он «повелику же чтяше священники, аки слугы Божия, ерейский чин и мнишьский велми любляше», являлся «кормитель и питатель иерейскому чину»⁶³.

Схожую роль играл «благоверный» князь Довмонт, краткое проложное житие которого говорит, что он «... церкви украшал, попы и нищая любя», «попы и черноризцы кормя и милостыню дая...»⁶⁴.

Однако функцией материального обеспечения церкви обязанности княжеской власти не ограничивались. Обязательными для князя становились такие черты поведения по отношению к церкви, как смирение и покаяние.

Так, в «Слове о житии и преставлении...» говорится о князе, что он не только был «смирненным в помыслах», но как на одну из черт поведения «благоверного» указывается, что он «огнем Божия Духа распалыхуся и слезами покаания очищахуся»⁶⁵.

В «Слове похвальном...» инока Фомы о Тверском великом князе Борисе Александровиче говорится: «Чем больше стекается к нему счастье, тем больше прибывает он в смирении»⁶⁶.

В «Житии Александра Невского» тоже читаем: «И умножились дни жизни его в великой славе, любил он священников и монахов, и нищих любил, митрополита и епископов почитал и слушался их как самого Христа»⁶⁷.

Представленные аспекты житийного образа «православного государя» XIV–XV вв. фактически затрагивают все сферы реализации княжеского суверенитета, которые были зафиксированы в политиче-

⁶³ Краткая проложная (ростовская) редакция Сказания о Благоверном князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре // Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 92.

⁶⁴ Краткая проложная редакция Жития Благоверного князя Довмонта Псковского // Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 138.

⁶⁵ Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // ПЛДР XIV – середины XV веков. С. 224; Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 101.

⁶⁶ Смирненного инока Фомы слово похвальное о Благоверном великом князе Борисе Александровиче... // ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 305.

⁶⁷ Житие Александра Невского. Первая редакция по списку ГИМ, Синодальное собр. №154 // Кусков В.В. Указ. соч. С. 206.

ских договорах этого периода, хотя делают это и под иным углом, придают им религиозный колорит и интерпретацию. Образ князя древнерусских житий является не чем иным, как представлением духовенства о суверене. В них правовой аспект отношений князей с Ордой обыгрывается в теме борьбы «православного государя» с иноземным игом; сфера межкняжеских отношений, выраженная, прежде всего, в степени независимости князей в ведении военных действий, в агиографии представлена мыслью о содействии или противодействии «православному князю» в его стремлении обеспечить защиту веры и своих православных подданных; аспект отношений князя к подвластному населению, вопрос о его самостоятельности в области внутреннего управления выражен в княжеских житиях идеей опеки над населением, его социальной защиты.

В то же время содержащийся в житиях стереотипный образ «православного государя» является как бы обратной стороной модели власти, развернутой в княжеских договорах. В обоих вариантах набор «контрагентов», с которыми взаимодействует князь, почти совпадает. Единственный элемент, отсутствующий в княжеских договорных грамотах – православная церковь. Это связано с тем, что для князей церковь была специальной областью правоотношений. Политико-юридическое взаимодействие с ней выходило за рамки межкняжеских договоров в силу особого организационного статуса церкви, носившего экстерриториальный характер и опиравшегося на внешнюю санкцию в лице Константинопольского патриарха и хана Золотой Орды⁶⁸. Поэтому пределы церковной юрисдикции (этот вопрос остается дискуссионным в литературе)⁶⁹ и степень вмешательства в нее княжеской власти оговаривались отдельно. Так, например, в 1404 году была подписана договорная грамота между Василием Дмитриевичем Мос-

⁶⁸ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) М., 1986; Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986.

⁶⁹ Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. М.: Наука, 1990.

ковским и митрополитом Киприаном, регулировавшая взаимоотношения Митрополии с Московским князем «в сфере суда, податей и патроната»⁷⁰. Пределы юрисдикции отдельных монастырей, как правило, оговаривались в особых жалованных грамотах, выдаваемых князьями⁷¹.

И наоборот, взаимодействие князя с церковью как неременная сторона его житийного образа обусловлена тем, что агиография выясняла не столько права, сколько нравственный долг, обязанности князя, хотя и в рамках тех направлений княжеской политики, которые были зафиксированы в политических актах XIV–XV вв.

Соединение же житийного и договорного образов великорусского князя происходило в политической практике эпохи объединения, когда, начиная со второй половины 40-х гг. XV века, любые противодействия вторжению и закреплению позиций московского князя в различных сферах суверенитета удельных правителей интерпретируются церковью как антихристианские поступки, направленные против всего православного населения Руси, как покушения на основные прерогативы «христианского государя»⁷².

Проведенный в работе сравнительный анализ образов княжеской власти, отражаемых двумя разными видами источников эпохи государственного объединения, позволяет сделать вывод о принципиальной возможности наложения одной модели на другую, что дает, в свою очередь, получение более целостного представления об институте княжеской власти как феномене политической культуры данного периода и роли в его формировании религиозно-политических установок русской православной церкви.

⁷⁰ Источниковедение истории СССР. Учебник. Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высш. школа, 1981. С. 102.

⁷¹ Каштанов С.М. Церковная юрисдикция в XIV – начале XVI вв. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. М.: Наука, 1990.

⁷² Гребенюк А.В. Религиозно-политические идеи русской православной церкви и формирование централизованного государства в конце XIV – начале XVI веков (историография проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: НГПУ, 2005. 26 с.

3.2. ИДЕЯ «ХРИСТИАНСКОГО ГОСУДАРЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ ЭПОХИ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Документы русской митрополии: грамоты, послания, поучения – говорят о том, что в церковной письменности своеобразный всплеск приложений образа «православного государя» к московским князьям произошел в конце 40-х–50-е гг. XV века. И действительно, грамоты, вышедшие из-под пера митрополита Ионы, постоянно именуют Василия Васильевича Темного «православным государем», приписывают ему те или иные функции и обязанности христианского властителя, говорят о попечении великого князя по отношению «к православной христианской вере» и «святой церкви»⁷³.

Православие под источником любой власти понимает и понимало прямую божественную санкцию. О ней в своем послании в Новгород митрополит Иона писал: «Еще же сынове, и о том благославляю вас своих детей, чтобы есте во всем послушни были нашему сыну и брату, а своему отцу и учителю, боголюбивому Архиепископу Еуфимию... Понеже, сынове, от Бога поставлен есть Святитель, и учитель, и пастырь душам христианским, и наместник есть самого Владыки нашего Христа»⁷⁴.

Главным условием легитимности власти являлось получение ее от Бога. И в 50-е гг. XV века в митрополичьих посланиях и грамотах проводилась особая связь божественной санкции с властью именно московских великих князей.

Возможно, первым, кто употребил в своих грамотах формулу «Божией милостью», был уже Московский великий князь Василий Дмитриевич⁷⁵.

⁷³ Послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Ионе об охране паствы от наветов Киевского митрополита Григория // РИБ. Т. 6. № 86. Стб. 642; Послание митрополита Ионы Тверскому епископу Илию... // А.И. Т. 1. № 51. С. 99.

⁷⁴ Послание митрополита Ионы новгородцам о прекращении междоусобий // А.И. Т. 1. № 44. С. 91.

⁷⁵ Иконников В. О культурном значении Византии в русской истории... С. 335.

По крайней мере в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя руськаго», которое Л.В. Черепнин датировал временем вскоре после смерти Московского правителя, а Д.С. Лихачев началом XV в., говорится, что великий князь Дмитрий пользуется «скипетром дрежавы Руския земля...» «...по данной ему благодать от Бога»⁷⁶.

В своем послании Василию Дмитриевичу игумен Белоозерского монастыря Кирилл писал: «...ты же господине, сам, Бога ради внемли себе и всему княжению твоему, в нем же ты постави Дух Святый пасты люди Господня, еже стяжа честною си кровию. Якоже бо великия власти сподобился еси от Бога...»⁷⁷.

Однако тот же игумен Кирилл говорил о божественной санкции власти и Можайского князя Андрея Дмитриевича, в чьей вотчине находился Белозерский монастырь⁷⁸.

Митрополит Фотий в своем послании псковичам в 1426 г. проводил идею божественного происхождения власти псковских посадников и «властелей»⁷⁹.

Можно утверждать, что своеобразный перелом в рассмотрении Божественного начала власти московских и удельных князей происходит с победой Василия Темного над Дмитрием Шемякой.

Так, в 1447 году в послании духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу говорилось: «... ты тое болши веси, како отец твой князь Юрьи Дмитриевич коликое тщание имел на началство Великого княжения, якоже и древний наш праотец Адам ко обожению? И в Орду отец ваш ко Царю ходил, и коликие труды Отец ваш сам подьял. А всему православному христьяньству от него то в начале ис-

⁷⁶ Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // ПЛДР XIV – середины XV веков. М., 1981. С. 208.

⁷⁷ Послание Белозерского монастыря игумена Кирилла Великому князю Василию Дмитриевичу о том, чтобы он помирился с Суздальскими князьями // А.И. Т.1. № 12. С. 21.

⁷⁸ Послание Белозерского монастыря игумена Кирилла Можайскому князю Андрею Дмитриевичу... // А.И. Т. 1. № 16. С. 25.

⁷⁹ Послание митрополита Фотия псковичам по случаю моровой язвы // А.И. Т. 1. № 30. С. 60.

тома и великие убытки почали быть: а княжения Великаго никакоже не досягл, что ему Богом не дано, ни земскою из начальства пошлиною»⁸⁰. Таким образом, божественная санкция власти напрямую связывалась здесь только с Московским правителем. Теперь московские князья, начиная с Василия Темного, постоянно употребляют в официальных документах формулу «Божией милостью». Сам Московский государь в это время в своих грамотах говорит о божественной санкции своей власти: «По божьей воли и по нашей любви, божьею милостию, сё яз, князь великий, Василей Васильевич Московьский, и новгородский и ростовьский, и пермьский и иных»⁸¹.

Даже в Севернорусском летописном своде, считающимся исследователями оппозиционным официальному московскому летописанию, великий князь Василий Васильевич выступает как «...православный великий государь единственный во всей вселенной...»⁸².

Эти новые характеристики власти во многом были следствием международных событий середины XV в.: подписания греками Флорентийской унии в 1439 г. и падения Константинополя в 1453 г., приведших к нарушению субординационных связей между русской митрополией и Константинопольским патриархатом, к «национализации» русской церкви⁸³.

В период, когда русский митрополит непосредственно подчинялся патриарху, в Константинополе, прежде всего, «были озабочены вопросом о зависимости мирских князей от представителя духовной власти или по крайней мере о наибольшем влиянии последнего на

⁸⁰ Послание Российского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу // А.И. Т. 1. № 40. С. 76.

⁸¹ Грамота великого князя Василия Васильевича королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.–Л., 1950. С. 272.

⁸² Севернорусский летописный свод 1472 года // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 431.

⁸³ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 101; Дьяконов М. Власть московских государей. СПб., 1889. С. 52; Успенский Б.А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998. С. 230, 236.

первых»⁸⁴. Так, о необходимости послушания местных князей своему митрополиту неоднократно писал во второй половине XIV в. еще патриарх Филофей⁸⁵. Эту мысль поддерживали и в русской митрополии. Стремлением сохранить независимость церкви от светской власти характеризуется политика митрополитов Киприана и Фотия в 90-е гг. XIV – первой трети XV веков⁸⁶. По всей видимости, одним из основных признаков такого суверенитета церкви митрополиты считали ее самостоятельность от светских властей в поставлении и смещении тех или иных духовных лиц. Так, в своем окружном послании в 1415–1416 гг. митрополит Фотий писал: «Аще который епископ мирскими властели избран бывъ и тех силою примет церковь Божию, рекше епископ будет в ней таковой, яко велико прегрешение, согрешив да извержен будет из сану, и да отлучится»⁸⁷. Это поучение было рассчитано, прежде всего, на то, что его услышат русские князья, чтобы принять его как должное. Та же мысль выражена и в «Чине избрания и поставления в епископы» 20-х гг. XV века, в котором возводящийся в сан должен был говорить следующее: «...и не створити ми ничесоже по нужи ни от царя или от князя велика, или от князей многих...»⁸⁸.

Вместе с тем, по представлениям православного духовенства, было и одно светское лицо, имевшее право «поставления» духовных чинов, для занятия высших ступеней церковной иерархии. В 1354 г. в Настольной грамоте патриарха Филофея русскому митрополиту

⁸⁴ Дьяконов М. Власть московских государей... С. 8.

⁸⁵ Настольная грамота патриарха Филофея владимирскому епископу Алексию на митрополию Киевскую и всея Руси // РИБ. Приложения. Т. 6. № 9. Стб. 48; Грамота патриарха Филофея к великому князю Дмитрию Ивановичу... // РИБ. Приложения. Т. 6. № 16. Стб. 100; Его же грамота к митрополиту Алексию, похвальная за добрыя отношения к патриаршему престолу//РИБ. Приложения. Т. 6. № 17. Стб. 108; Его же грамота к русским князьям с увещаниями повиноваться митрополиту // РИБ. Приложения. Т. 6. № 18. Стб. 114.

⁸⁶ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 133.

⁸⁷ Окружное послание митрополита Фотия о незаконном поставлении литовскими епископами Григория Цамблака на Киевскую митрополию // РИБ. Т. 6. № 39. Стб. 342.

⁸⁸ Чин избрания и поставления в епископы // РИБ. Т. 6. № 52. Стб. 453.

Алексею говорилось, что последний возводится «во святительский степень» «...по соизволению и согласию высочайшаго и святаго... самодержца, ревнастнаго поборника и рачителя церковнаго порядка и благоустройства и хранителя божественных и благочестивых догматов»⁸⁹.

В 1416 г. патриарх Иосиф II писал митрополиту Фотию о себе, что он «...избранием и произволением дрежавнейшаго и святаго ми самодрежеца...» взошел на патриарший престол, а участие в избрании предстоятеля церкви «...по достоанию подобает христоролюбиву благоверну царю...»⁹⁰.

Положение местных князей в этой схеме и, в частности Московского, изменилось после подписания Флорентийской унии митрополитом Исидором. Его смещение стало прецедентом, после которого «...великий князь мог своей волей назначать и смещать митрополитов»⁹¹. Еще до отправления Исидора во Флоренцию «князю же великому много глаголющу к нему и посылающу к нему остатися таковаго хождения на осмой собор, его недостойт творити, и возбраняше ему»⁹². Таким образом, уже до подписания унии великий князь Василий Васильевич начинает входить в роль наставника и «хранителя догматов» церкви, что допускалось только по отношению к императору.

Первые же шаги в этом направлении были сделаны, видимо, еще в конце XIV века, когда стало меняться отношение между Великим князем и Византией. Наступившая тогда церковная «смута»⁹³ начала подрывать авторитет Константинопольского патриарха и византий-

⁸⁹ Настольная грамота патриарха Филофея владимирскому епископу Алексию на митрополию Киевскую и всея Руси // РИБ. Приложения. Т. 6. № 9. Стб. 48.

⁹⁰ Грамота Константинопольского патриарха Иосифа II к митрополиту Фотию о Григории Цамблаке // РИБ. Т.6. № 40. Стб. 357, 359.

⁹¹ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 141.

⁹² Летописный свод 1497 года // ПСРЛ. Т. 28. М.–Л., 1963. С. 101.

⁹³ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 104; Дьяконов М. Власть московских государей... С. 23; Соборное определение патриарха Антония о низложении митрополита Пимена и о возстановлении Киприана в звании митрополита Киевского и всея Руси... // РИБ. Приложения. Т. 6. № 33. Стб. 214; Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // ПЛДР XIV – середины XV веков. М., 1981. С. 441.

ского императора в глазах московских властителей. В результате Василий Дмитриевич запретил поминать басилевса на ектеньи, заявив, что «мы имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим»⁹⁴. Поэтому, определяя суть императорской власти, в своем послании к московскому правителю «патриарх Антоний, как бы опасаясь, чтобы... великий князь не назвал себя царем», напоминал ему: «Ибо если и некоторые другие из христиан присвоили себе имя царя, то все эти примеры суть нечто противоестественное, противузаконное, более дело тирании и насилия»⁹⁵.

Однако сдержать этот процесс Византия была не в силах. После утверждения унии в 1441 г. Василий II писал Константинопольскому патриарху Митрофану: «...Мы же убо сиа слышавше и видевшe, подвигохомся преже... созвахом боголюбивыя епископы отечества нашего и повелехом им возрети в таа божественная и священная правила Святых Апостол и богоносных отец...»⁹⁶.

В данном послании Великий князь подобно басилевсу выступал как организатор церковного собора и арбитр в вопросах вероисповедания (собор 1441 г., как и собор 1449 г., поставивший митрополитом Рязанского епископа Иону без согласования его кандидатуры с Константинополем, был созван по инициативе Московского государя)⁹⁷.

Таким образом, Великий князь оказался в роли «верховного блюстителя православной церкви», т.е. в той роли, которая принадлежала ранее только византийскому императору.

Падение Константинополя лишь закрепило за Великим князем эту функцию, выполнявшуюся им и позднее. Так, в 1461 г. митрополит Иона писал Смоленскому епископу Михаилу, что Великий князь «... созва свое все великое державы архиепископов и епископов, чест-

⁹⁴ Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу... // РИБ. Приложение. Т. 6. № 40. Стб. 272.

⁹⁵ Там же. Стб. 276.

⁹⁶ Послание великого князя Василия Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану об отступлении от православия митрополита Исидора // РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 534.

⁹⁷ Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 213; Севернорусский летописный свод 1472 года // ПЛДР. Вторая половина XV века... С. 425.

нейших архимандритов и игуменов и все великое божие священство»⁹⁸.

В дальнейшем московские правители расширяли собственные прерогативы в отношении православной церкви по примеру византийских императоров. Если в 60–80-е гг. XV в. избрание митрополита предполагало согласование кандидатуры с великим князем, «...которое не имело формального характера»⁹⁹, то в 90-е гг. процедура его хиротонии стала очень напоминать выбор Константинопольского патриарха, что «...предусматривало участие государя в избрании главы церкви»¹⁰⁰.

Характерно в этом смысле, что избрание Симона в митрополиты в 1495 г. совершалось по новому чину, «...который ближайшим образом напоминал поставление патриарха в Константинополе. Митрополит символически получал власть от великого князя, подобно тому как в Константинополе патриарх получал ее от византийского императора...»¹⁰¹.

В то же время великий князь занимался и другими вопросами жизни церкви, вмешательство в которые в первой половине XV века было ему несвойственно. В 1492 г. Иван III повелел митрополиту Зосиме и Новгородскому архиепископу Геннадию передать «из митрополии и из архиепископии из Новгородской, церкви свои на Вологде, в городе на посаде епископу пермьскому Филофею в Пермскую епископию»¹⁰². Еще раньше, в 1479 году, Иван III самостоятельно решил спор между митрополитом Геронтием и Ростовским архиепископом Вассианом о принадлежности Кирилло-Белозерского монастыря¹⁰³. Все это говорит о том, что с середины XV в. московские князья полу-

⁹⁸ Формулярный извод послания митрополита Ионы Смоленскому епископу Михаилу с предписанием не признавать митрополитом униата Григория, прибывшего в Литву с папскими ставленными грамотами // РФА. В 5-и т. Т. I. М., 1986. С. 125–126.

⁹⁹ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 56.

¹⁰⁰ Там же. С. 55.

¹⁰¹ Там же. С. 56.

¹⁰² Сокращенный летописный свод 1493 года // ПСРЛ. Т 27. М.–Л., 1962. С. 291.

¹⁰³ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 170.

чили монопольное право влияния на внутреннюю жизнь церкви подобно православным греческим царям.

Однако отношение к православной церкви, как было уже показано нами, являлось лишь одной из сторон образа «православного государя». В середине же XV века за московскими князьями закрепились и другие его аспекты. Причины этого явления лежат в рамках тех политических процессов, которые проходили в пределах самой Северо-Восточной Руси.

Начиная со второй половины 40-х гг. XV в., противодействие вторжению и закреплению позиций Московского князя в таких сферах суверенитета удельных князей, как их самостоятельность в сношениях с Ордой и независимость в ведении военных действий интерпретируется источниками как антихристианские действия, направленные против всего православного населения Руси, как покушение на основные прерогативы «православного государя».

Так, Церковный собор 1447 г., обвиняя Дмитрия Шемяку в невыполнении им своей вассальной функции по отношению к сюзерену – Василию II, а именно в том, что он не участвовал вместе с войском Московского великого князя в битве с татарами под Суздалем в 1445 г., объясняет это неучастие как отказ защищать «христианства» от «поганых», от чего «...коликое множество христьянства в полонь в поганство пошло», как нежелание встать «за православную веру и за святых божьи церкви», «за христианство помогати»¹⁰⁴.

Тот же собор представлял дело самостоятельного сношения Дмитрия Шемяки с Ордой в обход великого князя, как связь с иноверными, «...съ поганствомъ и съ иными со многими землями...», указывая, что Шемяка делал это, «...хотя... все православное христьянство раздрушители»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Послание Российского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу // А.И. Т. 1. № 40. С. 76; Формулярный извод послания малого собора Московской митрополии Галицкому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке, призывающего Шемяку к покорности великому князю Василию Васильевичу//РФА. Т. 1. С. 105.

¹⁰⁵ Там же. С. 79.

Главное обвинение союзнику Углического князя – Ивану Андреевичу Можайскому, сбежавшему в 1454 г. в Литву, заключалось в том, что он «за православное христьянство нигде не постоял»¹⁰⁶.

Однако, незадолго до этого, в конце XIV – первых десятилетиях XV века, действиям удельных князей, направленным против вторжения Московского правителя в те или иные сферы их суверенитета, не придавалось значения антихристианских поступков.

Летописи не осуждают русских князей и не считают их действия недостойными «христианского государя», когда в 1382 г. Дмитрий Донской, обладая инициативой в организации отпора татарам¹⁰⁷, «...нача полки совокупляти и поиде с Москвы, хотя противу татар...», а в это же время «бысть разно в князех русских: овии хотяху а инии не хотяху...», «помогати», отчего «князь ... великы в недоумении быв...»¹⁰⁸.

Во второй половине 90-х гг. XIV в., когда московское правительство ведет напряженную борьбу с Новгородом за Двинскую землю, новгородцы также не трактуются летописями как отступники от православия, а «митрополит, насколько известно, не поддерживает московские рати своим грозным отлучением или иными средствами...»¹⁰⁹.

В 1419 г. в Новгород приехал Константин Дмитриевич, брат Московского великого князя Василия I, так как «брат его, князь великий Василие хотелъ его в челование привести под своего сына Василия, и онъ не хотя быти под своимъ братаничем, и князь Василий возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину и боярь его пойма и села и животы их отъима»¹¹⁰. Однако источники не позволяют говорить

¹⁰⁶ Послание митрополита Ионы Смоленскому епископу Мисаилу об измене и бегстве в Литву Можайского князя Иоанна Андреевича... //А.И. Т.1. №56. С. 104.

¹⁰⁷ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль... С. 398.

¹⁰⁸ Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша... С. 39.

¹⁰⁹ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 135; Янин В.Л. Из истории новгородско-московских отношений в XV в. //Отечественная история. 1995. № 3. С. 153; Оболенский Д. Шесть византийских портретов // Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 539.

¹¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 412.

о том, что этот мятежный родственник великого князя воспринимался духовенством как изменник христианской веры.

По отношению к Нижегородскому князю Семену Дмитриевичу, который «...восемь лет служивый по ряду в Орде четыремъ царемъ: первому Тактамышу, второму Аксаку, третьему Темир-Кутлюю, четвертому Шадибеку, а все то поднимая рать на московского великаго князя, како бы найти свою вотчину княжение...»¹¹¹, тому князю, который в 1395 г. вместе с татарами захватил и разграбил Нижний Новгород, мы также не встречаем упреков в отступлении от православия.

В 1410 г. другой Нижегородский князь Данило Борисович «приведе к себе царевича Талычу и посла с ним изгоном к Володимеру боярина своего Семена Карамышева, а с ними полтора ста татарь, а Руси полтара же ста»¹¹², «взя» его, «...попленивъ и пожъже, а татарове церковь Святую Богородицю златоверхую одраша»¹¹³. Но и эти действия не представляются церковью как измена христианству со стороны князя. Они и не могли расцениваться таким образом, поскольку тот, против кого они были направлены, еще не рассматривался тогда как единственный поборник православной веры.

И все же в конце XIV – первой трети XV веков Москва существенно продвинулась по пути объединения и централизации власти. В 1393 г. Василий Дмитриевич добивается в Орде прав на Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Торусу¹¹⁴. Во второй половине 90-х гг. XIV века он ведет борьбу с Великим Новгородом за Двинскую землю¹¹⁵. В результате новгородско-московской борьбы в начале XV века происходит раздел исконных новгородских пригородов и волостей: Вологды, Бежецкого Верха, Торжка, Волока Ламского. Одна часть этих территорий становится московским уделом, а другая остается

¹¹¹ Никаноровская летопись. – Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. Т.27. М.–Л., 1962. С. 92.

¹¹² Там же. С. 97.

¹¹³ Новгородская первая летопись... С. 402; Макарихин В.П. Объединительное движение на Руси в XIV–XV веках. Учебное пособие. Горький: Изд-во Горьковского университета, 1981. С. 10.

¹¹⁴ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 132.

¹¹⁵ Там же. С. 135.

под новгородской юрисдикцией¹¹⁶. В 1402 г. Московский князь заключает выгодный для себя договор с великим князем Рязанским Федором Ольговичем, по которому последний становится Московскому правителю «братом младшим»¹¹⁷. Договор ограничивал возможности Рязанского князя в его сношениях с Ордой, т.к. ему предписывалось «не пристати к татаром никоторую хитростью». А в том случае, когда он станет «...киличея слати в Орду... и то ти нам явити»¹¹⁸. В этом договоре обращает на себя внимание аргумент московской власти, которым объяснялось ограничение доступа Рязани к Орде. Это обоснование опирается не столько на старейшинство Московского правителя по отношению к Рязанскому «брату младшему», сколько на представление о татарах как о противниках христиан. Поэтому и Федор Ольгович Рязанский не должен ссылаться с ними «крестыяньского дея добра»¹¹⁹. В данном случае, что для христиан является «добром», взял на себя «обязанность» определять Московский великий князь.

Этот эпизод очень точно иллюстрирует характеристику данного периода, высказанную А.Е. Пресняковым: вторая половина XIV–первая половина XV в. – «это время, когда великорусская великокняжеская власть ищет в переработанных жизнью формах традиционного старейшинства и подчиненного ему братского одиначества князей пути к организации на новых началах политического единства Велико-россии. Это постепенно нараставшая строительная работа великорусской великокняжеской власти развивалась под непрерывным давлением внешней опасности...»¹²⁰.

Именно инициатива или первенствующее положение московских властителей в организации обороны от татарских набегов, которой

¹¹⁶ Янин В.Л. Из истории новгородско-московских отношений // Отечественная история. 1995. № 3. С. 155.

¹¹⁷ Борисов Н.С. Указ. соч. С. 132; Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 52.

¹¹⁸ Там же. С. 53.

¹¹⁹ Там же. С. 53.

¹²⁰ Пресняков А.Е. Образование великорусского государства... С. 222.

они законно обладали в глазах населения Северо-Восточной Руси с 1380 г.¹²¹, позволяло им облекать свои стремления ограничить одну из существенных сфер реализации суверенитета великих и удельных князей – их право самостоятельного сношения с Ордой, в форму благородного желания своевременной организации единого совместного отпора основному врагу православного населения русских княжеств.

Как отмечали А.А. Зимин и В.Д. Назаров, московские правители повели наступление, прежде всего, на эту сферу суверенитета, т.к. превращение независимых князей в «служебных»¹²², так или иначе сопрягалось с ордынской санкцией¹²³, доступ к которой и нужно было им ограничить. Определенные подвижки в этом направлении можно увидеть уже в 70-е годы XIV века, когда начался постепенный пересмотр взаимосвязей московских князей с Ордой¹²⁴, что отразилось уже в завещании Дмитрия Донского, в котором высказалась надежда на перемену в этой области отношений¹²⁵.

Как писал тот же А.Е. Пресняков, «весь процесс собирания власти протекал в теснейшей зависимости от внешних отношений Великороссии – под давлением потребностей самообороны. Поэтому первым моментом решительного успеха в великокняжеской борьбе за усиление центральной политической власти явилось нарастание руководящей роли великих князей всея Руси в международных отношениях Великороссии с соответствующей перестройкой внутренней организации княжеского властвования»¹²⁶.

¹²¹ Будовниц И.У. Указ. соч. С. 398.

¹²² Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века. М., 1991. С. 40.

¹²³ Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке... С. 182; Горский А.А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. №4. С. 21.

¹²⁴ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации... С. 112; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства... С. 595, 726.

¹²⁵ Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича // Памятники русского права / Под ред. проф. Л. В. Черепнина. Вып. 3. М.: Госюриздат., 1955. С. 263.

¹²⁶ Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. С. 194.

Импульсом к такой «перестройке», о которой говорил историк, стало то, что «...Дмитрий Донской принимает на себя защиту общерусских интересов от татар и от литвы»¹²⁷, а «объединяющая роль Москвы приводит к новому взгляду на Московских князей как на защитников интересов Русских княжеств»¹²⁸. Все эти перемены не только начали постепенно подрывать значение хана Золотой Орды как верховной инстанции над русскими князьями, но и открывали возможность, прежде всего, московским правителям монополизировать и удержать за собой образ «православного государя», с которым ассоциировалось представление об «истинной» верховной власти. Первый шаг в этом направлении был сделан уже Дмитрием Донским, принявшим на себя защиту общерусских или, другими словами, православных интересов от татар.

Подобному их восприятию способствовало и то, что на протяжении всего периода конца XIV – первой трети XV в. именно на московских князей направлялись основные удары набегов, и именно эти князья становились инициаторами отражения нашествий.

Так, в 1382 г. перед приходом Тохтамыша Московский князь «нача полки совокупляти и поиде с Москвы, ... противу татар», хотя в этот раз организовать отпор ему и не удалось, так как «бысть разно в князех русских» и «бысть межи ими съ братом распря и иными князьями...»¹²⁹.

Своеобразным антиподом действий Москвы стала деятельность Нижегородско-Суздальских князей в стане хана, уговоривших москвичей открыть ворота города татарам: «также и князи Нижнего Новгорода глаголаху: «Имете нам веры, мы бо ваше есмя князи кристьянстии, вамъ то глаголем и правду даемъ на том»¹³⁰. В результате «...погани... начаша вся без милости сечи священников и прочих

¹²⁷ Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого... С. 6.

¹²⁸ Там же. С. 7; Будовниц И.У. Указ. соч. С. 398.

¹²⁹ Сокращенный летописный свод 1495 года // ПСРЛ. Т.27. М.–Л., 1962. С. 333.

¹³⁰ Никаноровская летопись ... С. 79.

хрестьян, а святыя иконы потопташа... а хрестьяне вся изсекоша множество бо их...»¹³¹.

В 1395 году, когда Тимур захватил г. Елец, «сё же слышав князь великий Василий Дмитриевич, собра воя многы, поиде с Москвы к Коломне, хотя ити противоу его и пришед, ста на брезе у реки Окы»¹³².

А в этом же году «Семен Дмитриевич Суждальский» подошел с татарами к Нижнему Новгороду «и паки мир взяша християне крестъ целоваша, а татарове по своей вере правдоу даша на том, что им христьянъ не заимати, и вскоре роту свою измениша и пограбиша всех христьянъ»¹³³.

В 1408 г. Василий I воевал с великим князем Литовским Витовтом, который «...немцы и ляхи, ведый с собою на христьяны въ землю нашу...»¹³⁴.

А в том же 1408 г. «князь Данила Борисович Нижнего Новгорода» организовал набег на город Владимир. Результатом такого рейда было разгрбление церквей и убийства «христьян»¹³⁵.

На этом фоне, если можно так выразиться, антидействий Нижегородско-Суздальских князей инициативы Московских государей по обороне русских земель от иноплеменников выглядели в глазах современников, вероятно, более чем убедительно и способствовали закреплению за ними образа «защитника православных», представляющего интересы последних перед Ордой. Так, уже летописное Сказание об Едигее, хотя и не говорит о праве сношения с татарами только по отношению к Московскому князю, в то же время определяет его первенствующее положение в этой сфере: «...ведь в начале беззаконные измалитяне ложный мирный договор заключили с нашими рус-

¹³¹ Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша... С. 40.

¹³² Сокращенный летописный свод 1493 года... С. 260.

¹³³ Никаноровская летопись... С. 89.

¹³⁴ Тверская летопись... Стб. 475, 482.

¹³⁵ Никаноровская летопись... С. 97; Новгородская первая летопись... С. 402.

скими князьями и прежде всего с великим князем Василием Дмитриевичем»¹³⁶.

Таким образом, в конце XIV – первой четверти XV столетий общественно-политическое сознание Северо-Восточной Руси было подготовлено к принятию действий Москвы по установлению контроля над сферой взаимосвязей русских князей с Ордой. Окончательно пункт о том, что последние являются прерогативой московской великокняжеской власти, закрепился в межкняжеских договорах с начала тридцатых годов XV века¹³⁷.

Формула: «А Орда управляти и знати мне, великому князю. А тебе Орды не знати» или «А Орда знати тебе, великому князю, а мне Орды не знати» в 30-40-е гг. XV в. постоянно фигурирует в договорах между великим князем Московским Василием Васильевичем и удельными князьями: Василием Ярославичем Серпуховским и Боровским, Юрием Дмитриевичем Галицким и Звенигородским, Василием Юрьевичем Углическим и Дмитровским, Дмитрием Юрьевичем Шемякой (Галическим), Иваном Андреевичем Можайским, Михаилом Андреевичем Верейским и Белозерским¹³⁸.

Вторая сфера реализации суверенитета, в которую вторгалась великокняжеская московская власть, – это право ведения князьями самостоятельных военных действий. В некоторых межкняжеских договорах оно ограничивалось пунктом о единстве выступлений против общего врага. Этот враг в договорах указан очень четко: в «докончании» 1396 г. между Московским князем Василием Дмитриевичем и

¹³⁶ Сказание об Едигее, князе ордынском, который разорил Московскую землю // ПЛДР XIV – середины XV веков. М., 1981. С. 245.

¹³⁷ Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 47, 51.

¹³⁸ Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 70; Докончание великого князя Василия Васильевича с князем углическим Василием Юрьевичем // Там же. С. 104; Докончание великого князя Василия Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем и князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем // Там же. С. 122; Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем // Там же. С. 131; Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем // ДДГ. С. 266.

Тверским великим князем Михаилом Александровичем говорилось: А «быти нам, брате, на татары, и на литву, и на немцы, и на ляхи за одинь»¹³⁹. Эта же формула повторяется в договоре между Василием Темным и Тверским князем Борисом Александровичем в 1439 году¹⁴⁰. Но так как и в конце XIV и в 30–40-е гг. XV вв. Тверское княжество все еще обладало политической самостоятельностью, а Московский князь не имел достаточных сил, чтобы ограничить свободный доступ Твери к Орде (к ней Тверскому князю был «путь чист»), то и положение в договорах о ведении совместных военных действий имело значение добровольной взаимной помощи во время обороны. Наступательные же действия, каждая из сторон должна была, по-видимому, осуществлять самостоятельно¹⁴¹.

Необходимо также отметить, что именно во время правления Тверского князя Бориса Александровича, выступавшего равноправной стороной последнего договора и имевшей свободный доступ к Орде, проявились активные попытки местного духовенства представить великого князя Тверского как единственного истинно-православного правителя, которого «возвысил... Бог больше других... великих князей русских»¹⁴², что вполне соответствовало его положению «самодержавного великого государя», ни одна сфера суверенитета которого не была нарушена.

Совсем иначе обстояло дело с удельными князьями. Они не имели права сношения с Ордой, поэтому единственной активной стороной, самостоятельно осуществляющей какие-либо действия, в т.ч. и военные по отношению к ней, являлся Московский князь. В то же время Орда постоянно фигурировала в договорах как основной общий враг, источник угрозы для всего русского населения, что предполагало единство военных действий против нее. Поэтому и в положениях договоров, затрагивающих вопрос о ведении войны, удельные прави-

¹³⁹ Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем//Памятники русского права. Вып. 3. М.,1955. С. 41.

¹⁴⁰ Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем // Там же. С. 106.

¹⁴¹ Там же. С. 106.

¹⁴² Смиренного инокa Фомы слово похвальное... С. 283.

тели являлись, с одной стороны, объектом обороны Московского князя, а с другой – вспомогательной силой, оказывающей ему обязательную «помощь» в выполнении им своей основной функции как «православного государя» – защите христианского населения Руси от иноверцев. Такая «помощь» особенно часто была нужна Московскому великому князю во второй половине сороковых годов, когда увеличилось число татарских набегов¹⁴³.

В Северо-Восточной Руси в 40-е гг. XV века, когда Московский князь уже полностью контролировал эту сферу суверенитета удельных властителей, закрепив ее за собой, нежелание того или иного подмосковного князя участвовать в войне рассматривалось духовенством как противопоставление себя всему православному христианству.

В 30–40-е гг. XV в. почти все удельные князья, заключившие договор с Московским великим князем, соглашались с тем, что если последнему нужно «будет всести на конь на своего недруга», то им необходимо будет «всести на конь» с ним вместе или послать «свои дети, своими бояры и слугами» «без ослушания». То же самое касалось «молодших» братьев, сыновей и воевод удельных правителей¹⁴⁴.

Взамен они получали «привилегию» быть защищенными Московским князем от различных недругов. Так, например, в договоре от 11 марта 1428 г. между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем, князем Галицким и Звенигородским, великий князь сообщал родственнику: «А кто имет твою отчину обидети, и мне тебя борони-

¹⁴³ Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 101.

¹⁴⁴ Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем // ПРП. Вып. 3. М., 1955. С. 64; Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем // Там же. С. 70; Докончание великого князя Василия Васильевича с князьями можайским Иваном Андреевичем и верейским и белозерским Михаилом Андреевичем // Там же. С. 81; Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем // ДДГ. С. 270; Докончание великого князя Василия Васильевича с князем углицким Василием Юрьевичем // ПРП. Вып. 3. М., 1955. С. 104.

ти»¹⁴⁵. Эта форма зависимости удельных князей, выраженная в установлении опеки над ними и «обязанности» по их обороне Московского князя, как нельзя более соответствовала переносимому на него образу «православного государя» – защитника православного населения Руси.

Насколько четко осознавали значение этой «обязанности» великие князья показывает эпизод, произошедший в 1474 году между Иваном III и его псковскими подданными. В этом году псковичи прислали послов к великому князю с просьбой обронить их от немцев. «Князь же великий всполевся и на очи их пускати себе не велел, понеже бо оумедлеша приити с челобитием, и яко в забытие положиша его, государя...»¹⁴⁶.

Таким образом, суверенные права удельных властителей к концу феодальной войны постепенно «покрываются суверенитетом великого князя»¹⁴⁷. Их попытки отстаивать свою самостоятельность в этих сферах рассматривались церковными соборами как покушения на прерогативы «православного государя», образ которого последовательно переносился в это время только на Василия Темного. Последний же по приговору собора от 29 декабря 1447 г. свою власть получал от Бога, а удельные князья и, прежде всего, его основной противник Дмитрий Юрьевич Шемяка получал отчину от великого князя «...как ему бог положил на сердце...»¹⁴⁸.

Как отмечал Пресняков, «связь задач светской власти с церковно-политическими задачами митрополии расширяла в значительной мере кругозор великокняжеского правительства...»¹⁴⁹ и, добавим, определила активное использование элементов образа «православного государя» в централизаторской политике Москвы. То, что московские князья хорошо осознавали взаимосвязь светских и «церковно-

¹⁴⁵ Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем // Там же. С. 65.

¹⁴⁶ Летописный свод 1497 года ... С. 137.

¹⁴⁷ Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 89, 100.

¹⁴⁸ Формулярный извод послания малого собора Московской митрополии галицкому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке... // РФА. Т.1. М., 1986. С. 106.

¹⁴⁹ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства... С. 210.

политических задач», подтверждается словами Ивана III в его договоре со своим младшим братом Андреем Васильевичем, где он причины тех или иных своих политических акций объясняет необходимостью действовать так «...своего дела и христианьского для дела...»¹⁵⁰.

Образ «православного государя» активно использовался в политической борьбе между Василием Темным и Дмитрием Шемякой. Причем апеллировали к нему, а через него и к православному духовенству, обосновывая те или иные из своих действий обе враждующие стороны. Оба стремились представить свою деятельность как соответствующую представлениям о «православном князе», а действия противника, как направленные против всего «православного христианства».

Когда в 1446 г. Иван Андреевич Можайский захватил Василия II на богомолье в Троице-Сергиевой лавре, сам удельный князь объяснял свои действия князю великому тем, что «...делаем мы это ради христианства и из-за твоего выкупа»¹⁵¹.

Тяжкий выкуп из татарского плена, в который Василий Темный попал в 1445 г. после битвы под Суздалем, был поставлен удельными князьями в вину Московскому государю и использовался ими, чтобы показать всю враждебность действий Василия II по отношению к его подданным – «христианам». Сам же Дмитрий Шемяка, арестовав государя, намеревался в Орду «царю не дати денег, на чем князь великий крест целовал»¹⁵². Таким образом, чтобы обосновать смещение с престола Василия II, Дмитрий Шемяка должен был нанести удар по основанию его легитимности, а это можно было сделать, только посеяв в обществе сомнение в «православности» этого государя. В результате Василий II был представлен как правитель, не радеющий за православный народ¹⁵³. Низложенному государю предъявили обвинение: «Чему еси татар привел на Русскую землю и города дал еси им, и во-

¹⁵⁰ Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем углеицким Андреем Васильевичем // ДДГ. М., 1955. С. 234.

¹⁵¹ Повесть об ослеплении Василия II // ПЛДР XIV – первой половины XV вев. М., 1981. С. 509.

¹⁵² Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII вев. М., 1997. С. 178.

¹⁵³ Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 111.

лости подавал еси в кормление?...»¹⁵⁴. Обвинение заканчивалось словами о том, что великий князь «паче меры» слушал татар, давал им «злато и серебро и имения», а «христиан томил» «паче меры без милости»¹⁵⁵. Заговорщики утверждали, что Василий II «выдал» «христианство» «бусурманам»¹⁵⁶. Вероятно их заявления нашли отклик и у тех самых «христиан». В «Повести об ослеплении Василия II»¹⁵⁷ о реакции населения на действия Шемяки написано так: «...а прочие дети боярские и все люди били челом в службу князю Дмитрию...»¹⁵⁸, «и приведе их к целованию крестному всех...»¹⁵⁹.

Эти же аргументы использовал Дмитрий Шемяка, пытаясь заручиться поддержкой и союзом с другими князьями. «Повесть...» приводит слова князя Дмитрия, обращенные к Ивану Можайскому: «...царь отпустил великого князя под условием, скрепленным присягой, что царю достанется власть в Москве, и во всех русских городах и в наших отчинах, а великий князь хочет править в Твери»¹⁶⁰.

В тверском произведении середины XV в. «Слове похвальном инока Фомы...» говорится, что Дмитрий Шемяка отправил князю Борису посла со словами, что Василий II «...принес татарам целование, чтобы придать им твою отчину, великое княжение Тверское и наши отчины тоже. И о том возвещаем тебе, чтобы и ты помогал нам защищать христиан, а также и свою отчину»¹⁶¹. Таким образом, и здесь в качестве основного аргумента необходимости союза Тверского князя с Шемякой была использована идея «защиты христиан», угроза которым якобы исходит от Василия II.

¹⁵⁴ Цит. по: Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 178; Зимин А.А. Указ. соч. С. 111.

¹⁵⁵ Цит. по: Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 178.

¹⁵⁶ Цит. по: Там же. С. 178.

¹⁵⁷ Как отмечает Я.С. Лурье в Комментарии к Повести об ослеплении Василия II, это произведение появляется в летописании не ранее пятидесятих годов XV века, после окончательной победы Василия Темного в феодальной войне // ПЛДР XIV – первой половины XV веков. М., 1981. С. 593.

¹⁵⁸ Повесть об ослеплении Василия II ... С. 511.

¹⁵⁹ Летописный свод 1497 года... С. 106.

¹⁶⁰ Повесть об ослеплении Василия II... С. 505.

¹⁶¹ Смиренного инока Фомы слово похвальное... // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 317.

О том, что заняв престол, Дмитрий Шемяка как великий князь стремился, чтобы его действия соответствовали представлениям духовенства о «православном государе», говорит одно из определений Собора 1447 г.: «Да еще посылал еси к Великому Новгороду и посла своего, а зоучи себе князем великим да просил еси у них собе помочи, а въводя то слово, что татарове изневолили нашу отчину Москву и вы ми дайти на них помочи»¹⁶². Таким образом, для того чтобы придать весомость своему требованию к новгородцам исполнить их прямую вассальную обязанность – участвовать в войне сюзерена (а Дмитрий Шемяка, являясь на тот момент великим князем «всея Руси», официально стал обладать такими правами по отношению к Новгороду), ему приходилось аргументировать это требование необходимостью помощи против «безбожных татар».

А.А. Зимин обнаружил следующую особенность идеологической борьбы периода феодальной войны второй четверти XV века. В ее начале Звенигородский князь Юрий Дмитриевич мог аргументировать стремление сместить с московского престола Василия II своим положением старшего в роде¹⁶³. Это требование не нарушало принципов договорных отношений, обличенных в формулы условного родства. Сын же его, Дмитрий Шемяка, уже не был старейшим в роде Калиты и не мог, как мы видим, апеллировать к тем же аргументам¹⁶⁴. Борьба Василия II и его дяди Юрия Дмитриевича вскрыла всю непрочность системы феодальных связей, основанных на принципах свободного договора¹⁶⁵. Усобица в Московском княжеском доме показала также, что главенство великого князя можно было легко оспорить, основываясь на возрастных преимуществах, родственных отношениях спорящих. Этого не мог не учитывать Дмитрий Шемяка. Поэтому, от-

¹⁶² Формулярный извод послания малого собора Московской митрополии Галицкому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке... // РФА. Т. 1. С. 109.

¹⁶³ Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 47, 57, 105.

¹⁶⁴ Там же. С. 105, 111.

¹⁶⁵ Кривцов Д.Ю. Духовно-нравственное воздействие монашества на русское общество // Духовная культура. Материалы докладов Пятой межвузовской конференции по теории и методике преподавания культурологии в высшей школе. Н. Новгород, 1999. С.116.

страняя Василия II от власти, он обратился к новым аргументам¹⁶⁶. Если его отец Юрий Звенигородский объяснял свое занятие московского престола положением старейшего в роде, то Дмитрий Шемяка – своим значением «православного государя». Противопоставить его доводам старые аргументы родового «старейшинства» (Василий II после смерти Юрия Дмитриевича был старейшим в роде) было невозможно.

Таким образом, именно действия подмосковных князей в ходе династической феодальной борьбы за единовластие¹⁶⁷ подрывали систему договорных отношений. Именно они сделали решительный шаг к замене этой системы, предполагающей условное, формальное признание кого-либо «старейшим», на иную форму межкняжеских отношений. Дмитрий Шемяка, обвиняя Василия II в отступлении от православия, в пособничестве татарам, тем самым предлагал не формально-юридическое, а безусловное религиозно-харизматическое обоснование власти Московского князя.

По всей видимости, в ходе феодальной войны формула, раскрывающая субординационные связи внутри феодальной иерархии начала меняться. Если в начале усобицы великий князь был «отцом» или «братом старейшим» по отношению к своим родичам, то в конце феодальной войны он уже «православный государь». Перемена эта отразилась, прежде всего, в соборных определениях, архипастырских посланиях и поучениях¹⁶⁸, хотя в межкняжеских договорах термины условного родства продолжали фигурировать в силу устоявшихся их традиционных форм.

Огромное значение в этих переменах имели действия удельных князей. Например, именно во время своего пребывания на великокняжеском престоле Дмитрий Шемяка печатал монеты с изображени-

¹⁶⁶ Зимин А.А. Указ. соч. С. 111.

¹⁶⁷ Там же. С. 40, 81.

¹⁶⁸ Послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Ионе об охране паствы от наветов киевского митрополита Григория // РИБ. Т. 6. № 86. Стб.642; Послание митрополита Ионы тверскому епископу Илию... //А.И. Т. 1. №51. С. 99.

ем всадника с копьем и буквами «Д. о.»¹⁶⁹, что означало «Дмитрий – осподарь»¹⁷⁰. Помещал он на них и надпись «осподарь всея земли Русской»¹⁷¹. На монетах его отца в 1434 г., когда тот занимал московский престол, изображался Георгий Победоносец – его патрон. До этого, после монетной реформы 1425 г., при Василии II на деньгах изображался Самсон, побеждающий льва¹⁷². Именно Георгий Победоносец, печатавшийся на монетах противников Василия Темного, по мнению некоторых современных исследователей, воспринимался русскими по крайней мере с конца XV века как изображение «православного государя»¹⁷³, олицетворял его защитную функцию.

В 1447 г., когда Василий II возвратился на свой престол, уже Дмитрий Шемяка оказался в роли «отступника от православия». Его борьба против «своего брата старейшего... великого князя», рассматривалась церковью как покушение «на христианское нестроение и кровь...»¹⁷⁴.

Собор рассматривал Дмитрия Шемяку как мятежного вассала Василия II, а отказ Шемяки в выполнении своих вассальных функций – не вести самостоятельных внешних сношений в обход великого князя (как отмечал С.Я. Лурье, «трудно сказать имела ли версия о переговорах с ханом реальные основания, но появилась эта версия уже после окончательной победы Василия Темного»)¹⁷⁵ и полностью следовать своему сюзерену в его военной политике трактовал как целенаправленный вред «христианству» и противодействие исполнению

¹⁶⁹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 113.

¹⁷⁰ Там же. С. 113.

¹⁷¹ Там же. С. 113.

¹⁷² Там же. С. 55.

¹⁷³ Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991. С. 202, 204, 205–208; Кучкин В.А. Великокняжеская печать с двухглавым орлом грамоты 1497 г. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 35, 85; Юрганов А.Л. Символы Русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. 1997. №8. С. 118, 127.

¹⁷⁴ Грамота митрополита Ионы литовским князьям, панам, боярам, наместникам и всему народу с извещением о своем поставлении // РИБ. Т. 6. № 64. Стб. 541–542.

¹⁷⁵ Лурье Я.С. Две истории Руси XV век: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 90, 91.

своих обязанностей Василием Темным как «православным государем» «всея Руси»¹⁷⁶.

Борьба за престол между удельным Галицким князем Дмитрием Шемякой и великим князем Московским Василием Темным показывала, что представления о «православном государе» к этому времени уже прочно ассоциировались с тем, кто на данный момент занимал московский престол. В руках Москвы образ христианского князя являлся мощным инструментом, используемым для подчинения строптивых удельных правителей, а также для дискредитации их в глазах общества.

Именно после победы Василия II в феодальной войне, когда в одних руках был сосредоточен контроль над определенными властными прерогативами великих и удельных князей, были собраны во едино и сконцентрированы в одном лице практически все главные аспекты религиозного образа «христианского монарха». С этого момента любая политическая акция, будучи проявлением активности князей в той или иной сфере их суверенитета, могла быть оценена со знаком «плюс» или «минус» по православной шкале ценностей. А перспективы такой оценки требовали от Московского князя существенной корректировки своих действий.

В то же время такой оценке церковь подвергала деятельность всех политических сил, начиная со второй половины 40-х гг. XV века¹⁷⁷. Так, в 1448–1449 гг. в борьбе за подчинение Вятки – союзника Дмитрия Шемяки Московскому князю духовенство обращалось к образу «православного государя», рассматривая вятчан как его православных подданных.

В это время митрополит Иона писал жителям Вятки: «А не имете бити челом своему господарю великому князю х конечной своей погибели, а затем кровь христианская прольется, а та вся кровь христи-

¹⁷⁶ Формулярный извод послания малого собора Московской митрополии Галицкому князю Дмитрию Юрьевичу... // РФА. Т. 1. С. 109.

¹⁷⁷ Как отмечает А.А. Зимин, сначала 30-х гг. XV в. и «почти полтора десятилетия руководство русской церкви не принимало сколько-нибудь заметного участия в борьбе князей за великое княжение». (Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 83).

янская на вас от бога взыщется за окаменение ваше и не разумие. Да того ради и милости божие и своево христианства чужи будете»¹⁷⁸.

Это не единственное послание Ионы вятчанам подобного рода. В 1452 г. он писал: «Не вемы убо, како вас нареци: зоветесь именем християне, а живете делающе злая, горше нечестивых ни по християньству, ни по крестному целованию, ни по божественному писанию... православныя истинныя християньския веры: ... а за вся своему господарю, великому князю губити и преставаете к его недругом, приходили есте многожды на великого князя вотчину... и християньство губите и с теми християньскими губители и сами собою вотчину его воюете безпрестанно... и вся творите, злая и богомерзская дела якоже погани»¹⁷⁹. Таким образом, в посланиях митрополита вятчанам внушалась мысль о том, что послушание Московскому князю как православному государю является важным условием сохранения ими своей христианской веры. Иона считает, что сам государь в праве надеяться на такое отношение вятчан, учитывая то, что он-то – Василий II, с точки зрения митрополита, вел себя абсолютно точно так, как должен вести себя правитель-христианин: «...великий князь и до сех мест вам терпел, вас не казнил ожидая от вас вашего челобитья и покаяния»¹⁸⁰.

Покорение вятчан продолжалось на протяжении всех 50-х гг. XV века. В 1458 г. Василий Темный посылал на Вятку князей Ряполовских, но Вятки им взять не удалось. В 1459 г. туда снова были посланы войска, и на этот раз «вятчане доби́ли челом великого князя на всей его воле, как надобе государю великому князю»¹⁸¹.

Однако о том, насколько непрочны были позиции Московского государя в этом крае, говорит следующий факт. В 1469 г. Иван III послал «воевать Казань» своих младших братьев – князя Юрия Василь-

¹⁷⁸ Фрагмент послания митрополита Ионы на Вятку, призывающего сторонников галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки прекратить борьбу против великого князя... // РФА. Т. 1. С. 76.

¹⁷⁹ Послание митрополита Ионы вятским воеводам и всем Вятчанам, с убеждением их покориться великому князю... // РИБ. Т. 6. № 73. Стб. 591–592.

¹⁸⁰ Там же. Стб. 593.

¹⁸¹ Сокращенный летописный свод 1493 года... С. 275.

евича, Андрея Васильевича Большого и «все князи служебные»¹⁸². Одновременно он отправил на Вятку людей, которые «речию великого князя» просили участвовать вятчан в этом походе, т.е. напоминали им об их вассальной обязанности. Те же отказались ее выполнить, сославшись при этом на то, что они заключили мирный договор с Казанью, т.е. аргументировали свой отказ нарушением другого своего вассального долга – ни с кем «ни канчивати» в обход великого князя¹⁸³.

В 1485 г. вятчане открыто отступили от Великого князя¹⁸⁴. И опять мы видим те же самые приемы, используемые Москвой для их подчинения: «Князь же великий посла на вятчан воеводу своего Юрия Шестака Кутузова со многою силою»¹⁸⁵. Одновременно митрополит Геронтий направил на Вятку два гневных послания духовенству и мирянам, очень похожих на те, которые посылал за тридцать лет до этих событий митрополит Иона: «Зоветесь именем хрестьяне, а живете делающе злая дела, горше нечестивых, не по хрестьянству, не по божественному Писанию православныя истинныя христианские веры: ...а за все своему осподарю Великому князю грубите и приставаете к его недругом издавна..., а челом ему за свою грубость не бьете»¹⁸⁶. Таким образом, и здесь конфликт между вассалами и сюзереном подавался обществу духовенством таким образом, что «христианскому государю» противопоставлялись отступившие от православия подданные.

Тот же самый прием был использован и в покорении Москвой Великого Новгорода. Ссылки Новгорода с Литвой нарушали, прежде всего, прерогативы Московского князя в такой области суверенитета, как ведение внешних сношений. Аргументировать же необходимость похода на Новгород, чтобы восстановить нарушенный суверенитет, можно было только апеллируя к той черте образа «православного государя», которая в общественных представлениях объясняла, почему

¹⁸² Там же. С. 276.

¹⁸³ Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. 27. М.–Л., 1962. С. 126.

¹⁸⁴ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 175.

¹⁸⁵ Там же. С. 175.

¹⁸⁶ Послание митрополита Геронтия Вятчанам, с убеждением их покориться Великому князю... // А.И. Т. I. № 98. С. 142.

именно Московский князь имел суверенное право ведения внешней политики. По представлениям духовенства, Новгород действительно нарушил одну из прерогатив Ивана III как «христианского правителя». В данном случае речь идет о том аспекте их представлений, который предполагал обязательную оборону населения православным государем. Поэтому дело было представлено таким образом, что новгородцы не просто по собственной воле желали перейти в «латинство» (хотя известно, что договор, который они заключили с Польским королем, предусматривал полную неприкосновенность православной новгородской церкви, а литовский митрополит Григорий, к которому собирался ехать на «поставление» новгородский архиепископ Феофил, к тому времени уже не был униатом, отрекся от унии, и был признан Константинопольским патриархом Дионисием как митрополит всех русских православных епархий¹⁸⁷), но захотели этого только «прельстившись латинской прелестью». Тем самым Иван III как «православный государь», с точки зрения церкви, получал не только полное право, но даже и обязанность «освободить» своих новгородских заблудших православных подданных от этой «напасти».

Почва для такого восприятия похода была подготовлена как митрополитом Филиппом, так и самим Иваном III. В 1471 г. митрополит писал новгородцам: «А вы сынове, православнии вси людие ноугородстии к латыньстей прелести не приступайте, ни вводите в ваше православие, да сами познайтесь: ни един бо в вас, ни два блазнитесь хотячи отступити от истины и с пути праваго заблудити, а забывая свою великую старину и закона отец своих, да и своих дедов и прадедов, но безчисленное ваше множество народа, души православных людей... И вы, сынове смиритесь под крепкую руку благовернаго и благочестиваго государя русских земель под своего господина под великого князя Ивана Васильевича всея Руси...»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 383; Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С. 164.

¹⁸⁸ Грамота митрополита Филиппа к Новгородцам с убеждением покориться великому князю и не изменять православию через союз с латинами // РИБ. Т. 6. № 102. Стб. 730.

Сам Московский государь также участвовал в подготовке умов к восприятию в определенном ключе намеченной акции: «По сем же князь великий начат по церквам молебная совершати и милостыню много разсылати по земли своей и по церквем и по монастырем, священником и черноризцемъ и нищимъ. В соборную же церковь пречистыя владычица наша богородица приснодевы Мария князь великий вшед к чюдотворней иконе пречистыя владычица Владимирская и многа моления соверши и слезы доволно излия, тако же и пред образом пречистыя чюдотворныя ю же самъ чюдотворецъ Петръ написалъ. По сем же приходитъ ко гробу, иже в святых отца нашего Петра митрополита чюдотворца молебная совершаетъ и слезы изливая, прося помощи и заступления... И шед оттуда, приходилъ в монастырь Архаггела Михаила честнаго его чюда и, вшед въ церковь его, молебная совершаетъ, призывая на помощ того воеводу небесных силъ со многимъ оумилениемъ...»¹⁸⁹ Посещение Иваном III перед походом «монастыря Архаггела Михаила» имело огромное символическое значение, так как архистратиг Михаил «в древнерусской традиции выступает... небесным покровителем богоизбранных князей земли Русской в их ратных делах», «военных и управительских заботах»¹⁹⁰.

Затем Иван III «...паки приходитъ и къ отцу своему Филиппу, митрополиту всея Руси, прося благословения и прощения»¹⁹¹. Таким образом, данный новгородский поход изначально рассматривался духовенством и подавался им обществу как выполнение государем своей прямой христианской обязанности: он осуществлял его не для того, чтобы покарать новгородцев, а для того чтобы «защитить» их от «латинства» и наставить в соблюдении истинной православной веры.

Церковь подчеркивала, что Иван III собирается в поход «...не яко на християнь, но яко на иноязычнникъ и на отступник правосла-

¹⁸⁹ Никаноровская летопись... С. 132.

¹⁹⁰ Маштафаров А.В. Архангельский собор. Введение // Акты Российского государства. Архивы Московских монастырей и соборов XV – начала XVII веков. М., 1998. С. 35.

¹⁹¹ Никаноровская летопись... С. 132.

вия»¹⁹². То есть борьбе за подчинение Новгорода фактически предавалось значение «крестового похода» за сохранение веры.

Московский правитель собирался идти на Новгород «дополна», т.е. задействовать в походе значительное количество своих вассалов, обязанных «садиться на конь» тогда, когда этого пожелает великий князь. Отказ кого-либо из них участвовать, как, например, это сделали двумя годами ранее вятчане, не пришедшие на помощь войскам Московского князя под Казанью, ставил бы их в щекотливое положение вольных или невольных союзников отступающих от православия новгородцев. Согласие же и участие вассалов Ивана III в задуманном Московским правительством походе являлось открытым подтверждением с их стороны за Великим князем значения основного защитника православной веры. В глазах общества того времени это означало и подтверждение за ним прав сюзерена. Получить его Ивану III было особенно важно от тех политических сил, влияние Москвы на которые было еще не достаточным. Таковыми для Московского князя были те же вятчане, окончательное покорение которых произойдет только в 1489 г.

Другой политической силой, участия которой в походе ожидал Иван III, была Тверь. Именно в отношении тверских князей источники подтверждают стремление закрепить за собой значение истинных и единственных защитников православия. Особенно стремился к этому Тверской великий князь Борис Александрович (1425–1461 гг.).

Участие Твери в указанном походе означало публичное признание за Московским князем тех функций, на которые еще совсем недавно претендовали тверские правители. В этой ситуации тверичи оказывались только «помощниками» христианского князя Ивана Васильевича в его борьбе за православие новгородцев. И именно «помочи» просил (пока еще не требовал, как от вятчан) Московский князь от Твери¹⁹³.

¹⁹² Там же. С. 132.

¹⁹³ Там же. С. 131, 132; Летописный свод 1497 года... С. 124.

Уже в 1485 г. Тверь разделила участь Новгорода. Поход на нее был организован потому, что Тверской князь Михаил Борисович «...посылал грамоты к королю Литовскому Казимиру, а подымал его войском на великого князя Ивана Васильевича всея Руси»¹⁹⁴, т.е. с точки зрения духовенства, совершил антихристианский поступок. При этом летописец подчеркивал, что речь идет о том самом Казимире, который «...приводил царя Ахмата Большие Орды со всеми силами на великого князя Ивана Васильевича, а хотячи разорити христианскую веру»¹⁹⁵.

Еще одной важной победой Ивана III на пути концентрации власти в своих руках стало усмирение им мятежа родных братьев в 1480 году. Чуть ранее Иван III судил своего наместника в Великих Луках князя Ивана Васильевича Лыко-Оболенского по жалобам местных жителей. Однако опальный «служебный» князь ушел под защиту удельного Волоцкого правителя Бориса Васильевича¹⁹⁶. Скоро он все же был схвачен Иваном III, и его арест послужил поводом к конфликту между Великим князем и его братьями – Андреем Большим и Борисом. Функцию третейского судьи в споре между собой и державным родственником удельные государи возложили на Польского короля и великого Литовского князя Казимира. К взбунтовавшимся братьям Иван III несколько раз отправлял послов с предложением о мире: сначала своего боярина Андрея Михайловича, затем своего духовного отца архиепископа Вассиана, Василия Федоровича Образца и Василия Федоровича Тучка, «...рекучи: «Пойдите на своя отчины, а яз всем хоцю вас жаловати, а князю Андрею даючи к его отчине и к материну данию Колугу да Олексин, два города на Оке... Они же ни в чем не послушаша великого князя и не пойдоша»¹⁹⁷.

Вскоре же «безбожный царь Ахматъ Болшиа Орды поиде на православное христианство на Русь, на святыя церкви и на великого кня-

¹⁹⁴ Сокращенный летописный свод 1493 года... С. 287.

¹⁹⁵ Там же. С. 286.

¹⁹⁶ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси... С. 112.

¹⁹⁷ Летописный свод 1497 года... С. 149.

зя похваляся разорити церкви святыя и все православие пленити, а самого великого князя, яко же при Баты было»¹⁹⁸.

Казалось бы, сложное положение, в котором очутился Иван III, должно было быть выгодно использовано его братьями, чтобы добиться выполнения своих требований. Вместо этого «...князь Андрей и Борис прислаша бити челом дяков своих...»¹⁹⁹. Это при всем том, что еще до похода царя Ахмата они отказались от предложений и вотчин, которые давал им Иван III. Не менее странно в этой ситуации повел себя Иван Васильевич: «...Князь же великий отмолви им и не прия челобития их»²⁰⁰.

Только после того как Иван III вернулся от войска с Угры на совет в Москву, он принял послов от братьев с предложением о мире и «пожаловал» их, а «братъей велел к себе пойти вборзе»²⁰¹.

Такое несколько противоречивое поведение мятежников историки склонны объяснять тем, что они «не нашли поддержки у населения», поэтому и «мятеж сошел на нет»²⁰².

К этому справедливому объяснению можно добавить еще несколько штрихов. С того времени как «царь Ахмат» подошел к Угре, а Великий князь выступил в поход «за православное христианство противу бесерменству», братья Ивана III оказались в положении противостояния ему как «христианскому государю», защищающему православие, а их внутрисемейный конфликт получал у общества и духовенства совершенно иное звучание и резонанс. В этой ситуации не в пользу удельных князей было и то обстоятельство, что право рассудить их с Иваном III они предоставили польскому королю, который «...бо и подвел на великаго князя, хотя разорити християнство»²⁰³.

Угроза в перспективе предстать в глазах церкви и населения в роли пособников «безбожных татар» и противников «православного

¹⁹⁸ Сокращенный летописный свод 1493 года... С. 282.

¹⁹⁹ Летописный свод 1497 года... С. 149.

²⁰⁰ Там же. С. 149.

²⁰¹ Летописный свод 1497 года... С. 150; Сокращенный летописный свод 1495 года... С. 335.

²⁰² Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси... С. 124.

²⁰³ Летописный свод 1497 года... С. 149.

государя» «всея Руси» давала в руки Ивана III серьезный аргумент в борьбе с самостоятельностью строптивых братьев – удельных князей. И только после того как великий князь позволил им прийти к себе на Угру «...со своими силами на помощь... противу царя Ахмата...»²⁰⁴, эта угроза, прослыть отступниками от православия, была снята.

Конфликт между удельными князьями и Иваном III на этом не закончился. В 1491 году великий князь послал войско на ордынского царя «Сеить-Ахмета», «а князю Андрею Васильевичю и князю Борису Васильевичу, братии своей велел послать своих воевод с силою вместе же с своими воеводами. И князь Борис Васильевич воеводу своего послал с великого князя воеводами, а князь Андрей Васильевич воеводы и силы своя не послал»²⁰⁵. После этого, в том же 1491 году, Иван III бросил брата в темницу, где тот через два года умер²⁰⁶. Интересно, что в обвинении князю Андрею Васильевичу припомнили и события десятилетней давности о том, что он «...отбежал от великого князя, да посылал грамоты свои къ царю Ахмату Болшия Орды, приводя его на великого князя, на Русскую землю...»²⁰⁷. Таким образом, даже через десять лет Иван III не забыл воспользоваться той ситуацией, когда он как православный государь вышел на защиту веры, а братья оказались в сомнительном положении его противников, а значит пособников татар.

Образ «христианского князя», сформированный духовенством и активно использовавшийся в политической практике Москвы, являлся не только инструментом идейного влияния церкви на те политические силы, которые стремился поставить под свой контроль Московский властитель.

Представления духовенства о «христианском князе» корректировали и действия самой московской власти.

Тот же Василий Темный, видимо, был убежден, что те или иные беды, которые испытывали москвичи, являлись следствием его гре-

²⁰⁴ Сокращенный летописный свод 1493 года... С. 283.

²⁰⁵ Там же. С. 290.

²⁰⁶ Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII вв. ... С. 201.

²⁰⁷ Сокращенный летописный свод 1493 года... С. 291.

ховного поведения. В 1451 г., возвратившись в Москву после отхода осаждавших ее татар, он говорил жителям: «Се найде на вась моих ради грехов, но вы не оунывайте, каждо вас ставите храмины по своих местех, а яз жаловати рад и лготу дати»²⁰⁸.

В военных действиях против иноверцев войска великого князя никогда не стеснялись в средствах борьбы. Например, о походе 1468 г. московской рати «в землю Чермискую...» летописец холодно сообщает, что она «...много зла оучиниша земли той, люди изсекоша, а иных в плен поведоша, а иных многих изжгоша, ... а чего нелзе собою имати, то все исекоша, а что было живота их, то все взяша и повоеваша всю землю ту, а досталь пожгоша»²⁰⁹.

Источники приводят примеры того, что точно также поступала рать великого князя и по отношению к православному населению. Однако такое поведение летописями считается не только предосудительным, но оно еще и не может принести ничего хорошего тем, кто так поступает. Например, во время своего похода на царя «Махмета», захватившего Белев, московское войско по дороге «...все пограбиша оу своего же православнаго христианства и мучаху людей из добытка и животину бьюще назад себе отсылаху, а ни с чим же не разойдяхуся, все грабляхоу и неподобная скверная деяху»²¹⁰. Битва же, на которую пришла великокняжеская рать, была проиграна. Причина поражения московского войска для летописца очевидна: «Неправедне бо ходящим нашим и свое христианство преже губящим»²¹¹. Такие оценки по православной шкале ценностей учитывались властью.

Так, в тех случаях, где поход на тот или иной «православный» город возглавлял сам великий князь, он стремился ограждать мирное христианское население от собственной рати: православный государь в представлениях, формируемых духовенством, должен был проявлять милосердие по отношению к христианам. В 1454 г. «...князь великий, пришед к Можайску», вотчинник которого бежал в Литву,

²⁰⁸ Никаноровская летопись... С. 117.

²⁰⁹ Летописный свод 1497 года... С. 118.

²¹⁰ Никаноровская летопись... С. 107.

²¹¹ Там же. С. 107.

«..взят его и, оумилосердився на вся сущая во граде том, пожалова их и, наместники своя посадив, возвратися к Москве»²¹². Еще в 1450 г. точно также «милосердно» Василий Темный поступил с Галичем²¹³.

В 1485 г. после взятия Твери Иван III «...велел граждан всех к целованию привести да и от своей силы беречи, чтобы их не грабили»²¹⁴.

Очень хорошо иллюстрирует стремление власти поддерживать у русского духовенства и общества в целом представление о своем православном характере наступление Ивана III в 1471 г. на Новгород. В этом походе «все же князи поидоша кииждо из своего отчины разными дорогами со всех рубежев, воююще и секуще и в плен ведяху... Воеводы же великаго князя князь Данило и Феодор идуци к Русе многие волости и села плениша и множество полону имаше»²¹⁵. В этой военной акции участвовали и татары царевича Данияра. «Татаром же князь великий не повеле людей пленити»²¹⁶. Очевидно, Ивану III было совершенно не нужно, чтобы поход, задуманный как стремление христианского правителя сохранить в православии своих новгородских подданных, хоть чем-то напоминал ордынские набеги и мог быть оценен духовенством и обществом в отрицательном ключе.

Отнюдь не все политические планы и действия московских князей соответствовали представлениям о «православном государе».

Далеко не «христианское» поведение показал Василий II в отношении жителей Галича в 1434 г., когда он «...сам собрав силу, пошел на Галич и Галич взял, много зла сотворилъ Галичу»²¹⁷. Город был разорен и сожжен Василием Темным. В 1456 г. он бросил в тюрьму Боровско-Серпуховского князя Василия Ярославича, где тот и умер²¹⁸.

²¹² Летописный свод 1497 года... С. 112.

²¹³ Там же. С. 110.

²¹⁴ Сокращенный летописный свод 1493 года... С. 287.

²¹⁵ Летописный свод 1497 года... С. 143.

²¹⁶ Там же. С. 143.

²¹⁷ Тверская летопись... Стб. 490.

²¹⁸ Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. //Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 72.

В 1462 г. Василий II казнил серпуховских дворян, обвиненных в заговоре: князь «повеле всех имати и казнити, и бити кнутъемъ, и сечи руки и ноги, и носы резати, а иным главы отсекасти»²¹⁹. В Севернорусском летописном своде 1472 г. об этой казни написано: «...ибо никогда до того о таком и не слыхивали, не то чтоб видели, чтобы так у русских князей бывало, ведь к тому же и недостойно православного великого государя, единственного во всей вселенной, подобными казнями казнить и кровь проливать в святой великий пост»²²⁰. (Казнь была совершена в «великое говение на Феодоровой неделе».)²²¹.

В челобитной новгородского архиепископа к Ивану III в 1471 г. во время его похода на Новгород была просьба, чтобы он «...не велел бы более того казнити, грабити, жещи и пленити»²²².

Тем не менее, даже когда «Северный летописец» осуждал Василия Темного за его расправу с серпуховскими дворянами, «...он не в малейшей степени не сомневался в его положении «осподаря» русских земель»²²³, а значит и в его значении христианского правителя. Тем более что в подобных случаях церковь всегда открывала для великих князей пути к покаянию в содеянных грехах. К тому же в образе «православного государя», предлагаемом обществу русским духовенством, черта покаяния занимала не последнее место. А московские князья хорошо знали о его спасительной силе из многочисленных адресованных им церковных поучений.

В покаянии князей за свое поведение, которое они проявляли перед Церковным собором, и реализовывалась форма их отчетности как христианских властителей. Одновременно через Собор церковь осуществляла публичную оценку великокняжеской политики.

К такому покаянию прибегал и Дмитрий Шемяка, и Василий II, и Иван III. После того как Галицкий князь нарушил клятву, данную Рязанскому епископу Ионе, и захватил детей уже ослепленного Василия

²¹⁹ Никаноровская летопись... С. 122, 123.

²²⁰ Севернорусский летописный свод 1472 года... С. 431.

²²¹ Сокращенный летописный свод 1495 года... С. 349.

²²² Летописный свод 1497 года... С. 128.

²²³ Лурье Я.С. Две истории Руси XV в. ... С. 163.

Темного, он собрал собор «епископов и архимандритов», на котором ему пришлось «прощения просити и каятися»²²⁴.

В 1447 г. в Углич вместе с Дмитрием Шемякой прибыли «всьи епископи земли Руския» для того, чтобы освободить Василия II из заточения. Освобожденный же «князь великий смиряся и во всемь вину сам на ся возлагая: «Яко и не сие мне пострадати было грех моих ради и беззаконии многих и преступленный въ хрестномъ целовании пред вами, пред своею старешую, перед братьею и предо всем православным христьянствомъ, его же изгубих и еще изгубити хотель есмь до конца. Достоинь есмь был главныя казни, но ты, государь мой, покажь еси на мне милосердие, не погубиль еси мене с безаконьми моими, но да покаюся золь моих...»²²⁵. Своим публичным покаянием великий князь, во-первых, показывал, что его грехи – это грехи истинного православного государя, т.к. они касаются судьбы всего русского христианства. Во-вторых, его покаяние произносилось перед «вси епископи и честнии архимандрити, и игумены»²²⁶, «бяху же ту... и бояре многи, и дети боярские»²²⁷. Оно ожидало определенной одобрительной реакции с их стороны, и последняя не заставила себя ждать: «...яко всеме сущимъ ту дивитися таковому смирению и оумилению, и плакахуся вси смотрящи его»²²⁸. Тем самым Василий II добивался симпатии присутствующих и необходимой ему в дальнейшей борьбе за престол поддержки общественного мнения.

К публичному покаянию приходилось прибегать и сыну Василия Темного – Ивану III. В 1493 г. умер в заточении родной брат великого князя Андрей Васильевич, брошенный туда по его приказу. Это событие было воспринято в обществе не в пользу Московского государя. Известно, например, что Иосиф Волоцкий, подразумевая смерть Андрея Васильевича, называл Ивана III «царем-мучителем» и даже

²²⁴ Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII вв. ... С. 179; Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 116.

²²⁵ Никаноровская летопись... С. 112–113.

²²⁶ Там же. С. 112.

²²⁷ Там же. С. 113.

²²⁸ Там же. С. 112–113.

«обновителем древнему Каинову злу»²²⁹. Поэтому «князь великий Иван Васильевич всеа Руси, поговоря со отцем своим с митрополитом Симаном, послали по владыки свои грамоты..., а веля им быти к себе на Москву ко сроком»²³⁰. Собор состоялся 26 октября 1496 года²³¹. На нем Иван III «...въстав пред своими отцем митрополитом, и архиепископом, и епископы начаша бити челом пред ними с оумилением и с великими слезами, а прося оу них прощения о своем брате князе Андрее Василичеве, что своим грехом и неосторожею его оуморил в нужи, а стоя пред ними долго время»²³². Духовные отцы же «...едва простиша и, и понаказавше его впредь и как бы ему своя душа исправити пред Богом»²³³. Это покаяние Ивана III было определенным публичным ответом на негативное восприятие обществом его борьбы с родным братом и имело целью восстановить в общественном мнении представление о Московском князе как о «православном государе».

Таким образом, влияние церковных представлений о «православном государе» на политическую практику XV века можно разделить на два направления. Первое предполагало корректировку тех или иных политических действий князя в соответствии с видением его легитимных функций. Речь идет о тех случаях, когда государю приходилось действовать в рамках сформированных духовенством представлений о законной власти. В этом смысле образ христианского властителя выполнял ограничительную функцию и в то же время способствовал тому, чтобы политические акции воспринимались как законные действия. В данном случае образ «православного государя» требовал соблюдения основных предлагаемых им правил поведения самим носителем верховной власти.

²²⁹ Лурье Я.С. Две истории Руси XV в. ... С. 218.

²³⁰ Летописный свод 1497 года... С. 160.

²³¹ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси... С. 177.

²³² Летописный свод 1497 года... С. 160.

²³³ Там же. С. 160.

Второе направление предполагало не только определенные действия со стороны Великого князя, но и ответные контрдействия других политических сил по отношению к нему как к главе всего православного населения.

Если в первом случае в качестве ответа на акции верховной власти ожидалось пассивное признание их легитимности, что было особенно важно по отношению к тем действиям, которые были направлены на умаление суверенных прав различных великих и удельных правителей, то во втором – предполагалось выполнение более или менее конкретных и активных шагов, чаще всего определенных религиозно-этических обязательств по отношению к самому «христианскому государю». В результате по мере закрепления за главой Московского великокняжеского дома тех или иных атрибутов образа «православного князя» и, прежде всего, функции защитника и «оборонителя» христиан остальные более или менее влиятельные политические силы начинали восприниматься как обязательные помощники Московского властителя в деле защиты православной веры со всеми вытекающими для них последствиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема участия русской православной церкви в объединительном процессе Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI вв. в своем развитии как самостоятельный сюжет отечественной истории насчитывает более ста лет. Между тем количество специальных обращений к ней за этот солидный срок невелико. Немалую роль в этом играли хитросплетения общественно-политических и общенаучных обстоятельств, сопровождавших движение проблемы по российскому историографическому пространству.

Еще менее выраженным был историографический интерес к проблематике, чаще имевшей косвенное отражение в исторической литературе.

Между тем это один из тех вопросов, историографическое изучение которого позволяет точнее и глубже раскрывать особенности трансформаций отечественной исторической науки в дореволюционный и советский периоды в целом.

Развитие указанной темы отразило многие узловые события и важнейшие специфические процессы российской историографии, носило поступательный характер и включало несколько этапов.

Ее выделение в самостоятельный сюжет дореволюционной историографии связано с процессом становления социально-политической истории в целом и церковно-политической проблематики, в частности, наблюдавшимся во второй половине XIX – начале XX вв.

Итогом исканий в этой области дореволюционных историков стала созданная ими исследовательская модель политического устройства Древней Руси, основанная на положениях философии позитивизма. Она позволяла выйти за рамки традиционных оценок вопроса, сделанных «государственной школой», по сути предлагавшей рассматривать церковь эпохи объединения как элемент великокняжеской системы управления, как одно из направлений московской вотчинной администрации.

Данная модель переводила указанную тему из политической в социально-политическую плоскость и позиционировала церковь как фактор государственного устройства того времени. Однако схематизм и априорность исторических оценок, с одной стороны, и устойчивость восприятий комплекса материалов по теме, настроенного «государственной школой» на изучение проблематики в сугубо политическом ключе, а также позитивистская специфика представлений о характере исторической информации и способах ее извлечения из источника, с другой —, не позволили удачно реализовать эту модель на уровне источниковедческой практики конкретных работ, посвященных вопросам влияния церкви на формирование единого Русского государства.

Данная проблема была решена советской исторической наукой, определявшей церковь в качестве одного из ключевых участников феодальных общественно-экономических и политических отношений эпохи объединения. Освоение монастырских архивов и новые принципы группировки актов церковного материала, предложенные историками, позволили показать церковь того времени как корпоративную структуру, обладавшую мощной материальной базой и состоявшую из ряда хозяйствующих субъектов с собственной юрисдикцией, экономическими и политическими интересами. Однако общетеоретические установки: принцип партийности, представления о классовом характере государства и относительной самостоятельности идеологической сферы, вопросы внутриклассовой борьбы, противопоставление церковной и народной средневековых культурных традиций — все это придавало результатам конкретных исследований проблемы советскими историками характер антиномий. От их решения зависел выход на новый уровень освоения темы.

Определенные подвижки в этом направлении можно обнаружить в трудах исследователей 1960–1970-х гг. Анатолия Михайловича Сахарова и Александра Александровича Зимина. В ряде теоретических и историографических работ Сахарова были сделаны первые шаги к изучению вопроса в культурно-политическом контексте. Подход

к изучению темы с точки зрения особенностей политической культуры эпохи объединения позволил представить в качестве отдельных сторон проблемы вопросы единства политических взглядов духовенства, их соотношения со «светской» стороной «объединительной идеологии», их способов отражения в политической практике и в поведении участников государственного строительства. Однако в советской историографии эти вопросы сохранили открытый характер. Общетеоретические установки по теме, их идеологическая заданность не способствовали изучению указанной проблемы в подобном ключе. Лишь в 1989 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована комплексная программа «Роль религий в истории и современном мире», заявившая о необходимости учитывать все социальные функции религии, включая мировоззренческую, регуляторную, коммуникативную, интегративную и, по сути, предлагавшая открыть новую страницу в изучении проблематики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Историографические источники

1. Алексеев Ю.Г. Землевладение Переяславского уезда XV – начала XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИИ, 1964.
2. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси (Об Иване III). Новосибирск, 1991.
3. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988.
4. Базилевич К.В. Образование русского национального государства. М.: 7-я тип. Военного изд-ва им.Тимошенко, 1946.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.
6. Безобразов П. Византийский царь на московском престоле // Исторический Вестник. 1889. № 5.
7. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004.
8. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1–2. СПб., 1881.
9. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1986.
10. Борисов Н.С. Московские князья и русские митрополиты XIV в. // Вопросы истории. 1986. № 8.
11. Борисов Н.С., Хорошев А.С. По поводу одной рецензии // Вопросы истории. 1989. № 10.
12. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси.(XI–XIV века). М.: Изд-во АН СССР, 1960.
13. Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по “житиям святых”). М.: Наука, 1966.
14. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006.
15. Вальденберг В.Е. История политических учений как наука (Вступ. лекция приват-доцента В.Е. Вальденберга, прочитанная в Санкт-Петербургском университете 18 янв. 1901 г.) // Право. Еженедельная юридическая газета 1901. № 9.
16. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Вып. 1. История русского государственного права. Киев: Тип. Г.Л. Францкевича, 1886.
17. Владимирский-Буданов М.Ф. Новые исследования о Боярской Думе // Сборник государственных знаний. Т. III. СПб., 1880.
18. Галкин В.А. Роль народных масс в образовании русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1958.
19. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1–2. Репринт. М., 1997.
20. Гольдберг А.Л. Историко-политические идеи русской книжности XV–XVII веков // История СССР. 1975. № 4.
21. Горчаков М. «История русской церкви» Макария, архиепископа Литовского и Виленского // Сборник государственных знаний. Т. II. СПб., 1875.

22. Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная на годичном акте Императорского Санкт-Петербургского университета, 8 февраля 1873 года // Соч. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899.
23. Градовский А.Д. Государственный строй Древней России (по поводу книги В.И. Сергеевича «Вече и князь») // Соч. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899.
24. Градовский А.Д. Общество и государство (теоретические очерки)//Соч. Т. III. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899.
25. Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви /http://www.krotov.info/history/11/smo/dobrok_0.htm
26. Дьяконов М.А. Власть Московских государей. СПб., 1889.
27. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982.
28. Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3.
29. Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука, 1969.
30. Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени М.: Мысль., 1972.
31. Зимин А.А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.
32. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века. М., 1991.
33. Знаменский П. Учебное руководство по истории русской церкви. СПб.: Синодальная типография, 1904.
34. Зоц В.А. Духовная культура и православие. М., 1974.
35. Иванян Э.А. Социальная роль средневековой религиозной пропаганды // Вопросы истории. 1973. № 2.
36. Иконников В. О культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.
37. Тихвинский С.Л. Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопросы истории. 1985. № 7.
38. Каждан А.П. Социальные группировки в составе византийского духовенства // Вопросы Истории. 1971. № 2.
39. Калачов Н.И. О значении Кормчей в системе древнерусского права. М.: Универ. тип., 1850.
40. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993.
41. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М.: Наука, 1967.
42. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. М.: Наука, 1977.
43. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988.
44. Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1882 // dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_boyarskaya_duma.html
45. Ключевский В.О. Курс Русской истории. Кн. II. М., 1988.

46. Костомаров Н.И. Начало единой державы в Древней Руси // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 5. Т. 12. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1903.
47. Красников Н.П. Русское православие, государство и культура (исторический аспект). М., 1989.
48. Курганов Ф.А. Византийский идеал царя и царства // Православный собеседник. 1881. № 5.
49. Кучкин В.А., Флоря Б.Н. О профессиональном уровне книг по истории русской церкви // Вопросы истории. 1988. № 11.
50. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI веков. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
51. Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Л.–М., 1939.
52. Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 4. Ч. 1–2. М., 1994.
53. Макарихин В.П. Объединительное движение на Руси в XIV–XV веках. Учебное пособие. Горький: Изд-во Горьковского университета, 1981.
54. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. М., 1994.
55. Михайлов М.М. История русского права. СПб., 1871.
56. Муравьева Л.Л. Духовная культура Северо-Восточной Руси (XIV – первая половина XV века) // Вопросы истории. 1973. № 10.
57. Назаров В.Д., Репина Л.П. «Чтения, посвященные памяти академиков С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина» // Вопросы истории. 1984. № 2.
58. Назаров В.Д., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии // Вопросы истории. 1976. №4.
59. Невоструев К.И. Материалы для истории русской церкви. Т. 1,2. Харьков: Универ. тип., 1862–1863.
60. Невоструев К.И. Рассмотрение книги И. Хрущева: «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого СПб., 1868». СПб, 1870.
61. Никольский Н.М. История русской церкви. Мн., 1990.
62. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894.
63. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2 СПб., 1896.
64. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1996.
65. Полевой Н.А. История русского народа. В 6-ти т. Т. V. М., 1833.
66. Попов А. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.
67. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998.
68. Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901.
69. Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных // Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1991.
70. Самоквасов Д.Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. Ч. 1. Современное состояние вопроса о государственных и обще-

ственных отношениях в удельный период древней Руси // ЖМНП. СПб., 1869. Ч. CXLVI.

71. Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (Из истории русской исторической науки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1972.

72. Сахаров А.М. Проблема образования русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 9.

73. Сахаров А.М. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР 1976. № 6.

74. Сахаров А.М. Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1.

75. Сахаров А.М. О некоторых вопросах историографических исследований // Вестник МГУ. Сер. «История». 1973. № 6.

76. Сахаров А.М. О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3.

77. Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1959.

78. Сахаров А.М. Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс // Вопросы научного атеизма. 1976. № 20.

79. Сахаров А.М. Церковь в период монголо-татарского ига и объединения русских земель в единое государство // Церковь в истории России (IX–1917 г.): критические очерки. М.: Наука, 1967.

80. Сахаров А.М. Церковь и образование русского централизованного государства // Церковь в истории России (IX–1917 г.): критические очерки. М.: Наука, 1967.

81. Сахаров А.М. Церковь и образование русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1.

82. Сахаров А.М. Некоторые вопросы истории СССР феодального периода // Преподавание истории в школе. 1963. № 3.

83. Сахаров А.М. Религия и церковь // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 2. Духовная культура. М., 1970.

84. Сахаров А.М., Зимин, А.А., Корецкий В.И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XV вв.) // Русское православие: веки истории: Сб. ст. М., 1989.

85. Сахаров А. М. Выступление на VI Советско-финском симпозиуме историков // Методология истории и историография. М.: Изд-во МГУ, 1981.

86. Сахаров А.М. О некоторых вопросах методологии истории культуры // Методология истории и историография. М.: Изд-во МГУ, 1981.

87. Сергеевич В.И. Задача и метода государственной науки. Очерки современной политической литературы. М.: Тип. Грачева и К., 1871.

88. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894.

89. Сергеевич В.И. Опыты исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. № 1,2.

90. Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II. Вып. Второй. Советники князя. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896.

91. Сергеевич В.И. Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. № 1–2.
92. Сергеевич В.И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т. VII. СПб., 1879.
93. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакции и тексты. М.: Типография императорского Общества истории и древностей российских, 1915.
94. Скрынников Р.Г. Святители и власти (XI–XVII вв.). Л., 1990.
95. Сокольский В.В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI вв. (Исследование по памятникам древнерусской письменности конца XV и первой половины XVI вв.). Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1902.
96. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрика до ма. М., 1847// dugward.ru/lidrary/solovyev_s_m//solovyev_s_m_istoria_Otnosheniy
97. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 4. М., 1988.
98. Станкевич Н.В. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Учёные записки Моск. ун-та. Ч. V. 1834.
99. Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. 1., СПб., 1863.
100. Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884.
101. Филарет (Гумилевский). История русской церкви (В пяти периодах). М., 2001.
102. Филарет (Дроздов). О государстве. Тверь, 1992.
103. Хлебников Н. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869.
104. Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
105. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986.
106. Хорошкевич А.Л. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство в феодальной России: Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л.В. Черепнина М.: Наука, 1975.
107. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
108. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960.
109. Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М.: Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858.
110. Чичуров И.С. К вопросу о формировании идеологии господствующего класса Древней Руси в конце XV–XVI вв. // Общество и государство в феодальной России: Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л.В. Черепнина М.: Наука, 1975.
111. Шамаро А.А. Православие и русская культура: церковные притязания и историческая реальность. М., 1980.
112. Шмеман А. Исторический путь православия. М., 1993.

113. Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества: княжение Василия Васильевича Темного. Киев.: Тип. Импер. ун-та им. Св. Владимира, 1904. Ч. 1.
114. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси (Кормчие книги) в XI–XV веках: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975.
115. Щапов Я.Н. Церковь в Древней Руси // Русское православие: веки истории: Сб. ст. М., 1989.

Источники периода образования единого русского государства

а) Произведения русской агиографии

1. Краткая проложная редакция Жития благоверного князя Владимира // Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакции и тексты. М.: Типография императорского Общества истории и древностей российских, 1915.
2. Краткая проложная (ростовская) редакция Сказания о Благоверном князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре // Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития...
3. Краткая проложная редакция Жития Благоверного князя Федора Ярославского // Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития...
4. Краткая проложная редакция Жития Благоверного князя Довмонта Псковского // Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития...
5. Житие Александра Невского. Первая редакция по списку ГИМ, Синодальное собр. №154 // Кусков В.В. Древнерусские княжеские жития. М.: Кругъ, 2001.

б) Художественно-публицистические источники

6. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Семеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б.А. Рыбакова. СПб.: ИРИ РАН, 1998.
7. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. Список Н.М. Карамзина // Памятники Куликовского цикла.
8. Краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку // Памятники Куликовского цикла.
9. Сказание о Мамаевом побоище. (Вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла.
10. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // Памятники литературы Древней Руси XIV – середины XV веков. М., 1981.
11. Сказание о благоверном князе Довмонте и храбрости его // ПЛДР XIV – середины XV веков. М., 1981.
12. Сказание об Едигее, князе ордынском, который разорил Московскую землю // ПЛДР XIV – середины XV веков. М., 1981.
13. Повесть об ослеплении Василия II // ПЛДР XIV – первой половины XV вв. М., 1981.

14. Смиренного инокa Фомы слово похвальное о Благоверном великом князе Борисе Александровиче... // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982.
15. Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша // Русские повести XV–XVI веков / Сост. М.О. Скрипиль. М.–Л., 1958.

в) Документальные материалы

16. Послание Белозерского монастыря игумена Кирилла Великому князю Василию Дмитриевичу о том, чтобы он помирился с Суздальскими князьями // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1 СПб., 1841. Т.1. № 12.
17. Послание Белозерского монастыря игумена Кирилла Можайскому князю Андрею Дмитриевичу... // А.И. Т. 1. № 16.
18. Послание митрополита Фотия псковичам по случаю моровой язвы // А.И. Т. 1. № 30.
19. Послание Российского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу // А.И. Т. 1. № 40.
20. Послание митрополита Ионы новгородцам о прекращении междоусобий // А.И. Т. 1. № 44.
21. Послание митрополита Ионы Тверскому епископу Илии.... // А.И. Т. 1. № 51.
22. Послание митрополита Ионы Смоленскому епископу Мисаилу об измене и бегстве в Литву Можайского князя Иоанна Андреевича ... // А.И. Т. 1. № 56.
23. Послание митрополита Геронтия Вятчанам, с убеждением их покориться Великому князю и не приставать к его недругам // А.И. Т. 1. № 98.
24. Окружное послание митрополита Фотия о незаконном поставлении литовскими епископами Григория Цамблака на Киевскую митрополию // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1880. № 39.
25. Грамота Константинопольского патриарха Иосифа II к митрополиту Фотию о Григории Цамблаке // РИБ. Т.6. № 40.
26. Чин избрания и поставления в епископы // РИБ. Т. 6. № 52.
27. Послание великого князя Василия Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану об отступлении от православия митрополита Исидора // РИБ. Т. 6. № 62.
28. Грамота митрополита Ионы литовским князьям, панам, боярам, наместникам и всему народу с извещением о своем поставлении // РИБ. Т. 6. № 64.
29. Послание митрополита Ионы вятским воеводам и всем Вятчанам, с убеждением их покориться великому князю... // РИБ. Т.6. № 73.
30. Послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Ионе об охране паствы от наветов Киевского митрополита Григория / РИБ. Т. 6. № 86.
31. Послание митрополита Ионы во Псков о соблюдении православной веры во всей чистоте и о верности великому князю // РИБ. Т. 6. № 90.
32. Грамота митрополита Филиппа к Новгородцам с убеждением покориться великому князю и не изменять православию через союз с латинами // РИБ. Т. 6. № 102.

33. Настольная грамота патриарха Филофея владимирскому епископу Алексию на митрополию Киевскую и всея Руси // РИБ. Приложения. Т. 6. № 9.
34. Грамота патриарха Филофея к великому князю Дмитрию Ивановичу, похвальная за добрыя отношения к церкви с известием о грамотах, посланных к другим князьям и к митрополиту // РИБ. Приложения. Т. 6. № 16.
35. Грамота патриарха филофея к митрополиту Алексию, похвальная за добрыя отношения к патриаршему престолу // РИБ. Приложения. Т. 6. № 17.
36. Грамота патриарха Филофея к русским князьям с увещаниями повиноваться митрополиту // РИБ. Приложения. Т. 6. № 18.
37. Соборное определение патриарха Антония о низложении митрополита Пимена и о возстановлении Киприана в звании митрополита Киевского и всея Руси... // РИБ. Приложения. Т. 6. № 33.
38. Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу с известием о мерах, принятых против непокорных митрополиту новгородцев и с укоризною за неуважение к патриарху и царю // РИБ. Приложение. Т. 6. № 40.
39. Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // ПЛДР XIV – середины XV веков. М., 1981.
40. Формулярный извод послания митрополита Ионы Смоленскому епископу Михаилу с предписанием не признавать митрополитом униата Григория, прибывшего в Литву с папскими ставленными грамотами // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI веков. (Сборник.) / Под ред. В.И. Буганова. В 5-и т. Т. 1–3. Т.1. М., 1986. № 24.
41. Формулярный извод послания малого собора Московской митрополии Галицкому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке, призывающего Шемяку к покорности великому князю Василию Васильевичу // РФА. Т. 1. № 19.
42. Фрагмент послания митрополита Ионы на Вятку, призывающего сторонников галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки прекратить борьбу против великого князя Василия Васильевича // РФА. Т. 1. № 7.
43. Грамота великого князя Василия Васильевича королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV / Докончание великого князя Василия Васильевича с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.–Л., 1950. № 53.
44. Грамота великого князя Василия Васильевича князю Дмитрию Юрьевичу / Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем // ДДГ. № 38, I.
45. Грамота великого князя Ивана Васильевича князю Андрею Васильевичу / Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем углицким Андреем Васильевичем. // ДДГ. № 70.
46. Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича // Памятники русского права / Памятники русского права. Под ред. проф. Л. В. Черепнина. Вып.3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV века. М.: Госюриздат, 1955.
47. Грамота великого князя Василия Дмитриевича великому князю Федору Ольговичу / Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем // ПРП. Вып. 3. № 19.

48. Грамота князя Василия Ярославича великому князю Василию Васильевичу / Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем // ПРП. Вып. 3. № 27.
49. Грамота князя Василия Юрьевича великому князю Василию Васильевичу / Докончание великого князя Василия Васильевича с князем углециким Василием Юрьевичем // ПРП. Вып. 3. № 36.
50. Грамота князей Ивана Андреевича и Михаила Андреевича великому князю Василию Васильевичу / Докончание великого князя Василия Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем и верейским и белозерским Михаилом Андреевичем // ПРП. Вып. 3. № 31.
51. Грамота великого князя Василия Дмитриевича великому князю Михаилу Александровичу / Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем // ПРП. Вып. 3. № 15.
52. Грамота великого князя Бориса Александровича великому князю Василию Васильевичу / Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем // ПРП. Вып. 3. № 37.

г) Летописи

53. Летописный свод 1497 года // ПСРЛ. Т. 28. М.–Л., 1963.
54. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.
55. Никаноровская летопись – Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. Т. 27. М.–Л., 1962.
56. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922.
57. Севернорусский летописный свод 1472 года // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982.
58. Сокращенный летописный свод 1493 года // ПСРЛ. Т. 27. М.–Л., 1962.
59. Сокращенный летописный свод 1495 года // ПСРЛ. Т. 27. М.–Л., 1962.
60. Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922.

Литература

1. Адрианова-Перетц В.П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ. Т. XX. Л.: Наука, 1964.
2. Ананьич Б. В., Панях В. М. О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5.
3. Андреев И.Л., Каменский А.Б., Назаров В.Д. Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. Международная конференция // Отечественная история. 1995. № 3.
4. Андреева Е.А. Поэтика и жанровое своеобразие древнерусских произведений о Михаиле Ярославиче Тверском: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2011.

5. Артамонов Ю.А. Княжеская власть и русская агиография XI–XII вв. (история создания агиографических сочинений Киево-печерской традиции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
6. Бажура Е.А. Проблема становления самодержавия в курсовых сочинениях студентов Казанской духовной академии в конце XIX – начале XX вв. // Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории / Отв. ред. Айзенштат М.П. М.: ИВИ РАН, 2012.
7. Барсов Е.В. Исторический очерк чинов священного венчания на царство в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР. 1883. Кн.1. Отд. 2.
8. Боярченков В.В. Историки-федералисты. Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х гг. XIX века. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005.
9. Боярченков В.В. Историческая наука в России 1830–1870-х гг.: поиск новой концепции русской истории: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009.
10. Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998.
11. Гжибовская О.В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
12. Гордиенко Н.С. Н.М. Никольский и его «История русской церкви» // http://scepsis.net/library/id_1717.html
13. Гордина Е.Д. Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции отечественной истории в 1930-е – первой половине 1940-х годов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2012.
14. Горский А.А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4.
15. Горчаков М. «История русской церкви» Макария, архиепископа Литовского и Виленского // Сборник государственных знаний. Т. II. СПб., 1875.
16. Гребенюк А. В. Письменные «церковные» источники конца XIV – начала XVI вв. в советских источниковедческих классификациях // Приволжский научный журнал. 2011. № 4.
17. Гребенюк А.В. Религиозно-политические идеи русской православной церкви и формирование централизованного государства в конце XIV – начале XVI веков (историография проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: НГПУ, 2005.
18. Гребенюк А.В. Русская источниковедческая мысль второй половины XIX века об источниках по истории русской церкви (к вопросу об источниковедческой терминологии и классификации источников) // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка. XVI чт. памяти чл-кор. АН СССР С.И. Архангельского. 15–17 апр. 2009 г. Ч. 2. Н. Новгород: НГПУ, 2009.
19. Грихин В.А. Древнерусские княжеские жития // Русская речь. 1980. № 2.
20. Гуров С.И. Русская историография XIX – начала XX вв. о житиях святых как историческом источнике // История мысли: историография. М.: «Вузовская книга», 2002.
21. Данилов В.П., Якубовская С.И. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории. 1961. № 5.
22. Дебольский Н.Н. В. Сергеевич. Русские юридические древности. СПб., 1890–1893 // ЖМНП. 1894. СПб. Ч. ССXCIV.

23. Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007.
24. Дмитриев Л.А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970.
25. Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.
26. Жданова Т.В. Статус князей в русском общественно-историческом сознании IX–XV вв. (по материалам погребальной практики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.
27. Завальников В.П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии. (Проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Омск, 2003.
28. Зевелев А.И., Наумов В.П. Историографический факт. Критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5.
29. Иванова М.В. Древнерусская агиография конца XIV–XV вв. как источник по истории русского литературного языка: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 1998.
30. Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М.: РГГУ, 1998.
31. Иллерицкая Н.В. Становление советской исторической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография: Сб. ст. / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
32. Источниковедение истории СССР. Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1981.
33. Казакова Н.А. Проблемы русской общественной мысли конца XV – первой трети XVI века в советской историографии // Вопросы истории. 1987. № 1.
34. Казакова Н.А. А.А. Зимин Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М.Мысль, 1982//Вопросы истории. 1983. № 12.
35. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970.
36. Каштанов С.М. Церковная юрисдикция в XIV – начале XVI вв. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. М.: Наука, 1990.
37. Клосс Б.М. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков // Избранные труды. Т. II. М.: «Языки русской культуры», 2001.
38. Колесов В.В. Древнерусский святой // ТОДРЛ. Т. XLVIII. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1993.
39. Комиссаренко А. Диспут на защите Е.Е. Голубинским в 1880 г. докторской диссертации «История Русской Церкви: источниковедческие аспекты» // http://www.krotov.info/history/19/1880/1880_golu.html
40. Корнев А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2004.
41. Костин Ю.В. Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли дореволюционной России второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2008.

42. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Мн.: Лучи Софии, 1997.
43. Краснобаев Б.И. Анатолий Михайлович Сахаров (1923–1978). Историографические заметки // История СССР. 1979. № 3.
44. Кривцов Д.Ю. Духовно-нравственное воздействие монашества на русское общество // Духовная культура. Материалы докладов Пятой межвузовской конференции по теории и методике преподавания культурологии в высшей школе. Н. Новгород, 1999.
45. Кусков В.В. Древнерусские княжеские жития. М.: Кругъ, 2001.
46. Кучкин В.А. Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г. // Вопросы истории. 1999. № 4–5.
47. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974.
48. Кучкин В.А. Судебник 1497 года и договорные грамоты московских князей XIV–XV веков // Отечественная история. 2000. № 1.
49. Кучкин В.А., Флоря Б.Н. Представления о княжеской власти в Северо-восточных русских княжествах в XIV–XV веках // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «от Рима к Третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.). М., 1995.
50. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: «Северная звезда», 2007.
51. Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. (Конец XIV – начало XV вв.). М.–Л., 1962.
52. Лурье Я.С. Две истории Руси XV в.: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.
53. Маштафаров А.В. Архангельский собор. Введение // Акты Российского государства. Архивы Московских монастырей и соборов XV – начала XVII веков. М., 1998.
54. Медведев А.А. Русская православная церковь в процессе формирования Московского княжества (1283–1453 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
55. Медушевский А. Н. Т. Бон. Русская историческая наука с 1880 по 1905 гг. Павел Милюков и Московская школа // Вопросы истории. 2000. № 1.
56. Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема семиотического указателя мотивов и сюжетов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 635. Тарту, 1983.
57. Милюков П.Н. Главные течения в русской исторической мысли СПб., 1913.
58. Милюков П.Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. М., 1886. Июнь.
59. Мирзоев В.Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М., 1978.
60. Морозова Л.Е. Конференция о роли церкви в истории России // Вопросы истории. 1986. № 7.
61. Мягков Г.П. Русская историческая школа. Методология и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988.

62. Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М. 1999. Вып. 5.
63. Оболенский Д. Шесть византийских портретов // Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
64. Памяти А.М. Сахарова // Вестник МГУ. Сер. «История». 1979. № 1.
65. Пауткин А.А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI века. М.: ИМЛИ, 1989.
66. Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. М.: Наука, 1990.
67. Поздеева И.В. Источниковедческое значение русских богослужебных текстов // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000.
68. Поздеева И.В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. №6.
69. Полухин Р.О. Проблемы соотношения общества, права и государства в правовой мысли России (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Белгород, 2004.
70. Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.
71. Пронштейн А.П. Источниковедение в России: эпоха феодализма. Ростов-на-Дону, 1989.
72. Прохазка Е.А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Т. XLII. Л.: Наука, 1989.
73. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975.
74. Рогожникова Т.П. Язык житийных текстов конца XV – середины XVI вв.: на материале Макарьевского цикла: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. СПб., 2003.
75. Рудомазина Т.Б. Летописные повествования о княжеской смерти: жанрово-стилевой анализ: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Елец, 2007.
76. Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография: Сб. ст. / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
77. Сидорова Л.А. Школы в исторической науке России // Отечественная история. 1996. № 6.
78. Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII веков. М., 1997.
79. Смирнов С.К. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879.
80. Смолич И.К. История Русской церкви. 1700-1917 гг. 1964. / <http://www.krotov.info/history/11/smolich>
81. Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.
82. Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Н. Новгород, 2010.
83. Солнцев Н.И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX вв. Н. Новгород, 2005.

84. Струтинская Т.А. Генезис концепции государственного устройства в российской либеральной мысли конца XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2007.
85. Тарасов А.Е. Религиозные аспекты политики Московских князей во второй половине XV – первой трети XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
86. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. Т. XX. Л.: Наука, 1964.
87. Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. // Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992.
88. Уварова И.Ю. Лексическая структура княжеского жития (на примере Сказания о Борисе и Глебе в Синодальной редакции) // Молодой ученый. 2012. № 11.
89. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб.: СПбГУ, 2005.
90. Успенский Б.А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998.
91. Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Собр. соч. в 12 т. Т. 8. / Сост., прим. С.С. Бычков. М.: Мартис, 2000.
92. Цамутали А.Н., Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники 1889–1927 гг. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005.
93. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981.
94. Шишкин И.Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV–XVI вв. (1917 – нач. XXI в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010.
95. Юрганов А.Л. Символы Русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. 1997. № 8.
96. Янин В.Л. Из истории новгородско-московских отношений в XV в. // Отечественная история. 1995. № 3.

Гребенюк Алексей Викторович

**Православная церковь
и государственное объединение Северо-Восточной Руси в конце XIV –
начале XVI столетий: проблемы отечественной историографии**

Монография

Научный редактор д-р ист. наук А.А. Кулаков

Редактор Н.П. Гришуткина

Подписано в печать _____ Формат Бумага Печать трафаретная.

Уч. изд. л. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

603950, Н. Новгород, Ильинская, 65.

Полиграфцентр ННГАСУ, 603950, Н. Новгород, Ильинская, 65.